Бухарин

В ЗАЩИТУ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

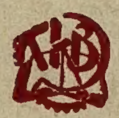

Н. БУХАРИН

В ЗАЩИТУ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

СБОРНИК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1928

Н. БУХАРИН

В ЗАЩИТУ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

СБОРНИК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 99875. Гиз. 24051. Тираж 30 000 экз.
Типография Госиздата „Красный пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий сборник объединяет несколько работ, на первый взгляд, как будто совершенно различных по своему содержанию. Возможно, что некоторые «догадливые» читатели увидят в этом «объединении» нарочитое ущемление партийной оппозиции, взятой под одну скобку с Каутскими и Устряловыми. Однако всякий беспристрастный человек увидит, что многие из коренных аргументов со стороны и тех, и других, и третьих «оппонентов», как три капли воды, походят друг на друга. И, с другой стороны, всякий беспристрастный человек увидит, что многие контраргументы, которые нужно приводить в защиту пролетарской диктатуры против Каутского суть те же аргументы, которыми партия бьет Устряловых и—увы!—троцкистскую оппозицию. У всех трех противников «режима» оказалась одна исходная база—обвинение СССР и ВКП в контрреволюционном («термидорианском») перерождении.

В 1924 г. тов. Троцкий совершенно справедливо писал:

> «Исторические аналогии с Великой французской революцией (крушение якобинцев!), которыми питаются и утешаются либерализм и меньшевизм, поверхностны и несостоятельны» («Новый курс», стр. 33).

Подписываясь теперь полными именами под «поверхностными и несостоятельными «аналогиями» либерализма и меньшевизма», троцкистские деятели почти целиком усвоили и всю аргументацию «либерализма» (Устрялов) и «меньшевизма» (Каутский). Эта трагедия оппозиционных лидеров есть не столько трагедия лиц, сколько трагедия целого течения, перманентно битого жизнью, так же перманентно терявшего своих сторонников и выступающего на пороге 10-летия Октября, с идеологией открытых противников партии.

Работы, собранные в настоящем сборнике, писались в разное время, по разным поводам и совершенно независимо одна

от другой. Тем примечательнее сходство аргументов и единство контратаки с нашей стороны. Логика бешеной фракционной борьбы под идейной гегемонией антиленинского течения привела к такому «развитию» и «углублению» ошибок оппозиции, что поставила их на одну доску с противниками диктатуры пролетариата в СССР и ее хулителями. Это, к сожалению, объективный факт, а не измышления фантастов. Этот «факт» должен быть преодолен практикой и теорией пролетарской партии, дружными рядами идущей в бой на защиту пролетарской диктатуры.

Н. Бухарин.

МЕЖДУНАРОДНАЯ БУРЖУАЗИЯ И КАРЛ КАУТСКИЙ, ЕЕ АПОСТОЛ.

Опыт последних лет с величайшей яркостью показал, что одной из могущественнейших подпорок буржуазного режима является социал-демократия: ее партийные организации, ее лидеры, ее теоретики, ее публицисты. С разных сторон они с величайшей настойчивостью слуг «преданных и верных» выполняют директивы сильных мира сего. Когда в воздухе пахнет грозой, когда буржуазия подготовляет какую-нибудь расправу, когда нужно одурачить, запугать, превратить в бессловесное, дрожащее от страха животное обывателя и из запуганных филистеров сколотить армию «рассвирепевших лавочников»,—тогда выпускают социал-демократию. Она отлично выполняет эти функции, эта «социалистическая» партия! И если прожженные шарфмахеры и волки спекулянтской биржи становятся вдруг щедрыми, как Бармат,—«социалисты» с чувством собственного достоинства берут мзду: не потому, что «non olet» («не пахнет»). Помилуйте, ведь это заработанные деньги!

Теперь мировая история, повидимому, вступает в какой-то новый фазис своего развития. Страна пролетарской революции растет и крепнет. А на Востоке разгорается громадное пламя, отсветы которого заглядывают в окна лондонских и парижских банков, огненные языки которого пугают господствующие классы всего мира. Крик ненависти к нам несется из-под буржуазных крыш. И в то время, как китайский народ поливают свинцовым дождем из пулеметов во славу человечности, христианства, цивилизации и—last but not least—высокого курса колониальных акций, против союза пролетарских государств плетется сложная сеть козней и интриг, военных союзов и заговоров, подготовки финансовой блокады и «нового курса» вообще («нового», т. е. того, который «был, да весь вышел»). Мы не очень боимся беснующейся буржуазной клики: она уже обломала себе зубы, обломает и теперь—с марокккской войной, с финансами Франции, с безработицей в Англии, с банковыми крахами в Германии,

с антантовско-германской проблемой и прочими гирями на шее,— пусть попробуют!

Но, если «они» и не «попробуют», то будут готовиться и готовятся. И запевалой в этой грязной подготовке выступает теперь... Карл Каутский, который диалектически превратился из сносного апостола социализма в положительно несносного апостола контрреволюции. В теперешней обстановке он выступил с новой брошюрой: «Интернационал и Советская Россия». Трудно читать эту книгу без чувства гадливости и величайшего отвращения; эта бешеная и бессильная контрреволюционная злоба; этот старческий маразм мысли, которая топчется на месте; это полное непонимание общественных объективных связей; эта назойливая угодливость перед господствующей буржуазией; эта психология филистера, который взбесился против «грабежа собственности»,—какое падение даже для ренегата! А ведь был человек...

I. Международное значение Советского союза.

Когда-то, двадцать слишком лет тому назад, Каутский писал:

> «Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций, тогда как Англия на ближайшее будущее вышла из ряда их. С 1870 г. у буржуазии всех стран начинают исчезать последние остатки ее революционных стремлений. Быть революционером и быть социалистом—с этих пор становится равнозначащим...
>
> Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию...
>
> В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов» [1]).

---

1) „Славяне и революция". Статья напечатана в „Искре", № 18, 10 марта 1902 г. Цитируем по „Искре".

Маркс, который, в противоположность дрянненьким «социалистам», с презрением «цивилизованных» лакеев говорящим о «муллах из Хивы», «туркестанцах» и т. д., придавал огромнейшее значение колониально-революционным движениям, писал о Китае:

«Когда наши европейские реакционеры вынуждены будут в ближайшее время бежать через Азию и доберутся, наконец, до Великой китайской стены, до ворот, которые ведут к очагу извечной реакции и извечного консерватизма, то кто знает, не найдут ли они на ней надпись:

Китайская республика.
Свобода, равенство, братство!» [1]).

А в одной из статей, опубликованных в «New-York Tribune» (номер от 14 июня 1853 г. [2]) Маркс писал:

«...Можно смело предсказать, что китайская революция бросит искры в перегруженную мину современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится за границей, непосредственно последуют политические революции на континенте. Это будет любопытное зрелище, когда Китай вызовет беспорядки в западном мире, между тем как западные державы посылкой английских, французских и американских военных кораблей будут насаждать «порядок» в Шанхае, Нанкине и в устьях Большого Канала».

Конечно, многое теперь изменилось: ведь прошло с тех пор три четверти столетия! Изменилось многое и с того времени, как Каутский написал свою пророческую статью о роли нашего пролетариата. Изменился (и изменил) и сам Каутский. Но характерно то, что основные тенденции развития, которые были предсказаны Марксом и Каутским, подтвердились полностью и целиком. Неслыханно разрушительная мировая война; ряд ре-

---

[1]) Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels. 1841—1850. Dritter Band, S. 445.

[2]) На русском языке опубликована тов. Д. Б. Рязановым вместе с его предисловием, дающим прекрасное освещение вопроса. См. „Правду", номер от 14 июня 1926 года.

волюций с центром в России; быстрый рост колоний; гром китайской революции (четыреста миллионов человек!),—разве «мир извечной реакции» не стал на голову?

Поднимемся сейчас над этим миром, постараемся охватить главное, самое существенное в общем положении. Что будет это «главное»? СССР и Китай. Чего больше всего боится международная буржуазия? Против кого она ополчается в первую голову, забывая нередко трения между различными своими национальными частями? Против СССР, как против могущественного антикапиталистического фактора. Буржуазия отлично понимает, что победа трудящихся в Китае, повторение там «русского опыта» означало бы конец господства буржуазного режима вообще. Один из наиболее проницательных политиков буржуазии, г-н Ллойд-Джордж, прямо говорит об этом. Недаром когда-то тов. Ленин в шутку хотел посвятить свою «Детскую болезнь левизны» именно мистеру Ллойду-Джорджу. Этот умный буржуазный лидер видит объективные общественные связи гораздо лучше и яснее, гораздо более «помарксистски», чем социалистические агенты буржуазии (ибо роль агентов связана неизбежно с ограниченным кругозором).

Боится буржуазия Каутского, II Интернационала, реформистов?

Нигде и никак.

Она боится только коммунистов. Она вешает только коммунистов. Каутский может быть спокоен: петля не охватит его шеи—он сгниет «сам собой».

Боится буржуазия, что ей угрожает Амстердам?

Никоим образом.

Но она боится, что Коминтерн проникнет со своим влиянием в ряды организованных Амстердамом пролетариев.

И буржуазия боится Союза пролетарских республик, против которого она выступает, в той мере, в какой она может выступать.

Разве это не так? Разве эти элементарнейшие, всем понятные, доступные даже обывательскому уму факты не говорят сами за себя?

Конечно, да. Но апологеты капитализма—потому и апологеты, что они фальсифицируют, извращают действительность. В угоду буржуазии они белое делают черным, а черное белым. В угоду буржуазии они существующее объявляют несуществующим, прошлое настоящим, а настоящее прошлым. Но в этой лжи, в этом

издевательстве над истиной, в этом изнасиловании правды есть своя логика: эта логика есть логика служения капиталу.

Капиталу нужно сделать красное белым. И Карл Каутский услужливо берет на себя роль фальсификатора.

> «Втечение ряда лет советское правительство занималось главным образом тем, чтобы порабощать, подкупать, одурачивать пролетариат как в России, так и вне ее... Оно является теперь сильнейшим препятствием подъема пролетариата во всем мире—худшим, чем гнусный режим Хорти в Венгрии или Муссолини в Италии...» [1]).

Каутский всерьез утверждает, что в сущности у нас теперь царит абсолютизм так же, как он царил до революции 1905 года. Каутский ставит для своего «Интернационала» такой остроумный вопрос: не нужно ли занять по отношению к советскому государству, как к

> «возобновленному русскому абсолютизму, такую же позицию, какую с самого начала занимал по отношению к нему его (II Интернационала) великий предшественник» [2]).

И он отвечает в общем утвердительно на этот вопрос! Ибо главная перемена в России лишь в том, что «абсолютизм» правит не из Петербурга, а

«из Москвы, дальше от Европы и ближе к Татарии», что, конечно, весьма предосудительно, ибо татары—ведь не народ с точки зрения «просвещенных» эксплоататоров и их лакеев.

Итак, советское правительство есть сильнейшее препятствие к подъему пролетарского движения, и притом во всем мире—вот «тезис» Карла Каутского.

Мы оставляем пока без внимания свидетельские показания сотен тысяч людей, которые никак не желают согласиться с Карлом Каутским. Постараемся, несмотря на явную нелепость этого детского заявления, разобрать его по существу.

Итак, СССР есть международный жандарм против рабочих, обманщик рабочих, их истребитель. Предположим, что это так.

Но ведь сам Каутский не отрицает, что теперешняя эпоха есть эпоха грозная для капитализма. С чьей стороны идет «гроза»? Со стороны рабочих. Не так ли? Так. Но если советское пра-

---

[1]) K. Kautsky, Die Internationale und Sowjet-Russland. Verlag von Dietz Nachfolger. Berlin. S. 11.

[2]) K. Kautsky, l. c., S. 6.

вительство играет роль усмирителя, прижимальщика и международного жандарма (как когда-то, в свое время, царизм), что же это значит? Это значит, что капитализм имеет в СССР свою лучшую опору. Но если капитализм имеет в СССР свою лучшую опору, так он должен был бы всячески беречь и холить эту опору, финансировать ее, поддерживать ее материально и морально. Каутский, напр., знал двадцать лет тому назад, что Французская республика спасала в 1905 году царизм своими деньгами. Ибо царизм был оплотом против революции.

А теперь?

А теперь вся международная буржуазия рвет и мечет против СССР и вынуждена заключать мир только потому, что у самой «руки коротки».

Так отчего же международная буржуазия так неласково относится к своей «опоре»? И—позвольте вас спросить по секрету: отчего она так ласково относится к седовласым изменникам, вроде вас, г-н Каутский? И даже потчует вашу партию из барматовского кошелька?

Почему имя Ленина и красная пятиконечная звезда известны всем угнетенным всех материков? А ваши злобные выходки издаются, цитируются и благословляются буржуазными «идеологами» и буржуазными потаскухами всех стран? По-че-му?

У Каутского не будет здесь ответа. Ибо настоящий ответ есть удар по лицу автору разбираемой брошюры...

Но взглянем конкретно на влияние СССР; посмотрим, где и как СССР является препятствием к «подъему рабочего класса».

Начнем с Англии, «классической страны капитализма», которая держит в своих жестких руках «полмира».

Много лет тому назад Каутский, еще не бывший ренегатом Каутским, писал об английском пролетариате:

> «Нигде пролетариат не отличается такой многочисленностью, нигде его экономические организации не достигли такого высокого развития, нигде не пользуется он такой широкой политической свободой, как в Англии,—и в то же время нигде пролетариат не страдает таким политическим бессилием...
>
> В качестве политического фактора английские рабочие стоят теперь ниже, чем рабочие экономически самого отсталого, политически самого несвободного из европейских государств—России. Живое революционное сознание,—вот что

дает последним их великую практическую силу; отречение от революции, нежелание итти дальше интересов минуты, так называемая «реальная политика»,—вот что делает первых нулем в действительной политике» [1]).

И дальше:

«...пролетарии поднялись так высоко только там, где они продолжали оставаться в самом резком антагонизме с буржуазией». А английские пролетарии «теперь представляют из себя... мелких буржуа, которые от других буржуа отличаются лишь несколько большей некультурностью и высший идеал которых заключается в том, чтобы пообезьяньи передразнивать своих господ, принимать их лицемерную респектабельность, их преклонение перед богатством... их пошлое времяпрепровождение...» [2]).

И Каутский со страстью набрасывается тогда на фабианцев, оппортунистов, «реальных политиков».

Увы, теперь фабианцы стали поставщиками идей для Каутского и германской социал-демократии! А «обезьяны» вроде Макдональда, за время «рабочего правительства» сделавшие только одно приобретение—как держать шлейфы у королев и как кланяться королям,—практическими лидерами каутскианского, с позволения сказать, «Интернационала».

Но... Но ведь было рабочее правительство.

Было, бабушка! Было, милая! Но не вспомнишь ли, старенькая, не вспомнишь ли, слепенькая, как это было?

Это было так, что английские рабочие шли против буржуазии под лозунгом признания СССР и вынесли на своих плечах блаженного Рамзэя Макдональда. Какую же роль сыграл здесь СССР?

Даже не особенно борзый разумом человек скажет, *что* это за роль.

А дальше. Пусть кто-нибудь попробует доказать, что англо-русское профсоюзное сближение означает связь с буржуазией, а не высвобождение из-под буржуазного влияния! Ибо высвободиться из-под буржуазного влияния, которое так великолепно изображал Каутский, когда был помоложе, это значит—высвободиться из-под влияния Веббов, Макдональдов (про-

---

[1]) К. Каутский, „Социальная революция". Изд. ВЦИК. М. 1918. Стр. 60—61.
[2]) Там же.

поведующих по воскресеньям по церквам), Сноуденов и прочих филистеров, которые никогда и не помышляли «о самом резком антагонизме с буржуазией». Но ведь эти персоны—сотоварищи и единомышленники теперешнего Каутского! Они—«господа положения» во II Интернационале! Они—его признанные лидеры! Они определяют его решения!

«Русское влияние», т. е. влияние пролетарской диктатуры, влияние большевиков, есть «влияние» в сторону высвобождения от «влияния» буржуазии. Это признают все. И поэтому господа Хиксы воспрещают въезд в Англию иностранным коммунистам и были бы очень рады «визиту» со стороны Каутского. Ведь это тоже бывший министр, который не обидел и не «ограбил» ни одного «порядочного буржуа»!

Другой полюс мира: Китай. Быть может, здесь СССР и русские большевики являются величайшим препятствием для подъема рабочего движения?

Но утверждать это, надеемся, не станет даже отпетый мошенник.

Во Франции только компартия ведет борьбу сейчас с гнусной империалистской войной, а парламентская фракция сотоварищей Каутского идет, хотя и упираясь, с правительством.

Мы не будем говорить много о Германии. Напомним лишь, что когда на Рур шли французы и занимали черными войсками немецкие города во имя все той же цивилизации и «простых правил права и нравственности», то единственным государством, которое открыто протестовало против этого акта насилия, был СССР. И единственной партией, которая поднимала свой голос против международного разбоя (голос рабочих), была партия коммунистов.

Нужно быть поистине бесчестным клеветником, чтобы после этого говорить о «Москве» и Третьем Интернационале:

> «Только бесхарактерные негодяи (Lumpen) и невежественные, бессмысленные болтуны могут здесь утвердиться» [1].

«Бесхарактерные негодяи»! Посмотрите на себя в зеркало, «честный» и «твердокаменный» г-н Каутский!

Где искать корней этого злопыхательства? Где нужно шарить, чтобы понять, как дошел до жизни такой человек, слывший марксистом, читавший и даже издававший Маркса?

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 11.

Быть может, ключ к этому дают следующие строки новой брошюры ренегата:

В России был «простой грабеж имущих, который понятен каждому разбойнику и вору» (das blosse Plündern der Besitzenden, das jeder Räuber und Dieb versteht) [1]).

И второе место, где «объясняется» и «разъясняется» мировая революция большевиков:

Большевики «видели свое... спасение в том, чтобы ограбить (zu plündern) более богатую Западную Европу, для чего им нужна была мировая революция, то есть открытая или прикрытая война против заграничных правительств. Это реальное, хотя и не всегда признаваемое, состояние войны означало выключение России из внешнего мира» [2]).

Эти места не требуют никаких комментариев. Раздраженный и озлобленный собственник-филистер, боящийся за свой халат и книжку из сберегательной кассы,—таков наш «герой».

Гораздо талантливее те же чувства выразил один известный русский монархист, В. В. Шульгин. В его мемуарах мы находим такую «философию русской революции» (февральской!):

«В буфете, переполненном, как и все комнаты, я не нашел ничего: все съедено и выпито до последнего стакана чая... Огорченный ресторатор сообщил мне, что у него раскрали все серебряные ложки...»

«Это было начало: так «революционный народ» ознаменовал зарю своего «освобождения». А я понял, отчего вся эта многотысячная толпа имела одно общее, неизреченно гнусное лицо; ведь это были воры—в прошлом, грабители—в будущем... Мы как раз были на переломе, когда они меняли фазу... Революция и состояла в том, что воришки перешли в следующий класс: стали грабителями» [3]).

И о «тактике» Шульгин рассуждал последовательно-каутскиански:

---

[1]) Там же, стр. 9.

[2]) Там же, стр. 23.

[3]) В. В. Шульгин, „Дни". См. сборник „Февр. революции". Мемуары. Сост. Алексеев. Гиз 1925. Стр. 96.

«...я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство.

— Пулеметов!

Пулеметов—вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлоги вырвавшегося на свободу страшного зверя...

Увы, этот зверь был... Его Величество русский народ!..» [1]).

Мы увидим, как Каутский закричит и о пулеметах. Теперь нам хотелось лишь отметить это поразительное сходство чувств и мыслей (их можно все же назвать мыслями) у русского черносотенца и у социал-демократического «теоретика».

II. Абсолютизм Романовых и „абсолютизм" большевиков.

Каутский—мы забегаем здесь в изложении несколько вперед—будет звать против советской власти различные вооруженные силы. Но он не прочь предварительно пококетничать своей добродетелью; он, изволите видеть, готов был бы испробовать сперва все другие меры: «переубеждения, научных аргументов или апелляции к чувству товарищества, которое нас когда-то соединяло: к стыду и человечности» [2]).

Мы предпочитаем здесь говорить о «научных аргументах», ибо «чувства стыда и человечности», так прекрасно выразившиеся в социал-демократической слежке за Либкнехтом и Розой, в их убийстве, во всей политике социал-демократии, вплоть до «человечных» расправ Носке, «человечной» деятельности болгарских социал-демократов, поддерживающих Цанкова, и «стыдливых», интимных и истинно-«человечных» связей с Барматом—явно понимаются нами поразному.

Итак, обратимся к «научным аргументам» Каутского.

Мы, правда, видели, какова «наука» этого писателя и каковы его «научные аргументы» в вопросе о международном значении СССР. Они, как две капли воды, смахивают на «научные аргументы» капиталистических департаментов полиции; их внутренняя ложь обнаруживается даже при самом легком прикосновении критики. Посмотрим, однако, как аргументирует «критик большевизма» в других вопросах.

---

1) Там же, стр. 89.
2) K. Kautsky, l. c., S. 12.

Одной из центральных проблем (у Каутского эта «проблема» поставлена даже во главу угла) является вопрос о теперешнем «абсолютизме большевиков». Правда, г. Каутский здесь не столько доказывает, сколько декретирует. Но мы обязаны проследить и эти «декреты».

Итак, дадим слово Каутскому:

«...Снова сидит в России «варварская сила», которая нагло попирает «простые законы права и нравственности». Снова мы могли быть свидетелями «идиотского равнодушия», с которым Европа (наш курсив. *Н. Б.*) «глядела на завоевание кавказских горных крепостей». Изменилось лишь то, что на этот раз равнодушие не ограничилось «высшими классами» и что «эта варварская сила» имеет свою головку не в Петербурге, а в Москве, дальше от Европы и ближе к Татарии, и что «ее руки» замешаны не столько «в каждом кабинете», сколько в каждом пролетарском движении, и не только Европы, но и всего мира» [1]).

Это декрет № 1. Оставим пока его без возражения и приведем другие тезисы социал-демократического «ученого».

«Конечно, большевистский деспотизм отличается от других, с которыми мы до сих пор имели дело, тем, что новые деспоты были когда-то нашими товарищами...» [2]). Однако «в Америке есть многочисленные миллионеры, которые в молодости принадлежали к самым бедным пролетариям. Их пролетарское происхождение ни капли не мешает им позднее превращаться в циничнейших и самых бессердечных эксплоататоров пролетариата. То же самое мы видим у большевиков. То обстоятельство, что они поднялись со дна пролетарских условий существования к неограниченной власти не гарантирует, что они думают попролетарски и ценят уважение пролетариата; это обстоятельство способствует лишь тому, что они от других господствующих классов отличаются лишь особой жестокостью и бесстыдством» [3]).

---

1) Karl Kautsky, l. c., S. 5—6.
2) Ibid., S. 14.
3) K. Kautsky, l. c., S. 15.

Это—«научный аргумент» № 2.

> «Как всякий другой военный деспотизм, как военные монархии Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов, и он должен быть преодолен силой» [1]).

Это—«научный вывод» из предыдущего.

Вот и вся «философия» Карла Каутского.

За исключением положения о прежнем «товариществе» все остальное можно найти в любом буржуазном памфлете на диктатуру пролетариата в России: и в заграничных «произведениях», и в лабораториях русских белогвардейцев, от монархистов до эсеров включительно. Наши пролетарии лишь с возмущением прочтут эти злобные контрреволюционные строки. Но мы пишем и для тех товарищей, которым залепила уши буржуазная пресса («свободная»!), и только поэтому должны разбирать этот вздор.

Прежде всего, в «анализе» Каутского всякого марксиста поражает преступно-легкомысленное отношение автора к классовому анализу государственной власти. Он ставит на одну доску абсолютизм «Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов» и большевиков. Притворимся на минуту, что это нас не возмущает. Отложим в сторону все негодование по адресу теоретического погромщика, который когда-нибудь заслужит орден «почетного легиона». Разберем вопрос спокойно.

Каутский должен был бы, если бы он был хоть капельку честен, поставить вопрос о классах.

Что лежало в основе романовский монархии? В основе романовской монархии лежало на $^{99}/_{100}$ полуфеодальное поместье. Крупный помещик-полукрепостник был классовой основой романовской монархии. Эта «азиатская» (ибо наиболее феодальная) характеристика экономических основ самодержавия вполне объясняет, почему специфической особенностью «русской» революции было такое огромное значение для нее аграрного вопроса.

Что лежало в основе гогенцоллернской монархии? Блок юнкера, «агрария», т. е. вылезшего в значительной мере из феодального мундира и надевшего мундир капиталистический, помещик с городским капиталистом, причем удельный вес помещика был еще очень велик. Примерно то же было и в Австрии.

---

1) Ibid., S. 17.

Почему российское самодержавие было самым опасным врагом международного пролетариата? Потому, что это была самая реакционная сила в мире. А самой реакционной эта сила была потому, что ее основу составлял экономически и социально самый реакционный класс. Международным жандармом и оплотом реакции было государство с наибольшими остатками феодализма, коего опорой являлась полуфеодальная крупная поземельная собственность.

Неужели это непонятно? И неужели непонятно также и то, что Германия и Австрия были, с точки зрения своих жандармских функций, наиболее близки к России именно потому, что в этих странах буржуазные революции не расправились так радикально с феодальной поземельной собственностью, как это было, напр., во Франции?

Можно как угодно оценивать нашу революцию. Но отрицать тот факт, что она, как нигде, разбила и смела с лица земли феодального помещика, в состоянии только сумасшедший. Каутский до такой ступени в своем попятном «развитии» еще не дошел. Он не отрицает гибели помещика, хотя ему и не особенно приятен этот «грабеж» («Ausplünderung»). А если это так, то как же может человек, претендующий на звание марксиста (не шутите!), ставить на одну доску Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов, большевиков?

Извините, гражданин! Это не только не марксизм, это даже не вульгарный марксизм: это элементарная безграмотность. Лишь на языке Каутского такие апологетические танцы могут называться «научными аргументами»: грош им цена.

Это до такой степени очевидно, апологетическое фокусничество Каутского столь неловко, столь грубо, столь неумно, что даже г. Федор Дан, вершитель судеб меньшевистской партии, должен был ополчиться на разбираемый тезис. Гр. Дан пишет по поводу брошюры Каутского:

> «К сожалению, при разработке своей основной (наш курсив. *Н. Б.*) темы Каутский не дал того, что мы вправе были ожидать именно от теоретического вождя марксизма... Вместо такого анализа Каутский уже в первой главе своей брошюры, требующей со стороны нынешнего Интернационала такого же отношения к большевистскому абсолютизму, какого Маркс требовал от I Интернационала по отношению к абсолютизму царскому,—ограничивается поста-

новкой знака равенства между этими двумя «абсолютизмами».

Но можно ли вместо конкретного социально-экономического анализа такого исторического явления, как русский большевизм, ограничиться формально-логической классификацией, при которой это «дитя революции» попадает в ту же рубрику «абсолютизма», как романовская монархия? Такой метод приводит к самым неожиданным выводам, на странность которых указал даже П. Н. Милюков» [1]).

Это прямо картина для богов! Дан и «даже П. Н. Милюков» обучают Каутского марксизму! Несчастный ренегат так «поспешает», при своей старости, угодливо забежать перед буржуазией, что спотыкается, шепелявит, заикается; марксистская маска съезжает с лица на затылок, и «даже П. Н. Милюков» вынужден (вероятно, не без легкого отвращения) поправлять ее. Дождались, г-н Каутский!

Итак: ставить «власть большевиков» на одну доску с абсолютизмом—значит ровно ничего не понимать в этих явлениях или злостно передергивать. Мы охотно предоставляем Каутскому выбор между двумя соответствующими категориями «моральных» и «добродетельных» людей.

Из предыдущего следует, что с этой точки зрения взгляды Каутского и на международное значение советской власти получают новый сокрушительный удар.

Но вернемся к дальнейшему разбору нашей темы. Если государство в СССР не есть господство крупных землевладельцев и в то же время не есть господство пролетариата, то что же это такое? Где классовый корень этого господства? Что же думает по этому поводу Каутский?

Самым лучшим толкованием было бы примерно такое толкование: большевики взяли власть как пролетарская партия; а потом, посидев у власти, выродились, перестали быть пролетарской властью и проделали такую же эволюцию, как некоторые из американских миллионеров, которые вышли из рабочих низов. Только те поднялись благодаря личной наживе, и их соучастие в государственной власти есть результат личной наживы, а здесь личная нажива стала результатом захвата политической власти.

---

[1]) Ф. Дан. „Каутский о русском большевизме". „Социалистический Вестник", номер от 20 июня 1925 г.

Повторяем, это «наилучшее» толкование, которое можно дать клочкам замечаний, разбросанных у Каутского.

Если это так, то, вопервых, все те, кто мешал партии пролетариата работать, кто саботировал эту работу, кто вместе с генералами и буржуа поднимал против этой партии меч, играл объективно контрреволюционную роль и заслуживал «плебейской» расправы. Думать, что октябрьский переворот совершила «кучка захватчиков», значит принципиально сойти с почвы марксистской методологии. Таким образом, здесь было бы дано полное оправдание большевистской тактике, пока партия не «выродилась».

Но предположим, что все это—«история», а Каутский требует обсуждения не того, что было, а того, что есть. Прекрасно. Итак, большевиков нужно рассматривать по типу «выродившихся», по типу американских миллионеров из рабочих.

Примиримся (на бумаге, читатель!) с этой горькой участью. Сделаем такое допущение. Согласимся с Каутским на минуту, что это так.

Вот тут-то и начнутся настоящие чудеса. В самом деле. Ведь Каутский выставил «американский» пример на горе самому себе. Если у нас на место царизма, сиречь государственной власти феодальных помещиков, стала власть буржуазии американского типа, т. е. такой буржуазии, как в Америке, то ведь это должно быть самым приятным для Каутского. Ведь Каутский со всеми германскими (да и не одними германскими) социал-демократами только и делает, что лижет «американские штиблеты»: нужно вспомнить, как эти господа кадили Вильсону, нужно видеть, как умиленно они глазеют сейчас на карман «дяди Сэма». Правда, здесь форма правления не совсем такая; но раз таково же классовое существо, то и за формой дело не станется. Правда, Каутский, который говорит теперь, что американские self-made-man'ы «самые бессердечные и самые циничные эксплоататоры», почему-то не делает вывода о свержении правительства Американских Штатов. Но эту непоследовательность (или забывчивость!) можно простить старику... Разве, однако, читатель не видит, как безнадежно запутался со своими «учеными аргументами» бывший «министр социалистической республики», теперешний верноподданный фон-Гинденбурга Карл Каутский?

Далее. Никто решительно не сможет оспаривать того факта, что нэпманы как раз и есть «американского» типа буржуазия: буржуазия пронырливая, без гербов, без традиций, self-made-

man'ы. Однако мы, большевики, **не даем** им политических прав. А Каутские требуют этого. Как же объяснить такую «неувязку», милостивый государь?

И здесь сразу же обнаруживается, в какие дебри заводит **Каутского** предположение об американско-буржуазном характере советской власти. Ибо совершенно необъяснимым делается тогда факт ущемления новой буржуазии, лишение ее политических прав, ожесточенная борьба с ней на хозяйственном фронте: ведь нельзя же отрицать, что наше государственное хозяйство не без успеха борется с частным хозяйством допущенной нами нэповской буржуазии. С точки зрения Каутского все это—необъяснимые факты. Или... или нужно **бросить** эту гипотезу и строить какую-либо иную.

Можно было бы тот же вопрос осветить и с другой точки зрения. Г-н Каутский толкует о вырождении, о миллионерах, о неуважении к пролетариату, об антипролетарской политике. Но он ничего, **ровно** ничего не приводит в доказательство, кроме воплей о «терроре». О «терроре» (вот уж напугался: точно родимчик человека хватил!) мы поговорим после. А вот, где у Каутского хоть какие-нибудь данные относительно материального положения членов нашей партии? Где у него хоть **попытка** проанализировать этот вопрос с **этой** стороны (а она **обязательна**, если говорить о вырождении всерьез)? Где, словом, те «миллионы», которые должны быть достаточным аргументом для аналогии с американскими миллионерами? Ведь все это старый клеветник высосал из пальца. Или он питается росказнями монархической эмиграции о брилльянтах и кулонах Зиновьева, этих экономических коррелатах знаменитых «писем», на которые опирался г-н Рамзэй Макдональд? Об уважении к пролетариату, о политике и т. д.: где у Каутского хоть **слово** о «ленинском наборе», о росте нашей партии и комсомола, о повышении материального благосостояния рабочих? Где хоть **слово**, которое бы **намекало** на знакомство с **фактами**?

Но все это—книга за семью печатями для Каутского: он опирается, повидимому, лишь на одну «гениальную интуицию» да на белогвардейские кабацкие сплетни, этот лучший «источник» для серьезного «ученого».

Итак, гипотезу об американско-буржуазном характере нашей власти нужно бросить за ее полной негодностью. Но все-таки нужно же дать ответ на вопрос о **классовой природе** совет-

ской власти: от этого вопроса некуда улизнуть, да и «совестно» улизывать «марксисту»,—не так ли?

У Каутского, как мы видели, дана такая характеристика: «господствующий класс», который «отличается» от других (?) господствующих классов лишь «особой жестокостью и бесстыдством». Однако даже малый ребенок видит, что такой «марксистский» критерий для классификации господствующих классов как будто бы маловат. Как будто бы все же нужно искать социально-экономический базис класса. Правда, г-н Каутский теперь изрядно «переучился»: он ведь «в два счета» заменил диктатуру пролетариата коалицией с буржуазией. Но мы еще не слыхали, чтобы понятие класса строилось на рассуждениях о «грубости» взамен точных и объективных социально-экономических критериев.

Впрочем, в одном месте брошюры мы находим несколько «смелых» строк, которые как будто бы должны объяснить, в чем дело. Каутский пишет:

«Они (т. е. большевики.—*Н. Б.*) теперь дошли до того (dahin gelangt), что живут от господства над пролетариатом и от эксплоатации его. Но они не имеют никакой охоты уступать эту позицию классу капиталистов. Поэтому теперь они стоят и над пролетариатом и над капиталом и пытаются использовать и тот и другой как орудие (als Werkzeug) [1])».

Итак, мы видим, что «американская» гипотеза в результате каких-то размышлений отвергнута через несколько страниц и самим автором этой гипотезы. Теперь мы имеем концепцию «класса», который стоит и над капиталом и над пролетариатом. Каутский даже пишет, что «они» не стали «силой, дружественной капиталу» [2]), а просто «используют» и всех и вся.

Этот замечательный «социологический анализ» поистине заслуживает внимания. Мы должны на нем остановиться подробнее. Но предварительно необходимо сделать несколько замечаний вот какого рода:

вопервых, по Каутскому, мы никак не можем быть крестьянской властью и выражать интересы крестьянства;

вовторых, по Каутскому, никак не выходит, чтобы советская власть могла трактоваться, как власть «организаторской

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 25. Курсив наш.
[2]) Там же.

интеллигенции» (Богданов); наоборот, Каутский сугубо подчеркивает мнимую враждебность нашу этой интеллигенции.

После этих замечаний перейдем к дальнейшему разбору.

Итак, большевики стоят «и над пролетариатом и над капиталом». Прекрасно. Разберем эту «формулу».

Прежде всего один вопрос: что же эти самые «большевики» составляют класс, или они класса не составляют?

Предположим, что они составляют класс: ведь говорит же г-н Каутский о том, что этот «класс» отличается от «других господствующих классов своею жестокостью и бесстыдством».

Итак, коммунисты это—общественный класс. Проанализируем (вопрошая все время Каутского), что же это за особый класс.

Прежде всего, нужно иметь в виду, что партия (с кандидатами) насчитывает около миллиона человек. Из них изряднейшая часть падает на рабочих «от станка» и крестьян у «плуга». «Спрашивается в задаче»: что же эти товарищи, живущие на свой скудный заработок, жертвующие всем,—принадлежат к эксплоататорам? Или как? Они живут в сфере производительного труда во всех смыслах этого слова. Они непосредственно создают материальные ценности и часть своего труда отдают государству; свое внепроизводственное время, которое Каутский, напр., тратит на отдых, они отдают утомительнейшей общественной работе. Как их прикажете считать?

Если их Каутский зачислит в эксплоататоры, то даже лошади будут хохотать над таким ученым... колпаком.

Если же их следует считать эксплоатируемыми, то тогда внутри партии должно существовать два класса, причем один класс является смертельным врагом другого.

Но есть еще «служащие». Они, что ли, являются эксплоататорами? Где признак этого? В том, что их труд непосредственно не создает материальных ценностей? Но тогда Каутский, напр., является эксплоататором par excellence, ибо он никогда не касался никакого «станка», живет в сфере непроизводительного труда, а по уровню своей жизни стоит гораздо выше $^{999}/_{1000}$ работников нашей партии.

Что же осталось от «класса»? Кучка «ответственных работников». Почему же она—«класс»? Где конститутивные признаки этого «класса»?

Господствующий класс всегда характеризуется тем, что он имеет монополию на средства производства, по крайней мере на

главнейшие средства производства, в данном обществе. Если кучка людей есть господствующий класс, то это означает, что эта кучка обладает, как своей собственностью, «национализированными» средствами производства. Другими словами, из концепции Каутского вытекает, что, скажем, члены политбюро, в том числе и аз грешный, суть владельцы и собственники всей крупной промышленности, финансово-капиталистическая олигархия, получающая прибыль, новые «миллионеры». Но тогда эта кучка была бы классом новых капиталистов-миллионеров. Только где эти миллионы? И где эта капиталистическая олигархия? И где эта прибыль? И где этот странный концерн? Не спутал ли г-н Каутский нас с Барматом? Ведь он, вероятно, знает кое-что о так называемой «ложной апперцепции»?

Такие абсурды получаются, если продумать «мысль» Каутского до конца.

Предположим, однако, что Каутский говорит о классе фигурально или условно. Предположим, что большевики не класс. Что же получается тогда? Классовое общество без господствующего класса? Государство без классового содержания? Так просто, вроде субстанции и сгустка «грубости, жестокости и бесстыдства»?

Ну, «философия общества»! Ну, Каутский! Ну, «научные аргументы»!

Если большевики не класс, то, значит, они выражают интересы какого-то класса.

Этот класс—не крупные землевладельцы (они выкорчеваны, ausgerottet, как признает сам Каутский).

Этот класс—не капиталисты (это тоже признает Каутский).

Это класс—не крестьяне, не интеллигенция (даже если считать последнюю за класс).

Что же остается?

Остается пролетариат.

Мы еще вернемся к этому вопросу в другой связи, а теперь перейдем ко второй, прямо относящейся к теме, проблеме. Мы видели, как «удачно» анализирует Каутский вопрос о классовом содержании советской власти. Посмотрим теперь, как он ставит вопрос о форме государственной власти.

Здесь достаточно будет ограничиться несколькими замечаниями. Под абсолютизмом, как известно, разумеется такая государственная форма, которая полноту власти сосредоточивает в руках одного лица, причем это положение юридически за-

креплено. Абсолютизм есть абсолютная монархия в противоположность республике или монархии конституционной. Только такой смысл, если не брать в счет словесного кривлянья, имеет это слово.

Но отсюда ясно, что применять такой термин к республике советов значит именно кривляться или не знать дела, не знать азов государственного устройства нашей страны.

Конечно, г. Каутский не так наивен. Мошеннически употребляя слово «абсолютизм», он, в сущности, протестует против системы одной руководящей партии, против системы диктатуры. Ему не нравится, так сказать, коллективный «абсолютизм» класса пролетариев. Он ведь создал, как упомянуто выше, убогую теорийку, по которой диктатура заменяется коалицией. С точки зрения коалиции с буржуазией диктатура, естественно, кажется «абсолютизмом». Это более чем понятно и в дальнейших объяснения не нуждается.

Итак, что касается классового содержания нашей власти,—оно является пролетарским.

Что касается формы ее, то она является диктаторской.

То, что бесит Каутского, то, против чего он ведет бешеную борьбу, есть, стало быть, диктаторская форма государственной власти пролетариата. Диктатура пролетариата,—вот объект ненависти всей международной буржуазии и ее социал-демократического апостола.

III. Большевистский террор, „социалисты" и массы.

Мы должны перейти теперь к разбору внутренних политических соотношений в стране, как их рисует Каутский и как они выглядят на самом деле. Но мы вынуждены предварительно остановиться на некоторых суждениях о терроре, ибо Каутский раз навсегда ушиблен этим вопросом, и, несмотря на разъяснения, которые он получил, хватается снова за насквозь прогнившие аргументы. Всякий, знакомый с фактами, знает, что террор у нас вовсе не стоит теперь «в порядке дня». Его время прошло, ибо силы народа разорвали кольцо интервенции и блокады. Пока господам Каутским не удастся натравить на рабочих и крестьян Союза иностранных капиталистов (а это есть, как мы увидим ниже, главная задача гнусной книжонки Каутского), у нас не будет террора. Но все же приходится отвечать на «научные аргументы» и по этой линии, ибо, с одной сто-

роны, Каутский их «развивает», а с другой стороны, на этом «развитии» можно легко показать, как элементарно нечестен этот автор, как низко опустился он на дно грязной буржуазной апологетики.

> «Феодально-абсолютистские державы Священного Союза более ста лет тому назад положили начало (интернациональному объединению.—*Н. Б.*); противодействовавшие им демократические революционеры различных стран увидели себя вынужденными в борьбе против интернациональной реакции выступить с организацией международного сближения (zu internationaler Annäherung) и международных симпатий. Пролетариат создал тогда первый прочный Интернационал современного типа» [1]).

«Священный Союз» был, прежде всего, союзом против революционной Франции, которая была даже после Термидора революционной страной по сравнению с феодальными государствами. Революционная Франция в собственном смысле слова была, прежде всего, Францией якобинской диктатуры. Якобинская диктатура нашла свое наиболее острое выражение в режиме террора, который был вынужден блокадой, интервенцией, войной, заговорами, голодом и разорением.

Почему Каутский, однако, ведет свою родословную от революционных демократов? Почему он не зовет к восстанию против них? Почему он не становится на сторону белой роялистской или жирондистской эмиграции, огнем и мечом орудовавшей против диктатуры якобинцев?

Или, быть может, никакого террора не было во время Французской революции? Или не было диктатуры якобинских клубов?

Не так давно известный историк Французской революции, «левый» буржуазный профессор А. Олар выступил с новой брошюрой по поводу роли насилия в этой революции [2]). В предисловии к русскому переводу этой брошюры белогвардеец Миркин-Гецевич пишет:

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 58.

[2]) А. Олар, Теория насилия и Французская революция.

Брошюра тотчас же была издана белогвардейским издательствам „Я. Половецкий и К⁰“ в Париже на русском языке и снабжена предисловием небезызвестного „приват-доцента Миркина-Гецевича“.

«Олар произнес речь о той теории насилия, которую в Москве хотят подкрепить историческими примерами французского террора. Таким образом речь знаменитого историка, являющегося вместе с тем идеологом французского демократизма... вырастает в некоторую программу. Олар заклеймил насилие главным образом потому (наш курсив.—*Н. Б.*), что Москва, практикующая террор и насилие, пытается оправдать кровь Чека (на каком это языке сказано, г. «приват-доцент»?—*Н. Б.*) террором Конвента».

«Умный» Миркин-Гецевич «удружил»! «Умный» Миркин-Гецевич выболтал тайну фальшивых «опровержений». Эти опровержения нужны «главным образом потому, что Москва» и т. д., и т. п.

А как обстоит дело с «объективной истиной», о которой—на словах—так пекутся «беспристрастные исследователи»?

Летом 1793 г. из Конвента выгоняются жирондисты, и якобинцы становятся диктаторской партией. 5 сентября—петиция Шометта, который заявляет, что единственный метод борьбы с богачами—террор.

«Гора, будь для Франции Синаем. Довольно милосердия, мы должны уничтожить их, или они уничтожат нас» (Moniteur, XVII, № 250, стр. 521).

Представители от 48 секций Парижа и якобинского клуба заявляют:

«Поставьте террор в порядок дня. Будем на-страже революции, ибо контрреволюция царит в стане наших врагов» (Mon., XVIII, № 250, стр. 526).

Дантон:

«Революционный трибунал действует слишком медленно. Нужно, чтобы ежедневно аристократ, злодей расплачивались за свои преступления головой» (Mon., XVII, 250, 523).

Барер:

«Роялисты хотят крови, так и дадим же им кровь заговорщиков...; роялисты хотят разрушить труды Конвента. Заговорщики! Конвент разрушит ваши труды. Вы хотите погубить Гору. Хорошо, так Гора раздавит вас» (Moniteur, XVII, 251, 531).

Затем издается «закон о подозрительных», и гильотина начинает работать без остановок. 18 октября 1793 г. Конвент издает закон, коим революционным комитетам на местах вменяется в обязанность указывать арестованным мотивы их ареста. Но уже 24 октября этот декрет отменен, ибо он, по словам Робеспьера, «только заставил бы революционные комитеты выполнять излишние формальности» (Mon., XVII, 35, 215—216). По поводу террористических декретов Робеспьер говорил:

«Революционное правительство защищает добрых граждан, оно знает только наказанье смертью для врагов народа» (Mon., XIX, 97, 51).

И дальше:

«Те, кто называет эти законы тираническими (вспомните «абсолютизм» и «деспотию» Каутского!—*Н. Б.*), глупые софисты или испорченные люди... В конце концов они хотят только зарождения тирании и смерти отечества» (Mon. XIX, 97, 51).

Сен-Жюст, 10 октября:

«Вы должны наказывать не только преступников, но и индифферентных. Вы должны наказывать тех, кто бездействует в Республике и ничего не делает для нее... Правосудие и миролюбие—хорошие средства для друзей свободы, но для врагов они не что иное как меч. Нужно управлять железом, если нельзя управлять законом» (Mon., XVIII, № 23, стр. 106 [1]).

Если бы Каутский потрудился познакомиться с фактами, он, например, узнал бы, что по декрету от 23 вентоза (13 марта 1794 года) полагалась смертная казнь даже за покушение на достоинство Конвента; по закону от 22 прэриаля, самому свирепому террористическому закону, в судах устраняется решительно всякая гарантия «прав подсудимых»: уничтожаются допросы свидетелей, защита и т. д., и единственным наказанием вводится смертная казнь, причем крайне расширяется круг пре-

---

[1]) Мы приводим цитаты из Moniteur'a, не имея времени взять их по первоисточнику, из работ товарищей Р. Авербух: „Террористический режим во Франции в 1793—1794 году" („Вестник Комм. акад.", 1925 г., кн. XI); ее же: „А. Олар и теория насилия" („Печать и революция", 1925 г., кн. I); Моносова: „Насилие и Франц. революция" („Под знаменем марксизма", 1924 г., кн. 8—8).

ступлений. Правда, этот закон был уже направлен и налево, против «бешеных» и т. д. Но не видеть, что диктатура якобинцев была террористическим режимом высшей марки, это значит ничего не понимать или сознательно не желать видеть то, что видеть нужно.

«Язык «революционных демократов» (sic!—*Н. Б.*), как видим, был мало похож на шепелявый и контрреволюционный язык старого «глупого софиста» Каутского!

Итак, по отношению к Французской революции: Каутскому нужно вести свою родословную не от «революционных демократов», а в лучшем случае от контрреволюционных жирондистов, не от «Горы», а от «Жиронды». Это—первый вывод: не суйтесь, милостивый государь, в ряды великих демократов и подальше держите свои руки!

В свое время Г. В. Плеханов, человек бесконечно более талантливый, чем К. Каутский, пророчески предсказал распадение социализма на «Гору» и «Жиронду», когда дело дойдет до настоящей революции. Плеханов писал:

> «В самом деле, 1793 год ознаменовался жесточайшей борьбой Горы с Жирондой. Если эта борьба не помешала французским революционерам дать хороший отпор общему врагу, то это значит, что объединение революционеров не составляет необходимого условия их успеха. А если принять во внимание еще и то, что победа монтаньяров над жирондистами удесятерила силу сопротивления революционной Франции, а примирение этих двух партий, наверное, очень ослабило бы ее, то выходит, что в революционном деле добрая ссора иногда бывает лучше худого мира...» [1]).

Все это Плеханов писал по поводу речи Вандервельде о необходимости единства среди социалистов.

Предсказание осуществилось полностью и целиком. И поэтому мы были вынуждены бороться с так называемыми «социалистическими» партиями (на самом деле контрреволюционными мелкобуржуазными организациями) не только «духовным оружием».

Мы должны поставить и этот вопрос, ибо сейчас увидим, как попадается Каутский, как путается несчастный контр-

---

[1]) „Заря", № 1, стр. 231 и сл.

революционер в своих жалких софизмах, как преступно-легкомысленно относится он к фактам, какое позорное невежество и бесстыдство он обнаруживает в вопросах жизни и смерти пролетарского движения.

Главным аргументом против нас он считает преследования «социалистов» (т. е. меньшевиков и эсеров), а равно террористический режим в целом. «Ужасы Чрезвычайки» и прочее—это тот «незыблемый фундамент», на котором покоятся все дальнейшие рассуждения Каутского.

> «Уже с 1903 года,—пишет этот герой,—они (т. е. большевики) оправдывали, совершенно в духе Нечаева, ложь, обман, насилие против своих бывших партийных друзей (!!—*Н. Б.*). Все это гигантски усилилось с тех пор, как они захватили власть, благодаря тому, что они направили свои пулеметы, без всяких колебаний, против меньшевиков и социал-революционеров, которые имели большинство в Учредительном собрании» [1]).
>
> Большевистский режим «основан на насильственном порабощении масс и не может отказаться от этих насилий. Он должен их все более обострять» [2]).

Итак, мы захватили власть потому, что выгнали эсеров и меньшевиков из Таврического дворца. А эти эсеры и меньшевики опирались на большинство Учредилки, и, следовательно, большинство народа. Мы же—кучка террористических насильников, которых нужно смести с лица земли.

Хорошо. В котором году было проделано это «величайшее насилие» над Учредилкой? Знает об этом Каутский?

Это было в январе 1918 года.

А что, он, Каутский, пишет в своей брошюре на других страницах?

Послушаем.

Вот, напр., мы на стр. 56 узнаем, что Каутский и К⁰ были против иностранной интервенции (он пишет: «wir», т. е. «мы»). Это автор мотивирует так:

> «Мы отклоняли ее уже только потому, что она предпринималась тогда со стороны реакционных правительств

---

[1]) Kautsky, l. c., S. 14—15.
[2]) Ibid., S. 17.

против режима, который в то время был еще революционным. Она таким образом означала войну реакции против революции», (курсив наш.—*Н. Б.* [1]).

На стр. 48 мы, к своему удивлению, читаем:

«Теперь дело обстоит иначе, чем в 1920 году, ко времени войны с Польшей. Тогда большевистский режим в России имел за собой еще большие массы рабочих и крестьян, с их энтузиазмом (grosse Massen von Arbeitern und Bauern begeistert hinter sich). Теперь (в 1925 году-то!!!—*Н. Б.*) он повсеместно натыкается на их ожесточеннейшее сопротивление, которое вспыхивает каждую минуту в местных восстаниях» [2]).

Но что отсюда следовало бы (если бы все утверждения Каутского были правильны)?

Вопервых, отсюда следовало бы, что эпоха террора как раз и была эпохой «большевистского энтузиазма» «широких масс рабочих и крестьян». Каутский так небрежно относится к фактам, что он не видит даже, как мало связаны у него концы с концами.

Когда начались «преследования социалистов»? Когда стал развертываться фронт гражданской войны и интервенции. Когда террор достиг своего наивысшего напряжения? В 1919 году, когда Колчак был в Сибири и на Урале, Юденич подходил к Петербургу, Деникин подходил к Москве.

Все это, значит, было до 1920 г., когда «большие массы рабочих и крестьян с энтузиазмом» поддерживали большевиков.

Как же это случилось, почтенный ренегат, что был этот энтузиазм (Begeisterung) по отношению к «палачам», «палачество» которых как раз незадолго перед тем достигло наивысшего напряжения? Ответ ясен: это случилось потому, что террор был орудием широких масс рабочих и крестьян против белой гвардии. Террор был орудием революции в ее оборонительной войне против реакции. В каких же дураках остается Каутский со своей злобой! Пусть судит об этом читатель.

Второе. Интервенция была, по Каутскому, борьбой реакции против революции. Но «интервенты» ведь поддерживали русских генералов и пр., боровшихся против Красной армии Советов.

---

1) Ibid., S. 56.

2) Ibid., S. 48.

Значит, и этих генералов Каутский все же согласен сопричислить к реакции, которая хотела раздавить революцию. Не так ли?

Теперь спросим себя (и Каутского тоже): имела ли право «революция» всеми мерами (а не только «духовными») бороться против «вооруженной реакции»?

Как будто бы да.

А теперь пойдем дальше. Известно ли Каутскому, что «социалисты» прямо и непосредственно шли в блоке с «интервенционистами»? Мы оставляем пока вопрос о меньшевиках с их скользкой позицией. Но известно ли Каутскому, что партия социалистов-революционеров, имевшая наибольшее количество голосов в любезном Каутскому Учредительном собрании, прямо шла в блоке и с иностранными государствами и с русскими генералами? Она брала деньги у иностранных государств, вела вооруженную борьбу с советскими войсками в недрах интервенционистских войск; она находилась в постоянной связи с иностранными консулами, по их директивам устраивала заговоры, восстания, террористические покушения. Ведь все это доказано. Ведь как можно отрицать факты? Что же эсер Лихач не сидел в архангельском правительстве? Эсеры не вели борьбу на Волге с нашими войсками? Эсерка Каплан не стреляла в Ленина? Цека эсеров не готовил еще покушений? Не был в связи с Нулансом? Эсеры не имели белого «Административного центра», откуда давали и деньги, и директивы на организацию борьбы?

Или, быть может, Каутский скажет, что эсеры сражались вместе с Красной армией против войск реакции? Пусть попробует! Мы публично предлагаем Каутскому оспорить факты, достаточно всем известные.

А теперь спросим: если в войне реакции с революцией (формула самого Каутского) «социалисты», имевшие большинство в Учредительном собрании, стали на сторону реакции, то что же должна была делать революция?

Она, милостивый государь, должна была делать с этими «социалистами» то же, что монтаньяры делали с жирондистами.

Так и поступала партия «пролетарских якобинцев», партия большевиков.

Каутский не только запутался, но и обнаружил поразительное невежество. Не зная дат, не зная основных фактов,

имея в чернильнице лишь слюну бешеной собаки, трудно, конечно, выдумать «научные аргументы»...

Теперь мы хотели бы сказать несколько слов по поводу общей линии развития и соотношений между классами в нашей стране. По Каутскому выходит, что в 1918, 19, 20 годах за нашей партией и за советской властью шли большие массы рабочих и крестьян, а теперь за нами нет никого, теперь повсеместно вспыхивают восстания и т. д.

Всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с фактическим положением вещей в нашей стране, увидит, прочитав эти строки, какой зеленый вздор городит под видом «научных аргументов» софист Каутский.

Всякий, знакомый с фактами, знает, что именно 1918 и 1919 годы были самыми тяжелыми годами, что именно тогда крестьянство колебалось больше всего, что именно на этот период падают местные восстания вандейского характера. И тем не менее в общем и целом оба класса—и рабочие, и крестьяне—действительно с энтузиазмом защищали, босые и голодные, молодую советскую власть против блока иностранных интервенционистов, буржуа, помещиков, генералов, кадетов и... «социалистов»-учредиловцев.

Всякий, знакомый с фактами, наконец, знает, что теперь говорить о «восстаниях» может только человек, не имеющий никакого соприкосновения с реальной жизнью нашей страны. Никогда пролетариат не имел такого доверия к нашей партии, как сейчас. Никогда крестьянство в своей массе не было так «советски» настроено, как в настоящее время. Никогда советская власть не была так внутренне прочна, как в данный момент. И никогда не было так мало репрессивных воздействий, как в текущий период нашей жизни.

Если бы господин Каутский потрудился поучиться; если бы он взял источники, стал их проверять; если бы он потрудился читать груду материалов, имеющихся и за границей, то он не мог бы за один мах натворить столько бессмысленнейших «легенд», сколько он их натворил на протяжении одной небольшой брошюры.

Мы переходим все быстрее на точку зрения «революционной законности». Что это—вовсе не один агитационный лозунг, а действительная, проводимая в жизнь, политическая линия нашей партии и советского государства, это видит всякий, кто следит за нашим законодательством, за судебной практикой, за выбор-

ными кампаниями в советы, и так далее, и тому подобное. Но разве Каутский изучает документы, роется в книгах, учится читать порусски? Зачем ему все это?! Это ведь какие-нибудь утописты вроде Маркса или Энгельса чудачили и учились языку народа, который «дальше от Европы и ближе к Татарии». У просвещенного Каутского найдутся другие «научные аргументы»: знакомые эсеры, меньшевики, «русские вообще», грузинские князья и дворяне, которые всегда с величайшей готовностью будут присылать Каутскому копии тех же документов, какие они рассылают сильным мира сего.

Когда-то Каутский возмущался буржуазными историками, оплевывавшими с усердием и таборитов, и монтаньяров, и левеллеров. Теперь он буквально слово в слово повторяет эту грязную идеологическую стряпню по отношению к партии революционного пролетариата. Он обвиняет нас во всех смертных грехах, даже в социализации женщин (тоже «ученый аргумент» на основе какого-то паршивого полицейского документа). И он вороватo прячет от своих читателей те бесконечные преступления против народа, которые были совершены иностранными войсками, белой гвардией и «социалистами».

Начиная с 18 года Каутский писал против нас свои гадости. Теперь, задним числом, он говорит о большевистском энтузиазме в *1920 году*. Но зато он возмущается настоящим. Поживем—увидим, что потом и здесь (только задним числом) будет все сказано «совсем наоборот». Ибо не объективное «познание» важно для Каутского. Ему нужно максимально напакостить пролетарскому режиму. Поэтому он старается изо всех сил: небо снова как-будто покрывается тучами, и нужно еще раз основательно выслужиться перед буржуазией. Разве вы, читатель, не знаете, что это и называется «Weg zur Macht» («путь к власти»)?..

IV. Пролетариат, государство, партия.

Большевики,—утверждает Каутский,—
«с самого начала не стремились к тому, чтобы пролетариат освобождал сам себя. Они считали пролетариат неспособным на это. Он (по их мнению.—*Н. Б.*) годится только на то, чтобы в качестве слепого орудия следовать за своими, небом избранными, вождями, большевиками, которые приведут его в рай.

Это последнее ожидание улетучилось, но их (большеви-

ков.—*Н. Б.*) недооценка пролетариата (Geringschätzung des Proletariats), оценка его как простого пушечного мяса для большевистской власти—осталась»[1]).

Разберем, прежде всего, это «положение» Каутского, который имеет, ну, скажем... «смелость» выступать перед всеми в своей убогой старческой наготе.

«Недооценка пролетариата». «С самого начала (?!) большевики не стремились к тому, чтобы пролетариат освобождал сам себя». Какие уши нужно иметь для того, чтобы издавать эти великолепные речения!

Автору «научных аргументов», по всей вероятности, известно, что именно большевики защищали до конца идею гегемонии пролетариата в нашей революции. И эту идею они утвердили и воплотили в жизнь, ведя непрестанные, упорные, систематические бои с «жирондистскими» социалистами: «экономистами», меньшевиками, народниками всех родов, в том числе и в первую очередь с эсерами.

Что составляло ось спора большевиков с оппортунистами? Каутскому не вредно было бы вспомнить об этом; ведь когда-то не кто иной как он сам, своей собственной персоной, писал брошюру о «движущих силах («Triebkräfte») русской революции», где теоретически вплотную подходил к большевистской позиции против меньшевиков. Не вспомнит ли Каутский, о чем шла тогда речь?

Мы охотно ему напомним: речь шла о различном отношении к либеральной буржуазии и вместе с тем о различной оценке роли пролетариата.

В чем же было существо разногласий? В том, что меньшевики рассматривали пролетариат как силу, «подталкивающую» своего либерального союзника; большевики же решительно отвергали такую оценку либерализма, считали либеральную буржуазию контрреволюционной силой, полагали, что пролетариат должен не «толкать» буржуазию, а, идя во главе революционного крестьянства, активно с ней бороться, разоблачать, бить...

Излишне говорить о народниках, которые вообще никогда не понимали «исторической миссии пролетариата» и лишь издевались над ней.

Кто же, о, богоравный «ученый» муж, недооценивал про-

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 25.

летариат? И не ваши ли теперешние коллеги считали (и считают его) пушечным мясом либеральной буржуазии?

Но подождите: это еще не все. Каутский, как известно, писал не только брошюру о движущих силах русской революции, Каутский заменил также положение Маркса о диктатуре пролетариата положением о коалиционном правительстве с буржуазией.

Каутский проделывает эту теоретическую (имеющую и громадные практические последствия) измену марксизму совершенно цинично, среди бела дня.

> «В своей знаменитой статье «К критике социал-демократической партийной программы» Маркс говорит:
>
> «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения одного в другое. Этому соответствует также и политический переходный период, государство которого не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата».
>
> Эту фразу мы теперь, на основе опыта последних лет, можем по отношению к вопросу о правительстве изменить таким образом:
>
> «Между временем чисто-буржуазно и чисто-пролетарски управляемого государства лежит период превращения одного в другое. Этому соответствует и политический переходный период, правительство которого по правилу будет иметь форму коалиционного правительства» [1]).

Это пишет Каутский в комментарии к новой программе с.-д., где бывшие марксисты целиком сдали свои позиции открытому и наглому, теперь господствующему в рядах с.-д. ревизионизму.

Здесь, пожалуй, уместно вспомнить, что писал в комментариях к программе российской социал-демократии Г. В. Плеханов:

> «Что же изменилось с тех пор,—спрашивает Плеханов,—как знамя общественного прогресса перешло из белых рук буржуазии в мозолистые руки пролетариата? Почему диктатура, бывшая полезной и необходимой в руках одного класса, стала ненужной и нецелесообразной в руках

---

[1]) K. Kautsky, Die proletarische Revolution und ihr Programm. Stuttgart, Dietz, 1922. S. 106.

> другого? Изменилось только отношение буржуазии к общественному прогрессу. Прежде она защищала его и была проникнута революционными стремлениями; теперь она противится ему и как огня боится всего, что носит на себе печать таких стремлений. Поэтому ее идеологи, некогда так красноречиво рассуждавшие о «войне классов» и о революционной роли силы, теперь так вкрадчиво толкуют о «социальном мире» и о бесполезности классовой диктатуры для «решения социального вопроса». Но «что враг советует, то верно худо». Если против мысли о диктатуре пролетариата восстают защитники нынешнего общественного порядка и находящиеся под их влиянием мелкобуржуазные «критики» Маркса, то это происходит именно потому, что эта диктатура представляет собою необходимо политическое условие социальной революции»[1]).

«Критик» Маркса Карл Каутский тащит на поводу пролетариат для того, чтобы заниматься сводничеством с буржуазией, подменяя этим сводничеством дело мужественной пролетарской диктатуры...

Когда, «с самого начала», большевики призывали к гегемонии пролетариата, они «недооценивали» рабочий класс. А когда меньшевики тащили его под хомут либеральной буржуазии, они, конечно, «высоко ценили» пролетарские силы.

Когда большевики боролись за пролетарскую диктатуру, тогда они «недооценивали» рабочий класс.

А вот когда меньшевики стояли за коалицию, они «глубоко веровали» в мощь пролетариата.

Когда большевики в ответ на империалистическую войну звали рабочих к войне гражданской, они «недооценивали» самостоятельность пролетариата, они делали его «пушечным мясом» своих вождей.

А вот когда социал-демократы звали пролетариев разбегаться по своим национальным куткам, гнить в траншеях во славу своих буржуазных правительств, резать друг друга по патриотическим мотивам,—вот это значило вести борьбу «за освобождение пролетариев их собственными руками».

И так далее, и тому подобное.

---

[1]) **Плеханов, Сочинения, т. XII, „Комментарий к проекту программы РСДРП“, стр. 227.**

Таких примеров можно привести тысячи. Партия Каутского превращала, превращает и будет превращать пролетариат в пушечное мясо для буржуазии. И поэтому она кричит и вопит против тех, кто хочет отвоевать пролетариат от социал-демократических обманщиков. Именно социал-демократическая клика вождей преследует свои цели, цели порабощения пролетариата буржуазией. Это на 100 проц. доказал опыт последних лет, от начала войны до цанковского террора против коммунистов включительно.

И после всего этого у Каутского поворачивается рука, чтобы писать о недооценке роли пролетариата? Какая моральная низость нужна поистине для того, чтобы быть теперешним Карлом Каутским!..

Именно большевизм наиболее высоко ценит пролетариат, «верит» в его массовую силу, в его творческие способности, в его руководящую роль, в его диктатуру. И именно меньшевизм всех родов принижает пролетариат, заставляет его служить буржуазии, служит сам «проводником буржуазного влияния на пролетариат». Таков первый вывод.

Но буржуазия и ее полиция, ее шпионы и ее публицисты уже давно усвоили себе один «высокомудрый» демагогический прием; когда они видят, что создается партия—пусть даже маленькая,— которая опасна их режиму, они пробуют говорить рабочим: вот «вожаки» хотят использовать вас как пушечное мясо...

Так поступает и Карл Каутский, теперешний охранитель священных устоев капитализма, певец Лиги Наций, Пиндар английской «демократии», ненавистник большевиков.

Но постараемся разобрать и этот аргумент («научный», разумеется, отнюдь не полицейский—боже сохрани!).

Итак, ответ по вопросу об общей оценке пролетариата мы дали.

Каутский, однако, пишет, что большевики

> «... с самого начала не стремились к тому, чтобы пролетариат освобождал сам себя».

Что означает эта, на первый взгляд, невинная фраза? Какой смысл она имеет?

Должно ли происходить дело так, что пролетариат «освобождает сам себя», а его партия стоит в стороне, хлопает в ладоши, если пролетариат «освободил сам себя»; горюет и плачет, если это не удалось?

Так что ли должно происходить дело?

Разумеется, такое представление было бы вздором. Теоретически ошибка сводится здесь к тому, что партия противопоставляется классу, представляется величиной, или силой, стоящей вне рядов своего класса, где-то сбоку, в стороне. Между тем партия есть передовая часть класса, именно та его часть, наличие которой и превращает пролетариат из «класса в себе» в «класс для себя». Поэтому постановка вопроса, предполагающая такое «самоосвобождение» рабочего класса, которое исключает активнейшую роль партии именно в этом процессе, есть постановка вопроса нелепая, внутренне-противоречивая, антимарксистская.

С другой стороны, если партия не исключается из этого процесса, если она не противопоставляется рабочему классу, если она включается, как составная часть этого последнего, то возникает вопрос: какова ее роль?

И на этот вопрос ответ (если не сходить с почвы марксизма) может быть только один: роль партии есть руководящая роль, роль вождя.

Казалось бы, это ясно, как божий день. Тот же Плеханов (мы нарочно ссылаемся именно на него) в своих, уже цитировавшихся нами, комментариях к программе писал:

> «Заботливо и не без «ортодоксального» умысла оттенили мы в нашем проекте роль социал-демократии, как передового отряда (наш курсив.—*Н. Б.*) рабочей армии и вместе ее руководителя (наш курсив.—*Н. Б.*)... С точки зрения правильно понятого марксизма все это разумеется само собою. Но «критическая» смута и сюда напустила густого тумана, благодаря которому русские социал-демократы «экономического» направления вообразили, будто обязанность социал-демократии состоит не в том, чтобы безустанно и как можно скорее двигать вперед классовое самосознание пролетариата, а единственно в том, чтобы выражать то, что уже сознано им без какой бы то ни было помощи со стороны «революционной бациллы». Не совершая самоубийства, социал-демократия никогда не может согласиться на эту смешную и позорную роль пятого колеса в телеге»[1]).

---

[1]) Плеханов, 1 с., стр. 228.

«Густой туман, или, вернее, целые облака ядовитых газов, пускает теперь «критик» Маркса К. *Каутский*, пускает для того, чтобы замазать, затуманить, запутать ясный вопрос о соотношении *партии и класса*. Как это делается? Очень просто.

Если партия руководит классом, то в известной степени, в условном смысле, она стоит *над* остальной частью пролетариата. С другой стороны, всем известно также, что и эксплоататоры стоят *над* пролетариатом. Стоит теперь поставить знак равенства между этими двумя предлогами «*над*»,—и дело готово, вывод тут как тут: партия равна эксплоататорам, большевики стоят «и над капиталом, и над рабочим классом» и т. д., и т. п.

Правда, этакое рассуждение можно приложить к *любой* партии, к партии *вообще*. Но об этом предпочитают молчать: ведь нужно подорвать значение большевиков, а вовсе «не любой партии».

Разгадка вопроса *по существу* не представляет ровно никакого затруднения. Ошибка вышеприведенных рассуждений заключается в том, что слово «над», употребляемое в двух *совершенно разных* смыслах, берут именно в *одинаковом* значении.

Энгельс на могиле *Маркса* говорил, что со смертью этого гениального вождя человечество стало ниже на целую голову. *Маркс* стоял в *этом* смысле, т. е. в смысле своего умственного превосходства, *над* другими людьми, в том числе и над пролетариатом. Поэтому он был вождем его. Но только сумасшедший может сказать, что *это* «над» выражает то же отношение, какое существует между капиталистом и рабочим. Капиталисты есть *другой класс* по отношению к пролетариату. Партия пролетариата есть *часть* класса, и ее «высшая» (руководящая) роль никакого отношения *эскплоатации* не выражает: она выражает *отношение руководства*.

Но понятно, что враги рабочего класса метят в *голову* пролетариата, в его *передовой, руководящий* отряд; уничтожить его значит *обезглавить* класс; до тех пор он будет неспособен к правильной классовой борьбе, пока у него снова не «отрастет» голова, т. е. не выделится и не сорганизуется революционный авангард, его классовая партия, его руководитель и вождь.

Вопрос делается кристально-ясным, если мы возьмем не вождей пролетариата, а вождей буржуазии. Никому не придет в голову утверждать, напр., что г-да Ллойд-Джорджи или Чембер-

лены и т. д. угнетают, эксплоатируют и пр. буржуазию. Никому не приходит в голову кричать: диктатура партии, а не класса, диктатура Чемберленов, а не буржуазии и т. д.

А вот по отношению к нашей партии именно эта бессмыслица и говорится Каутским и К°. Почему это говорится,— вопрос другой: это очень полезно буржуазии...

Класс пролетариев в целом—это не то, что его государственная организация, понимаемая, как аппарат; государственная организация (диктатура)—это не то, что организация партии. Но партия руководит государственным аппаратом, который, в свою очередь, является широчайшей организацией класса. Без руководства партии не могла бы существовать и пролетарская диктатура. Без руководства со стороны партии немыслимо и самоосвобождение класса.

Конечно, положение партии пролетариата, который стал у власти, таково, что есть постоянная опасность отрыва партии от класса, ее бюрократизации, ее вырождения, окостенения и т. д. Наша литература весьма подробно разбирала этот вопрос. Наша практика постоянно выдвигала, как одну из центральных своих задач, задачу борьбы с бюрократизмом. Теоретически, конечно, возможно перерождение части партии, слияние ее с нэповской буржуазией и спецами, образование нового класса капиталистов из «выходцев снизу». К этому толкают нас меньшевики, Каутские и т. д., требующие возврата к «здоровому капитализму». Но на это никогда не пойдет наша партия, все более и более утверждающая свои позиции, как единственная революционно-пролетарская партия нашей страны. Каутский не потрудился изучить ни одной области нашей общественной жизни, не обнаружил ни малейшего желания проверить те или другие сведения. Это ведь вовсе не требуется для «услужающих» буржуазии! Зато он выбрасывает целые тонны квалифицированного лганья и отборной клеветы.

> «Его («большевизма») режим попадает в растущее противоречие с интересами народных масс; он все более вынуждается к тому, чтобы опираться на штыки и палачей. Иначе не может править маленькое меньшинство, которое обрушивает страну в растущую нищету» [1]).
>
> «Этот режим теперь является уже не только врагом всех небольшевистских партий, он стал опаснейшим врагом

1) K. Kautsky, Die Internationale und Sowjet-Russland, S. 14. Курсив наш.

самого пролетариата. Пролетариат в России приговорен к растущему бессилию и невежеству» [1]).

«Большевики преследовали цель «не просвещения пролетариата, а его низведения до роли своего слепого орудия» [2]). Рабочий класс в «России» «впадает в глубокую апатию, разочарованный и обозленный» [3]).

Мы собрали нарочно этот душистый букет с полей нашего «критика», чтобы трудящиеся нашей страны видели, во что превратился Каутский. А для наших заграничных товарищей по классу, хотя бы и таких, которые еще идут за социал-демократией, мы противопоставим голым утверждениям Каутского ряд цифр и ряд фактов. Ибо факты—«упрямая вещь», как любил говаривать тов. Ленин.

Каутский утверждает, что влияние коммунистов все падает. Факты говорят, что это влияние все растет. Каутский например, ни слова не говорит о «ленинском призыве». Между тем в неделю «ленинского призыва» в партию вступило около 200 000 рабочих, а вскоре еще 55 тысяч, причем резко изменился процент «рабочих от станка» в нашей партии, повысившись до 40% [4]).

Число членов партии непрерывно растет и в 1925 году. По данным статистических отчетов парткомов, число членов партии за три первые месяца 1925 г. увеличилось на 64 233, число кандидатов—на 41 815. Общее число членов партии (с кандидатами) выросло до 850 тыс. человек, при непрерывном увеличении рабочего ядра [5]). Не правда ли, как все это «похоже» на росказни Каутского? Не правда ли, как это «подтверждает» рост рабочей «ненависти» к коммунистам, «апатии», «озлобления» и прочих вещей?

Берем Комсомол, организацию юношества, непосредственно примыкающую к партии. Имеем такие цифры:

1922 г., октябрь (V с'езд)	206 000	членов
1923 „ январь	303 944	„
1924 „	500 700	„
1925 „	1 140 706	„
1926 „ апрель	1 432 608 [6])	„

1) Ibid., S. 11. Курсив наш.
2) Ibid, S. 126.
3) Ibid., S. 30.
4) „Ленинский призыв РКП (б)". Сборник изд. 1925. Стр. 4 и 5.
5) Справка стат. отдела ЦК РКП (б). № 134.
6) „РЛКСМ в цифрах". Выпуск III, Москва. 1925 г. Табл. I и II, стр. 7.

А к настоящему времени число членов перевалило за полтора миллиона! В самом деле, какая страшная «апатия»! Мы видим небывалый, бурный, совершенно исключительный организационный рост. А злобный колдун контрреволюционной социал-демократии на-крик кричит об «апатии». Факты—одно, Каутский—другое. Тем хуже, очевидно, для фактов.

Возьмем детское движение трудящихся, движение «юных пионеров» и «октябрят», целиком и полностью развивающееся под коммунистическим влиянием и руководством. В 1924 году оно только стало развиваться понастоящему (1924 год был первым годом быстрого хозяйственного подъема страны). К январю 1924 г. число пионеров было 161 349. За один 1924 год оно выросло, к вашему, г-н Каутский, сведению, в шесть раз! Оно стало захватывать и деревню, оно проникло в отдаленнейшие уголки страны, к нациям и народам, при буржуазном режиме не имевшим даже доступа к какой бы то ни было организации. Вот цифры роста движения:

	Число отрядов	Число пионеров	Число октябрят
На 1 янв. 1924 г.	3 000	161 349	—
„ 1 июля „ „	3 704	200 000	—
„ 1 окт. „ „	12 000	730 000	50 000
„ 1 янв. 1925 г.	19 814	1 000 032	100 325
„ 1 апр. „ „	25 866	1 299 519	? [1])

У этих пионеров имеется около 15 000 стенных газет, т. е. из каждых 100 отрядов—74 издают газеты, процент неграмотных всего—3,2 (вспомните, что речь идет о стране, где еще 8 лет тому назад стоял у власти царизм!).

Похожа эта картина на картину «озлобления» и «апатии», дикой борьбы против просвещения и на прочие плоды больного и расстроенного старческого воображения?

Возьмем профессиональные рабочие союзы. Уже значительное время тому назад мы перешли здесь к индивидуальному членству, в противоположность автоматическому объединению в союз при системе военного коммунизма. Этот переход, однако, не только не выразился в уменьшении членов профсоюзов, а, наоборот, привел к их росту. На 1 января 1924 года процент объединенных в союзы пролетариев достигал 95,9 [2]), к V съезду

---

[1]) „Детское коммун. движение в цифрах“, вып. II. Изд. стат. под отдела ЦК РЛКСМ. М. 1925.

[2]) „Профес. союзы СССР“. Отчет ВЦСПС к VI съезду профсоюзов М. 1924, стр. 12.

профсоюзов союзы объединяли $4\frac{1}{2}$ миллиона рабочих. Однако уже VI съезд констатировал увеличение числа членов (вместе с ростом индустрии) на целых 30%, и число членов перевалило за 6 миллионов [1]). Но какое до всего этого дело «ученому» Карлу Каутскому?

У нас возникла целая громаднейшая сеть рабочих и крестьянских самодеятельных и чрезвычайно живых ячеек так наз. «советской общественности». Кипучая строительная работа вздымается так быстро, с такой энергией, что нехватает руководителей, советчиков, помощников. А. Каутский... Да что Каутский! Разве он когда-нибудь поймет что-либо?

Вот, например, организации «рабочих корреспондентов» и «сельских корреспондентов» (рабкоров и селькоров). Число их росло тоже с поразительной быстротой. Насчитывалось:

	Рабкоров.	Селькоров.	Итого.
Март 1924 г.	32 570	24 800	57 370
Август „	43 200	57 500	100 700
Декабрь „	63 260	79 780	143 060 [2])

И рост этот продолжается теперь еще более быстрыми шагами. В связи с этим стоит появление на фабриках, заводах, шахтах, в избах-читальнях и т. д. стенных газет. Год тому назад их число выражалось в цифре 3 000, а теперь их многие десятки тысяч! [3]).

Знает ли Каутский, что у нас теперь разовый тираж газет доходит до $7\frac{1}{2}$ миллионов, до 5 миллионов ежедневный (против $2\frac{1}{2}$ миллионов довоенного времени)? Конечно, он об этом и не слыхал.

Рабочие шефские общества, прообраз слияния городской культуры с деревней, совершенно новое бытовое явление, насчитывают теперь свыше миллиона членов. Скажите, в какой стране рабочий класс осознает настолько свою культурно-революционную роль по отношению к деревне? $4\frac{1}{2}$ миллиона членов МОПР, $2\frac{1}{2}$ миллиона членов ОДВФ, $1\frac{1}{2}$ миллиона членов Доброхима, общество «Друзей радио», «безбожников», «Руки прочь от Китая», «Друзья детей» (свыше миллиона членов) и бесконеч-

---

[1]) „Задачи профдвижения и всесоюзный съезд профсоюзов"; ст. Догадова, „Итоги и перспективы", стр. 8.

[2]) См. сборник „Наша печать". Изд. Гос. инст. журналистики. М. 1925.

[3]) Там же, стр. 31. См. также „Итоги и перспективы", стеногр. отчет 2-го всесоюзного совещания рабкоров, селькоров и т. д. при „Правде".

ный ряд других организаций, кружков, объединений,—все это, конечно, доказательства «глубокой апатии»,—не так ли? Крестьянские о-ва взаимопомощи, растущая кооперация, советы с их комиссиями, беспартийные конференции, колоссальная роль Красной армии как школы и великого пропагандиста, работа «женотделов» и связанных с ними организаций, и так далее и тому подобное,—разве знает об этом что-либо стреляющий по советской власти Карл Каутский?

Тысячи рабочих и крестьянских детей проходят—впервые в истории—через высшие учебные заведения. Но что знает об этом Карл Каутский, ренегат социализма?

Весь период, через который проходит наша страна, является периодом неслыханно-напряженной организационной работы: с низов, идут огромные массы, медленно поднимаются наверх, учатся, иногда перенапрягая свои силы; учатся на работе, учатся в партии, учатся в школе, учатся на великом опыте жизни. Конечно, наследие варварства так необъятно велико, темнота была так черна, разорение от войны, блокады, интервенции так огромно, что мы выползаем не сразу из трясины. И не гладко проходит процесс самого подъема, не без внутренних трений, не без уклонов, даже иногда не без частичных внутренних конфликтов. В противоречиях мы развиваемся и растем. Но мы растем, растет наш класс, ставший руководителем всего общества. Бесчисленные организации группируются около кооперации, профсоюзов, комсомола, советов, партии. В разнообразных сочетаниях между собой, в разной связи, переплетаясь и связываясь, строят они новое общество, шаг за шагом вытесняя старые формы: в политике, в экономике, в культуре и науке, в быту. И всем этим организациям сообщает единство воли авангард рабочего класса, наша великая (великая, господин Каутский!) партия!

Никогда еще не было государственной формы, которая так бы раздвигала рамки действительной демократии для трудящихся, т. е. обеспечивала бы им реальное вовлечение в процесс общественного строительства, как советская форма государства. И никогда еще не было такой громадной и концентрированной силы, которая бы с таким напором толкала широкие массы вперед, вела их, будила, звала вперед, как наша партия.

Наши язвы мы отлично видим. Но мы видим, как двигается вперед человеческая лавина. И мы знаем про свою партию: «есть нашего меду капля в этом величайшем историческом процессе».

V. Советский режим и экономика страны.

Мы должны перейти теперь к разбору тех удивительных тезисов, которыми Каутский угощает мир, когда говорит об экономическом положении Союза. Чтобы понять результаты каутскианских «исследований», «критических замечаний» и просто ругательств, необходимо иметь в виду некоторые методические, вводящие предпосылки, которые являются характерными для Каутского. Эти предпосылки «критик» изложил в следующем своем замечательном «декрете»:

> «Примерно должно быть правильным утверждение, что три четверти того, что рассказывается миру о России,—вранье. Но это не нужно понимать так, как представляют дело большевики, а именно, что все, сообщаемое их противниками, лживо и все правильно, что они рассказывают сами. Можно принять, что из сведений (Berichten), изображающих положение России в мрачных красках, половина лжива, а другая половина правильна. Но, с другой стороны, по сути дела почти все неправильно (so gut wie alles unrichtig ist), что имеется из розовых рассказов «очевидцев» [1]).

Итак, Каутский заранее считает ложью все хорошее, что получается о советской стране, в качестве компенсации предлагая признать половину плохого тоже ложью. В итоге остается другая половина, воплощение истины. Но эта «истина» должна быть черной, как ночь.

Разубеждать Каутского в том, что его нехитрая арифметика представляет субстанцию истины, вряд ли стоит. Но для читателей все же нужно подчеркнуть хвастливую и насквозь бесчестную теоретическую наглость этого господина. В самом деле, откуда он пришел к таким выводам? Где он обнаружил хоть какое-нибудь знакомство с фактическим материалом? Не в своих ли утверждениях о социализации женщин? Не в своих ли ежедневных «марксистских» предсказаниях о неизбежной скорой гибели большевиков, предсказаниях, которыми он занимался наряду со всеми прочими белогвардейскими астрологами, сочинявшими гороскоп советской власти из своей собственной классовой злобы?

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 27.

В конце концов ведь не что иное как практика служит критерием истины. Каутский даже тогда, когда, по его же (теперешним, правда!) словам, за большевиками был энтузиазм рабочих и крестьян, писал свои злобные статьи и книжонки, предсказывая «моментальную смерть» советской власти. Чем он в этом отношении отличался от белых публицистов всех мастей? Ровно ничем. Оттого Каутского поднимают на щит герои белой эмиграции. Но это ведь вряд ли может возместить другой важный факт: факт скандального провала белогвардейско-каутскианских предсказаний...

Но переходим к самой теме. Каутский, конечно, не преминул напасть на нас с самого начала, ab ovo, «gründlich». Мы извиняемся перед читателем за длинные бредовые выписки, но мы вынуждены сделать это, чтобы всем был прежде всего показан этот бред.

> «То, что проделали большевики своими конфискациями, то прекрасно провели буржуазные правительства вне России путем инфляции. Ни одно немецкое правительство не практиковало более усердно подобного рода конфискаций, чем самое буржуазное из них, а именно правительство г-на Куно.
>
> Социал-демократы протестовали как против ленинской, так и против куновской формы конфискации. Не потому, что для нас капиталистическая собственность священна, а потому, что каждый из этих двух методов конфискации в высокой степени нецелесообразен, даже, наоборот, вредоносен. Беспорядочная (wahllose) конфискация без выкупа (ohne Entschädigung) ограбляет, как и инфляция, различнейшие классы, совершенно слепо, без оглядки на последствия; она грабит бедных вдов и сирот так же, как и высокомерных финансовых магнатов. Она создает возможности вытягивать новые неизмеримые прибыли за счет горькой нужды. Она конфискует всякое владение (Besitz), которое становится ей поперек дороги, без взвешивания того, пригодно это владение для конфискации или нет. И она производит чудовищный хаос в производственном процессе, хаос, который парализует всю экономику страны.
>
> Только тогда, когда тщательно выискивают объекты, которые должны быть социализированы, и долги, которые должны быть аннулированы, только тогда, когда их уста-

навливают путем закона; когда вознаграждают владельцев, по крайней мере, тех, которые находятся внутри страны, и облагают сумму вознаграждения прогрессивным поимущественным налогом,—только тогда может произойти превращение частного владения во владение общественное таким способом, коим будет достигнуто как раз то, что имел в виду законодатель» [1]).

Да, есть чему поучиться у старого Каутского!

Итак, большевистская конфискация фабрик, заводов, помещичьей земли и куновская «конфискация»—это одно и то же!

Читаешь и глазам не веришь.

Что дала политика инфляции в Германии? Невероятное обогащение Стиннесов и К°, которые, пользуясь инфляцией, наложили руку на «реальные ценности».

Что дала политика наших конфискаций? Наши отечественные Стиннесы (Путиловы, Рябушинские и пр.) всё потеряли.

Не правда ли, как это похоже одно на другое?

Раньше говорили: «чернь не различает» (vulgus non distinguit).

Теперь нужно сказать: «чернь» (пролетарская) прекрасно «различает», а вот «ученые» господа Каутские потеряли всякую способность отличать, отличать не то что оттенки (это дано не всякому), а различать вещи, прямо противоположные.

Второе замечание. Каутский, оправдывая протесты против инфляции и конфискации, отводит подозрения в излишней приверженности к священной капиталистической частной собственности. Но разве Куно посягал на нее? Разве политика инфляции передавала хоть кусочек капиталистической частной собственности в руки другого класса?

А вот про «ленинскую» конфискацию уже никак нельзя сказать, чтобы она оставила крупную собственность у тех классов, которые ею владели. Ни помещики, ни капиталисты ее не удержали.

И здесь у Каутского, «марксиста», социал-демократа, нет ни намека на классовое содержание политики. И это называется «анализ»!..

Третье замечание. Как там ни говори, но даже абсолютно тупые люди знают, что в нашей стране, в СССР, конфискация помещичьей земли, фабрик, рудников и банков привела к их ого-

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 326—37.

сударствлению (национализации), тогда как инфляция г. Куно никакого огосударствления (даже буржуазного) с собой не привела, а частный капитал, Стиннесов и К⁰, обогатила. Но даже этого не понимает Каутский!

Четвертое замечание, дающее, быть может, ключ к злоключениям Каутского. «Ученый» сей думает, что «беспорядочная конфискация» грабит все классы, одинаково и «финансовых магнатов», и «бедных вдов и сирот» («классовая» терминология прямо во вкусе блаженной памяти Евгения Рихтера!). Предположим, что это так. Итак, все классы являются объектами ужасного ограбления. Но кто же, в таком случае, «грабитель»? Очевидно, сей «грабитель» должен быть внеклассовым. Что же выходит? А выходит, например, то, что «самое буржуазное» (слова Каутского) правительство г-на Куно есть сверхклассовая величина, которая парит над всеми классами, как дух божий над бездной. Замечательно!

Пятое замечание—и последнее по счету, но не по важности. Г-н Каутский осмеливается поучать нас, как нужно превращать частную собственность в собственность общественную. Он сразу наливается важностью, как индюк, синеет и краснеет от «учености», распускает хвост и начинает расписывать: сперва выбирайте объект, потом устанавливайте законно этот объект, потом платите капиталистам, потом их за это прогрессивно облагайте, и тогда... о, тогда, капиталисты будут сидеть смирно, охотно дадут социализировать свои имущества, и «без нарушения процесса производства» мы, как на санях при хорошей погоде, плавно въедем в царство социализма.

Недурная картинка! Великолепная картинка! Идиллическая картинка! Прямо прелесть!

Но... но мы все же вправе спросить нашего стратега:

Милостивый государь! А разве вы не пытались действовать по своему плану? Не потрудитесь ли вы сообщить, как далеко успели вы продвинуться по пути к настоящему социализму методами архи-европейскими, архи-обдуманными, словом, архи-каутскианскими?

Об этом г-н Каутский умалчивает. И нетрудно догадаться, почему он умалчивает.

В самом деле. Вспомним время, когда Каутский и К⁰ были министрами.

Тогда не было «абсолютизма», диктатуры и прочих вещей, которые, по Каутскому, непригодны, ужасны, противоречат инте-

ресам масс и отдаляют от социализма. Тогда была **коалиция**, самая хорошая, самая удачная, самая любезная **Каутскому** «форма правления».

И тогда **Каутские** проводили «социализацию». Была специальная «комиссия по социализации» (Sozialisierungskommission). Она не спешила, эта осторожная комиссия! Разве можно было поступать «побольшевистски»? Нет. Она выбирала «объекты». И как выбирала! **Каутский** заседал там так много и так долго, что невольно напоминал собою известного академика князя Дундука из Пушкина:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.
Отчего он заседает?
Оттого, что... есть.

Впрочем, «честь» ему вполне «подобала». И результатом творчества «комиссии» явились **груды томов**. Все «объекты» были «выбраны»; были установлены законодательные предположения, сроки «социализирования», порядок, в котором должны быть произведены эти «законные», юридически и экономически обоснованные, акты «законодателя». (Вы помните, читатель, каким высоким стилем выражается экс-министр **Карл Каутский**?) Словом, всё, как на шахматной доске: «Die erste Kolonne marschiert. Die zweite Kolonne marschiert».

В производственном процессе больших потрясений, правда, от этого не произошло. Даже, пожалуй, наоборот: ибо нужно было на старых, прочных, капиталистических основах печатать добавочное количество книг: работа «комиссии по социализации» была—не будем этого забывать—весьма продуктивна.

Но зато произошло «потрясение» другого рода. Пока «социализаторы» судили да рядили, боясь тронуть волосок на буржуазной голове, буржуазия, генералы, офицеры не портили бумагу, а **действовали**. И вскоре вытащили ученых мужей за их длинные уши и лишили их высокого звания «законодателей». Но обладатели длинных ушей даже не пикнули: разве можно было нарушать «ход производственного процесса»?..

И **теперь**, после всего этого опыта, г-н **Карл Каутский** с ясным лбом говорит о преимуществах своей мирной, лойяльной, коалиционной, комиссионной «революции»?! Давно мы так не смеялись, забавник вы этакий!

«Но ведь у вас, большевиков, ужасная нищета! Вы довели страну...» И т. д. Хорошо. Послушаем речи и на эту тему:

> «Но когда капиталисты и крупные землевладельцы были выкорчеваны (вот как! совсем как у правительства Куно, не правда ли?—*Н. Б.*), действительные белогвардейцы отбиты, выяснилось, что простой грабеж владельцев, который понятен каждому разбойнику и вору, не есть социализм; выяснилось, что для построения последнего в большевистской России отсутствовали все предпосылки (alle Vorbedingungen), так что процесс производства все более застопоривался (stockte), нищета масс все увеличивалась по мере того, как укреплялась большевистская власть»[1]).

Упоминание о «ворах» и «разбойниках» мы уже цитировали в предыдущих главах (как жаль, что г-н Каутский не в этом месте проводит параллель с г-ном Куно! Впрочем, нельзя «нарушать ход производственного процесса»!). Но теперь мы должны еще раз остановиться на этой цитате, в ее расширенной форме, для того, чтобы указать на другие стороны дела.

Итак, Каутский признает, что «действительные белогвардейцы» все же существовали и что они были «отбиты». С другой стороны, были «выкорчеваны» (ausgerottet) капиталисты и крупные землевладельцы. Отсюда, как будто бы, вытекает, что именно эти капиталисты и крупные землевладельцы (т. е. помещики) составляли основной кадр тех «действительных белогвардейцев», которые были «отбиты».

Что их нападение было «отбито», это, повидимому, было хорошо, а не плохо.

Но почему оно было отбито, г-н Каутский?

Не потому ли, что были «выкорчеваны» помещики и капиталисты?

Не потому ли, что эти помещики и капиталисты были ограблены»?

Стоит только поставить эти вопросы, чтобы сразу увидеть, в чем дело. Да, в труднейших условиях рабочие и крестьяне разгромили, несмотря на помощь интернациональной буржуазии, своих помещиков и капиталистов. И разгромили они их потому,

---

1) R. Kautsky. l. c., S. 9. Курсив наш.

что произведенные за это Каутским в чин воров и разбойников грудью отстаивали отнятое у помещиков и капиталистов: фабрики и землю.

И потому германский пролетариат не смог отбить своих помещиков и капиталистов, что он послушался господ Каутских, не трогал собственности своего врага, оставил ему все источники его могущества, а сам не сплотил своих рядов сознанием своего нового положения в стране. Каутский не вел себя, как «экспроприатор экспроприаторов» (на его теперешнем языке «вор и разбойник»). Он вел себя, как жалкий раб. Но в награду у него остается утешение: он не нарушил «процесса производства». Так делали и все его коллеги: вспомним, напр., как честно г. Эберт душил стачки на военных заводах. Но только при чем здесь, все-таки, социализм?..

Прав ли Каутский, что у нас одно время росла нищета масс и укреплялся советский строй? Да, прав. Было такое время (Каутский не видит, что оно уже прошло). Но вот если бы Каутский постарался добросовестно понять, в чем же тут дело; каким же образом могла укрепляться советская власть, несмотря на нищету масс; каким образом она, эта советская власть, в 1920 году (это признает и Каутский) имела даже за собой энтузиазм (Begeisterung) «воров и разбойников», то бишь рабочих и крестьян; если бы он постарался себе честно объяснить, в чем же дело,—тогда он получил бы совсем другие ответы.

Рост нищеты. Да, мы имели ужасные годы, годы величайшей, чудовищной нищеты. Но почему забывает Каутский не то, что дать анализ, а в этой связи даже упомянуть об интервенции? Может ли хоть сколько бы то ни было серьезный исследователь, даже просто честный человек, не простой апологет капитала, не фальшивомонетчик, говорить о причинах нашей нужды в годы гражданской войны, ни словом не упоминая об интервенции, блокаде и прочем?

Только сознательный слуга капитализма может так поступать.

Но так поступает Карл Каутский, теоретический глава германской социал-демократии.

Нужно же все-таки не позабывать о такой «малости», как интервенция. Соединенные силы русских белогвардейцев и белогвардейцев немецких, французских, японских, английских, американских, польских, румынских, чехо-словацких и иных со всех сторон окружали молодую республику Советов. Было это, г-н Ка-

утский? Было. Было то, что мы сидели на голом камне, отрезанные от Сибири, Украины, Кавказа? Было. Разве не знает Каутский, какие муки приходилось испытывать оттого, что враги отнимали временами почти все материальные ресурсы, все живые источники производительных сил? Известно это г-ну Каутскому? Известно ли ему также, сколько было разорено, украдено, расхищено этой контрреволюционной международной саранчей, тучами обложившей красную страну и объедавшей и разорявшей ее со всех сторон? Удивительное дело! Каутский об этом не роняет ни слова.

Но, скажут нам, ведь система военного коммунизма тоже не способствовала росту производительных сил.

Да, не способствовала. Мы это открыто признаем. Но, судари-«критики», без военного коммунизма мы не смогли бы «отбить белогвардейцев».

Когда-то Каутский, полемизируя с К. Реннером, писал:

> «Военное хозяйство (die Kriegswirtschaft) есть преходящее состояние, от которого ожидают, что оно так быстро вновь не возвратится. Поэтому оно не отступает, если цели войны этого требуют, и перед такими формами производственного процесса, которые делают невозможным его повторение в том же масштабе и которые все более суживают его объем.
>
> ...Хозяйство имеет целью, без внимания к издержкам и сохранению производительных сил, производить наибольшую массу средств разрушения и средств, предназначенных для того, чтобы «продержаться» в разрушительном процессе» [1]).

Правда, Каутский писал это о буржуазном хозяйстве, и писал тогда против него. Но, поскольку речь идет о закономерностях военного хозяйства вообще, то написанное годится и для войны со стороны пролетариата. Из того, что пролетариат обороняется и что его война есть «справедливая война», не вытекает еще, что она сопровождается материальным благополучием.

Таким образом, система военного коммунизма, неизбежно сокращавшая, в свою очередь, базис производительных

---

[1]) K. Kautsky, Kriegsmarxismus. Eine theoretische Grundlegung der Politik des 4. August. Wien 1918, S. 59.

сил, сама есть функция войны, т. е. функция интервенции со всеми ее прелестями.

Если это понять—а понять это, даже при минимуме добросовестности, вполне возможно,—то нетрудно будет объяснить себе и тот «удивительный факт, что власть Советов укреплялась, а нищета масс росла в известный период. Нищета масс вызывалась войной. А укрепление власти вызывалось тем, что эта власть хорошо вела войну, хорошо защищала отобранную народом у помещиков землю, отобранные пролетариатом у капиталиста фабрики и заводы. Отсюда—«энтузиазм» (Begeisterung) голодных и разутых красноармейцев, которые дрались, как львы, на бесконечных фронтах гражданской войны и отстояли, защитили, укрепили новое государство, разгромив контрреволюционные армии.

Как только кончилась война, блокада, интервенция; как только от «военного хозяйства» мы перешли к «мирному», от системы «военного коммунизма» к новой экономической политике, так тотчас же начался наш хозяйственный рост.

Однако злобный старик не видит этого. Он уверен (или притворяется уверенным?), что у нас хозяйство все время идет книзу. Посудите сами.

На стр. 21 своей брошюры он пишет:

> «В самом деле. Если падение (Verkommen) транспорта и производства, вызываемое «хозяйничаньем» (Misswirtchaft) большевиков, будет итти так же, как до сих пор, то скоро будет достигнут такой пункт, с которого безнадежной станет какая бы то ни было перспектива демократического движения в России».

Нас сейчас не интересует та связь, которую устанавливает г. Каутский между хозяйственным ростом и «демократическими» перспективами (об этом ниже). Нам важно констатировать, что г. Каутский утверждает, будто хозяйство у нас все время катится вниз.

Г-н Каутский выводит отсюда даже «грядущую катастрофу» (он ее «выводит» в разных случаях поразному, но это нас в данной связи тоже не интересует), т. е. восстание против советской власти:

«Безудержное хищническое хозяйство, которое большевизм практикует по отношению к экономическим силам России, делает такой конец отнюдь не невероятным» [1]).

Наконец, на стр. 55 г. Каутский выражается еще более категорически:

«Вся их (т. е. большевиков.—*Н. Б.*) система господства покоится на методах, которые ведут к гибели, а не к подъему промышленности. Вполне возможно, что они никогда не дойдут до того, чтобы оздоровить Россию, которую они только разрушают» (курсив наш).

В этих утверждениях г. Каутский обнаружил такую бессовестную, такую беззастенчивую, такую наглую безграмотность и невежество, такую слепую злобу филистера, что даже г. Дан, сотоварищ Каутского по партии, не мог выдержать. В уже цитировавшейся нами статье сей русский меньшевик пишет:

«Этот (т. е. Каутского.—*Н. Б.*) пессимистический анализ и эти перспективы были в известном смысле верны до 1921 года, до перехода к «новой экономической политике».

Они могли бы снова стать верными, если бы большевики—чего, конечно, никто не ожидает!—внезапно вернулись (и могли вернуться!) к так называемому «военному коммунизму». Но они совершенно не соответствуют действительному ходу развития современной России: ежедневный опыт каждого русского рабочего и крестьянина, пережившего голод 1918—1920 гг., свидетельствует против этой своего рода «теории обнищания». Против нее свидетельствуют и все цифры хозяйственной статистики...»

До 1921 года вся «экономика» большевизма действительно сводилась к разрушению производительных сил и проеданию накопленных запасов. И тогда действительно отчаяние народных масс не находило себе иного выхода, кроме непрерывно следовавших друг за другом восстаний, принимавших «колоссальные размеры» и превращавшихся в гражданскую войну» [2]).

---

1) K. Kautsky, l. c., S. 38.
2) Ф. Дан, l. c., стр. 11. Курсив везде наш.

Премилая картина! Г-н Каутский говорит: до 1920 года все было еще недурно, и был даже энтузиазм масс, а теперь все никуда не годно, и дело идет к восстанию. Г-н Дан утверждает: нет, до 1920 года, или около того, было так ужасно, что массы все время восставали,—отсюда и пошла гражданская война; а то, что говорит Каутский о теперешнем времени, противоречит и «всему опыту», и «всей статистике».

Но ведь Каутский берется решать вопрос о восстании? Но ведь Каутский выступал с таким же «меморандумом» перед II Интернационалом? Но ведь Каутский дает советы даже империалистическим государствам? Так что ж тут удивительного! Это же и называется «научно аргументировать», если твои аргументы противоречат и опыту и статистике. Ведь статистика, как известно, не «наука», а «опыт»—только для «грубых эмпириков».

Из столкновения лбами обоих выдающихся социал-демократических «вождей» рождается та истина, что оба означенные «вождя» «переиначивают»: г. Дан «переиначивает», когда он видит одно только «плохое» в период военного коммунизма (он не видит ни того энтузиазма, о котором говорит Каутский, ибо не понимает смысла гражданской войны и всей нашей революции, ни всей необходимости военного коммунизма), г. Каутский «переиначивает» почти все, ибо у него в голове командует «Лига наций», а не императивы марксистского разума. «Лига наций» у Каутского—голенькая. А целомудренный г. Дан стыдливо прикрывает ее социал-демократической епитрахилью.

Впрочем, мы делаем г. Каутскому много чести. В своей ненависти к пролетарскому государству он превзошел да́же своих хозяев, напр. английских капиталистов (это очень часто бывает с так называемыми «преданными» лакеями). Вот, напр., перед нами известный, самый «солидарный», журнал деловых английских кругов «The Economist», номер от 15 ноября 1924 г. В статье, озаглавленной «Проблемы экономического положения России» («Problems of the russian economic situation»), мы читаем о начале новой политики (т. е. о 1921 г.):

> «Начало нового, хотя и ограниченного, процветания (prosperity) в России может быть датировано со времени этой перемены».

По отношению к концу 1924 г. «The Economist» констатирует:

«Некоторые из наиболее внешних проявлений улучшившегося экономического положения, которое было достигнуто в начале этого года, всем известны. Улучшенный транспорт, улучшенные условия труда и, прежде всего, установление твердой валюты (of a stable currency) в форме государственных банкнот (червонцев) вместо обесцененных советских бумажек—реформа, которая была окончательно проведена летом—были достижениями, наиболее достойными упоминания; но лучшие технические методы в области финансов, а равно в некоторых других областях (in the Finance and certains other Departments), как и весьма определенный подъем в производстве (as well as the very definite rise in production) были симптомами крупного значения»[1]).

Следящие хоть сколько-нибудь за экономической литературой люди знают, что «The Economist» можно подозревать в чем угодно, но только не в излишних симпатиях к Советскому союзу. Но Каутский! Каутский перещеголял даже «их»!

Берем «Frankfurter Zeitung». Читаем там о последнем периоде в развитии нашего хозяйства:

«Россия хозяйственно оживает. Даже если хотят сомневаться в официальной экономической статистике, все же приходится склоняться перед фактами (слушайте, г-н Каутский!—*Н. Б.*), которые видишь собственными глазами. Чудовищная (ungeheuer) деловая сутолока Москвы должна броситься в глаза даже тому, кто... не может сравнивать (положение) с упадком прежних лет. Таких вещей нельзя искусственно инсценировать (слушайте! слушайте, г-н Каутский!—*Н. Б.*). Из провинции до меня доходят аналогичные показания со стороны беспристрастных свидетелей... «Наш бурный рост»—вот «словцо» (Schlagwort), которое слышишь (изо) всех уст» [2]).

Или, вы думаете, г-н Каутский, что мы «провели» и корреспондента «Frankfurter Zeitung»? Не стыдно вам, старый клеветник?

Мы могли бы обратиться еще к целому ряду свидетельских показаний такого же типа. Но, пожалуй, и этого довольно.

---

1) The Economist, November 15, 1924, p. 766.

2) Erstes Morgenblatt der „Frankfurter Zeitung". № 473, S. 4. Frankfurter Handelsblatt; Die wirtschaftliche Konjunktur in Russland.

Всякий беспристрастный читатель и так видит, что полагаться на «показания» и «науку» Каутского, это примерно то же самое, что ставить архиереев во главе метеорологических станций.

Но обратимся к кое-каким цифрам.

Прежде всего приведем суммарные цифры относительно сельского хозяйства. По данным Центр. стат. управления динамика развития представляется здесь в следующем виде:

Движение площади посева и численности скота за 1916—1924 гг. по Союзу, без Туркестана, Закавказья и Монголо-бурятской республики[1]).

	Площадь полевого и усадебного посева (*в тысячах десятин*):			Тысяч голов:			
Годы	Всего	Озимых	Яровых	Лошадей	Крупн. рог. скота	Овец и коз	Свиней
1916	87 382,9	27 837,7	59 545,2	31 542,8	50 074,6	84 353,5	19 527,7
1923	70 861,0	26 525,3	44 335,7	21 408,1	41 268,6	58 258,7	9 394,9
1924	77 241,7	28 158,9	49 082,8	22 878,0	47 596,8	69 959,8	17 202,2

Как нетрудно видеть из этой таблицы, сельское хозяйство приближается довольно быстро к довоенному уровню, причем за последний год произошло значительное увеличение площади посевов, несмотря на плохой урожай. Площадь озимых посевов, как явствует из таблицы, перешла уже за норму 1916 года. Как шел этот процесс, видно из более детальной таблицы. Если мы распределим движение озимой площади по годам, то получим (в тысячах десятин):

1916/17	27 981,0	
1921/22	22 363,8	—
1922/23	26 582,0	+
1923/24	27 606,5	+
1924/25	28 382,6	+[2]).

Таким образом, вопреки стенаниям Каутского, и в земледелии, и в скотоводстве мы имеем правильный подъем. Если принять площадь посевов 1916 г. за 100, то 1923 год дает цифру 81,0; 1924 год—уже 88,4 (для озимых хлебов соответствующие цифры 95,3 и 101,3)[3]).

---

[1]) „Народное хозяйство." СССР в цифрах". Год. 2-й. Изд. ЦСУ. М. 1925. Стр. 153.

[2]) В. Ревякин: „Озимый клин 1924/25 года и состояние озимых посевов". Соц. хоз. 1925. Кн. 2, стр. 303. Небольшое расхождение цифры 1924/25 г., по сравнению с предыдущей таблицей, объясняется тем, что подсчет по Украине взят по данным украинск. ЦСУ.

[3]) „Нар. хоз. СССР в цифрах", стр. 174.

Для скота мы будем иметь такие относительные цифры:

Годы	Лошади	Крупн. рог. скот	Овцы	Козы	Свиньи
1916	100	100	100	100	100
1923	67,9	82,4	69,5	57,5	48,1
1924	72,5	95,0	83,4	71,5	88,1 [1])

Гораздо резче идет восстановительный процесс в промышленности. Этот рост, ставший действительно бурным за 2-ю половину 1924/25 года, хорошо иллюстрируется следующей таблицей:

Стоимость продукции по промышленности, учитываемой ЦОС [2]).

(в тысячах довоенных рублей). *в % к 21/22 г.*

Годы	По непрерывн. производства	По сезонным	Итого	Непрер.	Всего
1921/22 . . .	833 284	16 996	850 280	100	100
1922/23 . . .	1 199 358	39 498	1 238 856	114	146
1923/24 . . .	1 553 367	64 468	1 617 835	187	190
1-е полуг. 1924/25 . . .	1 174 235	—	—	—	—

Мы видим, таким образом, что цифра одного только полугодия 1924/25 операционного года почти равняется годовой цифре предыдущего года, хотя предыдущий год сам по себе обнаружил резкую повышательную тенденцию. Если взять цифры относительно довоенной нормы, то мы получим следующий ряд:

1921/22	23%
1922/23	31%
1923/24	40%
1924/25 (середина)!	70% [3])

А в настоящее время мы перевалили за эту цифру и все ускоряем темп нашего промышленного развития, в особенности в тяжелой промышленности, которая поднимается последней, но поднимается действительно бурным темпом.

В связи с этим повышается и уровень реальной заработной платы. В общем и целом, по всей промышленности,

---

[1]) Ibid, стр. 212—215.

[2]) „Госуд. пром. СССР за 1-е полуг. 1924/25 операц. года“. Стат.-эк. обзор под ред. проф. Л. Б. Кафенгауза. 1925. Стр. 8.

[3]) Ср. доклад т. Дзержинского на III Съезде Советов СССР. „Эконом. жизнь“ (16 мая 1926 г. № 110).

он, если принять в расчет так назыв. «бесплатные услуги», достигает 85 проц. довоенного уровня. В целом ряде отраслей он значительно превышает довоенный уровень. С развитием производительных сил будет расти и зарплата, и у нас есть полная уверенность в том, что эта повышательная тенденция будет реализована.

Приведем еще несколько цифр по другим отраслям хозяйства. Рост транспорта виден хотя бы из такой таблицы:

Средне-суточная погрузка всех грузов.

(Количество вагонов.)

Годы	Кварталы. I	II	III	IV	Средн. за год.
1921/22	10 022	8 825	10 020	9 482	9 590
1922/23	11 971	11 809	11 299	11 895	11 744
1923/24	13 514	12 996	13 056	14 525	13 517
1924/25	16 344	16 374	16 637	—	—

С ростом общего товарооборота в стране все большее значение приобретает кредит. Вместе с тем вырастает значение банков. Для иллюстрации этого приводим цифры, характеризующие рост баланса Госбанка:

Итоги баланса Госбанка.

(в милл. рублей).

1/I 1922 г.	5,30
1/I 1923 г.	131,0
1/I 1924 г.	1 099,1
1/I 1925 г.	2 051,2
23/VI 1925 г.	2 849,3

Наконец, нужно сказать несколько слов и о государственном бюджете. Решительно все признают—и об этом не может быть спора,—что мы упрочили нашу денежную систему, а затем и госбюджет. Госбюджет наш быстро растет, отражая и на своей величине, и на своей внутренней структуре общий рост хозяйства СССР. Достаточно сказать, что по предварительным расчетам общий баланс на 1925/26 г. определится в 3 560 млн. руб., на 870 млн. (или на 32,6 проц.) больше, чем в истекающем хозяйственном году[1]).

[1]) См. „Экономич. жизнь", 156: „Предв. бюджет на 1925/26 г.".

Пожалуй, этих бегло приведенных нами цифр достаточно для нашей цели.

Что же мы получаем в итоге?

Цифры бьют в лицо Каутскому.

«The Economist»—в данном вопросе—против него.

«Frankfurter Zeitung»—против него.

Г-н Ф. Дан—против него.

«Опыт каждого крестьянина и рабочего», по свидетельству г-на Дана, тоже против него.

«Свидетели»—самые различные. Но нашему Анике-воину все нипочем! Что ему цифры? Что ему «данные»? Что ему «свидетели»? «Censeo Carthaginem esse delendam!» «Красный Карфаген, Москва, должен быть разрушен»!

И все средства для этой цели хороши. Антанта, так Антанта. Клевета, так клевета. Факты не годятся,—долой, к чорту эти факты! Свидетели «прошибаются»—долой свидетелей!

Так кликушествует, сидя на большой исторической дороге, бывший глава марксизма, теперешний отщепенец, Карл Каутский...

VI. Так называемый „крах коммунизма“ и частный капитал в промышленности.

В предыдущем изложении мы показали, насколько невежественным выступает «ученый» Карл Каутский, когда он берется судить даже об элементарнейших фактах нашей хозяйственной жизни.

Но это обстоятельство его нисколько не удручает. С развязностью «писателя», работающего на хороших заказчиков, г-н Каутский «решительно» и «смело» подводит общий баланс:

> «Он (большевизм.—*Н. Б.*)... не был в состоянии ровно ничего выполнить (из того, что он обещал.—*Н. Б.*), ибо все свои обещания, на которые он так мало скупился и которыми он навербовал себе такое большое число зачарованных последователей (Anhang),—большевизм должен был сам объявить одно за другим иллюзией и ошибкой... Конечно, полной правды, а именно той, что его режим не ведет к социализму, а уводит от него, он не признает и до сих пор. Но он уже не в состоянии произвести ничего больше, кроме целых каскадов ругательств по адресу своих критиков»[1]).

---

1) K. Kautsky, 1, c., S. 13—14.

Однако все же оказывается, что большевики вынуждены поправлять хозяйство, ибо «всякое правительство стремится к могуществу и богатству того государства, которым оно управляет [1]).

И Каутский продолжает:

«Таким образом, большевики должны стремиться к тому, чтобы снова пустить в ход производство и транспорт, которые они парализовали. С одной стороны, тем путем, что они делят монополию на эксплоатацию русского народа (к чему сводится весь их «коммунизм») с частными капиталистами, именно иностранными, которые хорошо за это платят и которые умеют рациональнее вести дело, чем большевистские хозяйственники. С другой стороны, тем путем, что они разрушают китайские стены, которые они воздвигли так же, как и капиталистические правительства (ebenso wie die kapitalistischen Regierungen), вокруг Советской России» [2])... И дальше:

«Капиталистические концессии и капиталистические займы—вот панацея, которая должна помочь стать на ноги тяжело больному коммунизму» [3]).

Вот все, что г-н Каутский в состоянии был «произвести» для «доказательства» нашего экономического «вырождения».

Итак, что же мы видим?

Большевизм обещал коммунистический рай, или, по крайней мере, движение к нему. Своих обещаний он не сдержал. Он объявил их иллюзиями и ошибкой. Он установил режим эксплоатации русского народа. Он тяжело болен. Он спасается при помощи иностранного капитализма, без которого он умрет. Он движет общество все дальше от социализма.

Эти, правда, не очень «деловито» обоснованные обвинения дополняются еще брошенным «на всякий случай», вскользь, en passant, замечанием, что над блокадой Советской России совместно трудились и интервенционисты и те, против кого направлялась интервенция.

Последнее замечание мы оставляем в стороне, потому что на явную глупость не отвечают. Вспомним: ведь сам Каутский признавал, что интервенция была войной реакции против

---

1) Ibid., S. 22.
2) Ibid., S. 22.
3) Ibid., S. 22.

революции. А сейчас перейдем к существу тех вопросов, которые Каутский наметил в своем обвинительном акте.

Нужно прежде всего ясно и точно поставить вопросы и говорить не нелепыми полунамеками, а полными и вескими словами.

Что означают «упреки» Каутского, будто большевизм объявил свои обещания—ошибкой и иллюзией?

Это есть обвинение, которое нужно формулировать так: большевизм обещал осуществление социализма и пробовал его осуществить; но скоро сдал позиции, капитулировал, перейдя к так назыв. «новой экономической политике». Только так можно расшифровать пифические речи Каутского.

Дальнейшие шаги по направлению к капитализму, это—концессии и займы. Налицо, таким образом, капиталистическое перерождение государства Советов, власти и Коммунистической партии, явная измена пролетариату. Иллюзии развеялись по ветру, проза жизни осталась, и эта проза—проза капиталистической эксплоатации. Не только рост нищеты, но и все больший переход на капиталистические позиции—вот смысл всей исторической полосы и всей эволюции, пережитой большевизмом.

Что именно такое толкование нужно придавать словам Каутского, видно и из существующих комментариев его гувернантки, прогуливающей нашего старца по садам советской «действительности», г. Ф. Дана.

Гражданин Ф. Дан не так стар, не так глуп и не так далек от жизни, как г. Каутский. Г-н Ф. Дан не отрицает факта нашего хозяйственного восстановления. Он только утешает себя тем, что восстановление это идет якобы вопреки стараниям нашей партии.

> «Прогресс этот,—пишет г. Дан,—достигался в борьбе с большевистской диктатурой, которая лишь шаг за шагом отступала под напором экономики.
>
> . . . .
>
> Но этот рост дает в руки классов, являющихся участниками производительного процесса, совершенно другие средства борьбы с большевистским насилием и давления на большевистское правительство, чем восстание отчаяния, бывшее их единственным оружием в годы хозяйственного развала (здесь, заметим кстати, г. Дан задним числом оправдывает вандейские восстания в то самое время, когда, по Каутскому, происходила война реакции с революцией.—*Н. Б.*).

Как раз теперь мы присутствуем при том, как напор крестьянства заставляет большевиков итти на самые широкие экономические уступки не только непосредственно в области крестьянского хозяйства, но и в области обслуживающих крестьянство торговли и промышленности: свобода «кулацкого» хозяйства (почему иронические кавычки, гражданин?—*Н. Б.*), допущение аренды земли и наемного труда в деревне, понижение налогов, поощрение кустарных промыслов, льготы (по сравнению с кем?—*Н. Б.*) частным торговцам и промышленникам, фактически подготовляющие широкую денационализацию» и т. д., и т. д.»[1]).

Мы отметим сперва всю беспомощность, бессвязность, лицемерность и внутреннюю противоречивость меньшевистских построений. По Каутскому, с одной стороны, мы уже в новой экономической политике пошли на поклон частному капиталу, признали ошибкой свой коммунизм и т. д., и т. п. Это утверждение нужно ему для того, чтобы отпугивать от нас рабочих. Но, с другой стороны, по тому же Каутскому, большевики не думают поделить свои эксплоататорские права с капиталистами; они стоят и над рабочими и над капиталистами. Это нужно для того, чтобы пугать иностранных торговцев. Словом, страховка на оба фронта. Практический критерий истины вырождается у Каутского в простое идеологическое прислужничество контрреволюции.

Г. Дан и вся его компания рассуждают здесь все же последовательнее. Но у них зато еще ярче видна позиция Иудушки Головлева. Их лозунг—назад к здоровому капитализму. Каутский, тот мимоходом бросает обвинение, что мы уводим общество назад от социализма; так же мимоходом замечает, что «в большевистской России» нет никаких предпосылок для строительства социализма. Но он боится прямо сказать: «да здравствует здоровый капитализм!» Меньшевики это говорят. Всякое расширение капиталистических отношений они приветствуют, считают прогрессивным; ибо, в самом деле, как же не считать это прогрессом, если весь «марксистский» идеал их умещается, как на блюде, в понятии «здорового капитализма»? Они ненавидят советскую власть именно за то, что она не дает достаточного простора развитию капиталистических

---

1) Дан, l. c., стр. 12. Курсив наш.

отношений. Они надеются, что зажиточные слои крестьянства, т. е. кулаки в первую очередь, плюс «обслуживающие их», как говорит г. Дан, торговцы окажут достаточное «давление» на эту власть в сторону подталкивания ее к демократической республике, являющейся достаточно «удобной» политической надстройкой над свободой капиталистических отношений производства. Обращаясь к торговцам, кулакам, нэпманам, части интеллигенции, они атакуют нас за препоны капитализму. И в то же самое время, обращаясь к рабочим, они, эти рыцари «здорового капитализма», делают вид, что протестуют против излишних уступок капитализму. И даже имеют наглость говорить о «широкой денационализации», о которой они втайне мечтают, но которую они могут увидеть только в сладких меньшевистских грезах. Там ее настоящее место, милостивые государи!..

Вопрос относительно «краха коммунизма» и прочих фантазий меньшевистской «мысли» решается довольно просто, если только смотреть на дело, не надевая наперед меньшевистских очков.

Система военного коммунизма была, как мы отмечали уже в предыдущей главе, системой связанного потребительского хозяйства («gebundene Wirtschaft»). Между тем, в таком народно-хозяйственном комплексе, где все производство хлеба, скота и т. д. раздроблено в 22 миллионах крестьянских дворов, народно-хозяйственный оборот не может не итти через рынок. Для военного периода центр тяжести лежал все же в рациональном потреблении; для мирного периода он лежит в максимальном производстве. Если военный период вызывал иллюзии, будто можно организовать крестьянское хозяйство, насилуя товарный оборот, то последующий опыт показал, что это нужно и можно сделать, в первую голову, через товарооборот,

Система „военного куммунизма". (Запертый товарооборот)			Сист. „новой экономической политики". (Развернутый товарооборот)	
	У государства	У частных капиталистов, торговцев и т. д.	У государства	У частных капиталистов, торговцев и т. д.
I год	100a	a	100a	5a
II год	100a—n.	a—b	150a	6a
III. год	100a—nx	a—xb	200a	7a
	и т. д.	и т. д.		и т. д.

С ускорением товарооборота, при общем подъеме производительных сил, увеличивается значение «социалистического оазиса» в нашей экономике, который («оазис») по сути дела перестает быть «оазисом», а превращается в ведущее начало нашей хозяйственной жизни. И это называется «крахом коммунизма»!

Через рынок мы движемся к победе социалистического производства, и, следовательно, к преодолению рынка,—таков «закон» нашего развития. «Главное содержание восстановительного процесса последних трех лет и состоит во все возрастающем использовании наличных, но скрытых капиталов страны, использовании, которое стало возможным благодаря восстановлению товарного оборота, денежного обращения, налоговой системы и кредита»[1]).

Насколько правы г. Каутский и меньшевики в своем утверждении о «крахе коммунизма», видно из показаний такого свидетеля, как уже цитировавшийся нами «The Economist». Последний писал в конце 1924 года:

> «После смерти Ленина, в январе текущего года, наступило дальнейшее изменение в ситуации. Более крайние элементы Коммунистической партии забрали верх, и частное предпринимательство снова попало в немилость... Индустрия и оптовая торговля теперь снова почти целиком находятся в руках государства»[2]).

Речь здесь идет не о «крайних элементах», а о том «зажиме» частной торговли, когда мы усиленно развертывали свою государственную и кооперативную товаропроводящую сеть. Потом, правда, мы снова «разжали» тиски. Но этого свидетельского показания вполне достаточно, чтобы понять относительное значение частного и государственного капитала. Впрочем, мы не хотим оставлять никакого сомнения у наших читателей в том, как же обстоит дело в действительности. Поэтому мы должны будем перейти к анализу некоторых статистических данных, несмотря на то, что «научные аргументы» г-на Каутского тщательно избегают какого бы то ни было соприкосновения со статистикой.

---

[1]) Проф. Л. Кафенгауз, „Крупная промышленность в 1923—1924 г.". См. „Промышленность СССР в 1924 г."—„Ежегодник ВСНХ", стр. V.

[2]) „The Economist", l. c., p. 766".

Прежде всего любопытно выяснить удельный вес государственной (социализированной) и частной промышленности (сюда входят и частная аренда, и концессионные предприятия, и вся частная «собственная» промышленность). Мы возьмем прежде всего число наемных рабочих и распределение их по различным группам предприятий [1]).

Движение числа работающих членов профсоюзов.

(По данным стат. отд. ВЦСПС)

	Госуд.	Кооп.	Част.	В % Госуд.	В % Кооп.	В % Частн.
На 1/VII 1924 г.	1 846 744	74 122	116 247	90,7	3,6	5,7
				94,3		
„ 1/X 1924 г.	2 024 796 +	96 949 +	130 068 +	89,9	4,3	5,8
				94,2		
„ 1/I 1925 г.	2 044 928 +	115 582 +	124 014 —	89,5	5,1	5,4
				94,6		

Какое, действительно, опустошающее разочарование должны испытывать мы, когда видим такие цифры! Пять с лишним процентов наемных рабочих у частного промышленного капитала всех видов и всех сортов! Это ли не крах государственной промышленности, «большевистского эксперимента», и так далее, и тому подобное? Это ли не подтверждение каутскианской «науки»?..

Таково соотношение между государственными и частно-капиталистическими промышленными предприятиями, т. е. предприятиями, употребляющими наемный труд. Можно, однако, поставить вопрос о всей (в том числе и некапиталистической) частной промышленности, т. е. включить в анализ также ремесленников, кустарей и пр.

К сожалению, у нас сейчас не имеется данных о валовой продукции различных промышленных групп, и о положении дел приходится судить по обороту промышленных предприятий, в связи с вопросами обложения [2]).

---

[1]) В строгом смысле слова, термин „наемный рабочий" не применим к рабочим государственной промышленности. Мы его употребляем лишь за неимением другого термина.

[2]) Приводимые данные суть данные по так-назыв. уравнительному сбору, которым облагается около 80% предприятий.

Удельный вес частных заведений в общем обороте промышленности по реализации продукции.

(Данные НКФ)

	1922 / 23 г.		Оборот в тыс. зол. руб.	%
Государственные предприятия	3 630	заведений	783 293	64,4
Кооперативные	2 915	"	29 317	2,4
Частные	97 812	"	403 848	33,2
Итого	104 357		1 216 458	100%
I полугодие 1923 / 24 г.				
Государственные предприятия	8 868	заведений	976 406	67,3
Кооперативные	5 380	"	29 853	2,1
Частные	271 921	"	444 143	30,6
Итого	286 169	"	1 450 402	100%
II полугодие 1923 / 24 г.				
Государственные предприятия	5 834	заведений	1 280 806	71,3%
Кооперативные предприятия	3 819	"	36 634	2,1%
Частные предприятия	246 797	"	476 819	26,6%
Итого	256 450	"	1 794 259	100 %

Нужно иметь в виду, конечно, крайне недостаточную точность этих цифр. Но не подлежит сомнению, что общую картину они все же отражают. При этом нужно отметить, что преуменьшены цифры именно государственной промышленности. Так, по этим вычислениям оборот геспромышленности составлял за весь 1923/1924 г. около 2¼ миллиардов, тогда как в действительности одна только промышленность, подчиненная ВСНХ, имела оборот свыше 3 миллиардов.

Итак, за период с 1922 по 1924 год включительно процент оборота госпредприятий поднялся с 64,4 проц. до 71,3 проц., в то время как соответствующая цифра частных предприятий упала с 33,2 проц. до 26,6 проц.

Да, поистине, дела идут у нас так «плохо», что конец наш «совершенно неизбежен»!..

Нам нужно, между прочим, помнить, что приводимые цифры касаются всей промышленности: и кустарной, и мелкой, и средней, и крупной. Какова доля оборота внутри этой частной промышленности, видно из следующих данных Наркомфина за 2-е полугодие 1923/24 года.

	Абс. числа оборота (в тыс. р.).	В % ко всему обороту частных заведений.
I разряд (кустарно-ремеслен. заведения)	201 245	42,2%
II, III и IV разряд (мелкая промышленность) . . .	187 057	39,2%
V — XII разр. (средняя и крупная промышлен.) .	88 516	18,6%
	476 819	100%

Если теперь взять удельный вес этих групп в обороте всей промышленности, то получим: кустарно-ремесленные заведения—11,8 проц. всего оборота, мелкая промышленность—10,4 проц., средняя и крупная—4,4 проц. (всего 26,6 проц.), цифра примерно соответствующая относительной цифре занятых наемных рабочих. Не правда ли: все идет совсем «по Дану», прямехонько к «широкой денационализации»?

«The Economist» в цитированной статье выражал надежду, что у нас все пойдет снова книзу, раз доля участия «частной инициативы» будет падать. Однако объективно получается совершенно иная картина.

Мы не имеем данных об оборотах госпромышленности за 1924/25 г. У нас лишь есть соответствующие цифры (за 1-е полугодие 1924/25 г.) по 150 трестам и по группе частных и кооперативных предприятий. Реализация по 150 трестам составляла 453 567 000 черв. рублей во 2-м полугодии 1923/24 г. и 642 152 000 черв. руб. в 1-м полугодии 1924/25 года (увеличение на 41,5 проц). Между тем (по неполным данным) обороты частных заведений за первое полугодие 1924/25 г. возросли по сравнению со 2-м полугодием предыдущего года всего на 5,4 проц., а кооперации—на 61,6 проц. Если эти цифры взять за цифры увеличения для всех заведений, в соответствующих группах, то получим такую картину за 1-ю половину 1924/25 года.

	Обороты в миллионах черв. руб.	% к итогу.
Государств. предпр.	1 793	76,2
Кооперативные „	58	2,4
Частные „	502	21,4
Итого	2 353 м. ч. р.	100%

Присоединяя эти цифры к вышеприведенным, мы увидим, что за период с 1922 г. по 1-ю половину 1924/25 г. включительно динамика соотношений между государственной промыш-

ленностью и промышленностью частной выражалась в следующих цифрах:

% в общем обороте промышленности.

	Госуд.	+ или —	Частн.	+ или —
1922/23 г.	64,4		33,2	
I полуг. 1923/24 г.	67,3	+	30,6	—
II „ 1923/24 г.	71,3	+	26,6	—
I „ 1924/25 г.	76,2	+	24,4	—

Как «закономерно» государственное хозяйство «отступает» перед частным! Какую дальновидность, прозорливость, а заодно и добросовестность обнаруживают претенциозные социал-демократические писатели!..

Итак, что касается промышленности, то дело Каутского здесь явно прогорело. Ему, как всегда, ужасно «не повезло», лишь только речь зашла о фактах и цифрах. Не повезло в промышленности,—быть может, повезет в торговле?

Об этом мы поговорим с читателем в следующей главе.

VII. Так называемый „крах коммунизма" и частный капитал в торговле.

Мы переходим теперь к анализу соотношений между государственной, кооперативной и частной торговлей. Роль частного торгового капитала должна быть точно так же освещена. Но предварительно необходимо сделать ряд замечаний общего свойства и общего значения.

При господстве рыночных отношений и при наличии в стране миллионов мелких производителей роль частного торговца должна быть неизбежно чрезвычайно велика. Не всякий частный торговец есть торговый капиталист. Но, с другой стороны, совершенно ясно, что наличие частной торговли, хотя бы и ультра-мелкой, розничной, карликовой, есть база для создания частного торгового капитала. Эта истина, конечно, не подлежит никакому оспариванию. Она должна быть для нас аксиомой.

С другой стороны, нужно иметь в виду следующее. Если в области промышленного производства господствует государственное производство, т. е. социалистическая крупная

промышленность, то роль торгового капитала (даже капитала) с его посредническими функциями объективно все же отлична от его общественной роли в условиях капиталистического строя, где основные и решающие средства производства принадлежат капиталистам. И в том и в другом случае торговый капитал получает торговую прибыль, высасываемую и из труда рабочих, и из труда ремесленников, и из труда крестьян. Но в строе, при котором средствами производства распоряжается пролетариат, торговый капитал является посредником между пролетарской промышленностью и потребителями разного рода; в строе капиталистическом он является посредником между капиталистической промышленностью и потребителями. Если брать характернейшее и типичнейшее отношение для нашей страны, то при господстве капиталистического режима торговый капитал был посредником между промышленным капиталистом и крестьянином, а теперь он объективно является посредником между крестьянином и рабочим государством. При капиталистическом режиме он служит звеном, реализующим для промышленного капиталиста его промышленную прибыль. При режиме пролетарской диктатуры он объективно «помогает» реализации доходов социализированной промышленности и тем самым косвенно содействует социалистическому накоплению.

Но элементарные истины политической экономии говорят нам, что торговый капитал имеет тенденцию превращаться в капитал промышленный. Известная устойчивость торгово-капиталистических отношений и известная величина накопления торгового капитала превращают торговый капитал в капитал промышленный, и господство капиталистических отношений в процессе обращения переходит на решающую сферу хозяйственной жизни, на производство. Поэтому и в нашем строе, вообще говоря, заложена известная опасность: если торговый капитал растет все более и более; если он переходит в наступление; если он, превратившись в капитал промышленный, начинает все успешнее конкурировать с государственной промышленностью, и «частная инициатива» пробивает своим тараном крепости «казенно-бюрократического» (язык либералов) государственного хозяйства, тогда перед нами процесс попятного движения в сторону от социализма. Так возможна наша «обратная эволюция».

Но, на беду Каутского и всей меньшевистско-эсеровской «социалистической» братии, алчущей и жаждущей этого процесса, у нас нет ничего подобного. В предыдущей главе мы

видели, что ни о каком переходе в наступление со стороны капитала в промышленной области нет и речи. Наоборот, перед нами развертывается процесс твердого, уверенного и мужественного продвижения вперед нашей государственной, социализированной крупной промышленности.

А сейчас мы увидим, что и в области торговли идет по существу тот же процесс, хотя пропорции между государственно-кооперативным и частным «капиталом» здесь, конечно, существенно другие.

Мы уже упоминали выше о том, что и при системе военного коммунизма, когда государству юридически принадлежали почти все функции производства и обращения, а частная торговля была запрещена, на самом деле, фактически, эта частная торговля имела крупнейшее значение. По специальным обследованиям А. Лосицкого (26 губерний), за период 1918—1919 г. доставлено населению городов и рабочих поселков продуктов сельского хозяйства со стороны Компрода (орган государственного распределения) 42 проц., «мешочниками»—58 проц. Нужно иметь в виду, что поскольку промышленность работала, она работала почти целиком на оборону. Снабжение населения упало в 1920 г. сравнительно с 1912 г. на 86,5%! Крестьянство получило 13% того, что оно получало в 1912 г.

С переходом к новой экономической политике создалась обстановка, когда государство очутилось лицом к лицу с отсутствием своего товаропроводящего аппарата, в то время как развязалась сразу же миллионноголовая частноторговая стихия. Даже в области оптовой торговли, даже в сделках между государственными органами, «частный посредник», т. е. торговый капиталист, играл на первых порах громаднейшую роль. Статистика ВСНХ отмечает, что за период январь—март 1922 г. в среднем около четверти всех оборотов 54—63 государственных органов падало на частных лиц, а специальное исследование о роли частного капитала, предпринятое М. М. Жирмунским, указывает, что эта цифра значительно ниже действительной [1]).

Во второй половине 1921/22 г. (май, июнь, июль) частные контрагенты имели у себя в руках 37—38% всех оборотов государственных органов и 35—45% оборота между госорганами и частными лицами [2]). Следовательно, даже здесь,

---

[1]) **Жирмунский**, Частный капитал в товарообороте. М. 1924 г. Стр. 13.
[2]) **Жирмунский**, l. c., стр. 18.

у истоков производства, они держали значительную часть ключей в своем кармане. Еще более яркая картина получается, если мы возьмем некоторые, и притом наиболее важные, отрасли промышленности (за период март—ноябрь 1922 г.).

Текстильная индустрия—около 40% попало непосредственно из производства в руки частных лиц, а в отдельные месяцы им попадало по 70-80% хлопчато-бумажных товаров!

Соль, игравшая тогда громаднейшую роль, на значительнейший процент шла через частного оптовика.

Резина—48,5 проц. опта шло через частного покупателя и т. д. [1]).

Можно сказать, что в области торговли положение было весьма опасным: на низах—бесконечное количество частных торговцев, начиная с крестьян, «химически выделявших» мелких и мельчайших «капиталистиков», которые, в свою очередь, «химически выделяли» более крупный «кадровый состав». Наверху—ловкие дельцы, пронырливые, в значительной степени спекулянтского пошиба, шибера, получившие возможность двигаться и с необыкновенной энергией втиравшиеся во все поры и щели государственного организма, всюду, где лишь представлялась возможность получить грабительскую торговую прибыль или высокий спекулятивный диференциальный барыш.

Но это было время совершенно исключительное, так как в области обращения у государства и у кооперации была—в смысле торгового аппарата—почти зияющая пустота. Время это, однако, наполнилось, в конце концов, двусторонним процессом: с одной стороны, процессом известного накопления в сфере частного торгового капитала, а с другой—лихорадочным процессом организации, подбора людей, накопления элементарного торгового опыта у государственных органов и у органов вновь перестраивающейся кооперации.

Таким образом почти исключительная роль частного торгового капитала за этот довольно кратковременный период выражала собой, до известной степени, общественные «издержки обучения» для организаций, постепенно становившихся на ноги в борьбе с частным капиталом. Создавши эту предпосылку, рабочее государство могло уже начать постепенное, вначале очень медленное, почти незаметное, наступление и на торговом фронте.

---

[1]) Ibid., стр. 21 и сл.

По справкам, полученным из Наркомвнуторга, динамика развития может быть характеризована следующими таблицами:

Внутренний товарооборот СССР по данным НКФ с поправками по другим данным (в миллионах червонных руб.).

I. 1922/23 г.

	Государство	Кооперация	Частн. торг.	Всего
Абсолютные числа	3 203,5	1 123,3	3 392,2	7 719,0
Проценты к итогу	41,5	14,6	43,9	100
(Государство и Кооперация вместе)	56,1			
С присоед. крестьянской торговли с возов (цифры ориентировочные)	3 203,5	1 123,3	4 391,2	8 719,0
В % к итогу	36,4	12,7	50,9	100
(Государство и Кооперация вместе)	49,1			

II. 1923—24 г.

	Государство	Кооперация	Частн. торг.	Всего
Абсолютные числа	6 021,3	2 845,5	4 965,7	1 3832,5
В % к итогу	43,5	20,6	35,9	100
(Государство и Кооперация вместе)	64,1			
С присоед. крестьянской торговли с возов (цифры ориентировочные)	6 021,3	2 845,5	6 965,7	15 832,5
В % к итогу	38,0	18,7	43,4	100
(Государство и Кооперация вместе)	56,6			

Таким образом, доля государственной и кооперативной торговли возросла с 56,1 проц. до 64,1 проц., тогда как доля частной торговли соответственно упала: с 43,9 проц. до 35,9 проц. Точно так же видим относительное увеличение удельного веса госторговли и кооперации, если мы будем включать и мельчайшую крестьянскую торговлю «с возов».

Итак: *вопреки Каутскому, вопреки апологетам капитала из так называемого «социалистического» лагеря, у нас, несмотря ни на что, идет процесс развертывающегося роста антикапиталистических форм и в сфере обращения.*

Мы привели суммарные, самые общие данные, которые не могут претендовать на точность. Но что они, в общем и целом, все же отражают картину действительных процессов, доказывается тем обстоятельством, что *все другие* данные говорят о такой же самой тенденции, тенденции к *относительному падению роли частной торговли.*

Вот, например, данные о контрагентах двенадцати наших государственных синдикатов (текстильный, кожевенный, Металлосиндикат, Уралмет, Сельмаш, Нефтесиндикат, Продасиликат, махорочный, Расмаслосиндикат, жировой, крахмалопаточный, Солесиндикат).

Оптовые обороты 12 синдикатов в распределении по контрагентам.

Отчетный период	Оптовый оборот по продаже: Общий в тыс. р.	В том числе (в %): Госторг	Коопер.	Смеш. о-ва	Частные лица	Невыясн.
I полуг. 1923/24 г.	210 829	55,3	23,2	0,5	20,0	0,9
II " "	331 127	44,2	39,5	0,1	15,6	0,6
I " 1924/25 г.	410 856	39,7	46,0	1,2	12,6	0,5

Таким образом процент, приходящийся на частные покупки, за короткий промежуток времени упал почти вдвое (с 20,0 до 12,6 проц.) [1]).

Такую же основную тенденцию обнаруживает и анализ оборотов на товарных биржах. Вообще, обороты московской и 70 провинциальных товарных бирж возросли с начала 1-го полугодия 1923/24 г. по конец 1-го полугодия 1924/25 года больше чем вдвое (202,9 проц.). Интересно, однако, распределение оборотов по контрагентам и динамика этого распределения.

Обороты московской товарной биржи и 70 провинциальных бирж по контрагентам за 1922—24 и 1-е полугодие 1924/25 г.

(В миллионах руб.)

I. Продажа

Полугодия:	Госорганы: МТБ	Госорганы: 70 пров. бирж	Смеш. о-ва: МТБ	Смеш. о-ва: 70 пров. бирж	Кооперация: МТБ	Кооперация: 70 пров. бирж	Частные: МТБ	Частные: 70 пров. бирж
I полуг. 1923/24 г.	637,1	442,1	16,0	16,3	28,3	57,3	59,4	64,6
В процентах	85,9	76,2	2,2	2,8	3,8	9,9	8,1	11,1
II полуг. 1923/24 г.	725,2	701,4	17,2	28,4	29,3	90,2	42,6	61,0
В процентах	89,1	79,5	2,1	3,3	3,6	10,2	5,2	6,9
I полуг. 1924/25 г.	1 167,5	1 106,5	26,3	38,9	59,8	158,0	51,5	71,6
В процентах	89,2	80,5	2,0	2,8	4,6	11,5	3,9	5,2

По продаже доля частных предприятий в биржевом обороте упала: по московской бирже с 8,1 проц. до 3,9 проц.; по провинциальным биржам—с 11,1 до 5,2 проц.

---

1) Справки получены из Наркомвнуторга.

II Покупка.

Полугодия:	Госорганы МТБ	Госорганы 70 пров. бирж	Смеш. о-ва МТБ	Смеш. о-ва 70 пров. бирж	Кооперация МТБ	Кооперация 70 пров. бирж	Частные МТБ	Частные 70 пров. бирж
I полуг., 1923/24 г.	473,7	327,9	26,8	16,8	83,5	123,4	156,8	112,2
В процентах	68,9	56,5	3,6	2,9	11,3	21,3	21,2	19,3
II полуг. 1923/24 г.	527,0	432,8	18,2	25,3	179,1	316,7	98,0	106,3
В процентах	64,7	49,2	2,2	2,8	22,0	36,0	11,1	12,0
I полуг. 1924/25 г.	935,1	627,2	22,2	59,0	263,0	498,9	84,8	119,2
В процентах	71,5	50,7	1,7	4,3	20,2	36,3	6,6	8,7

Таким образом, по покупкам процент частных покупок в общем биржевом обороте упал: на московской бирже с 21,2 проц. до 6,6 проц., т. е. больше чем втрое, на 70 провинц. биржах—с 19,3 проц. до 8,7 проц., т. е. больше чем вдвое.

Нужно принять еще в соображение, что сделки с частными лицами в значительной мере совершались за счет государственного кредитования в той или другой форме. За 1923/24 год до марта «не менее 25 проц. (по кредитным и смешанным сделкам) промышленной продукции поступило к частному капиталу по товарному кредиту» [1]).

При анализе различного рода процессов внутри торговой сферы можно наметить ряд основных закономерностей, как то: общий быстрый рост товарных операций; непрестанное отступление частной торговли; особый рост кооперации, как главной организационной формы распределительного процесса и т. д. Процесс вытеснения частной торговли имеет точно так же свои характерные закономерности: прежде и раньше всего частная торговля вытесняется из опта и уходит в оптово-розничную и розничную торговлю; затем вообще она быстрее сдает свои позиции в городах, и торговый капитал перебрасывает свои силы в деревню, при чем главными его операциями здесь являются операции по закупке хлеба и сырья. Но и здесь с ростом госторговли и особенно кооперации, которая в нашем строе пользуется особыми правами и преимуществами и находится в теснейшей связи с хозяйственными органами пролетарского государства, частная торговля медленно отступает со своих, правда, еще очень сильных, хозяйственных позиций. Великая строительная, организационная работа—эта характернейшая черта нашего времени—не охватила еще в такой степени нашей отсталой, распыленной на

[1]) С. М—о, в, „О роли частного капитала в нашем народном хозяйстве". „Плановое хозяйство". 1925 г. Апрель. Стр. 86.

десятки миллионов дворов деревни. Поэтому вполне естественно, что процесс хозяйственной организации здесь будет д о л о г. Но уже и сейчас мы видим, как на место частного скупщика, лавочника, ростовщика все более и более выступает кооператив, опирающийся в своей работе на всю совокупность хозяйственных органов пролетарской диктатуры.

И здесь, когда мы говорим о роли частного капитала, мы должны принять во внимание, что он в известной мере финансируется нами же. Так «в отношении заготовок хлеба и сырья деятельность частного заготовителя протекала в 1923/24 г. в значительной мере в счет задатков, финансировавших частную заготовку государственных предприятий; практика отдельных предприятий была в этом отношении чрезвычайно различна, но в общем можно считать средний размер государственного финансирования (в виде непосредственных задатков, банковских ссуд под товары и дубликаты) около 30 проц. оборота» [1]). Разумеется, по мере роста кооперативных организаций рычаг государственного кредита поворачивается все решительнее в эту сторону, и перед комбинированной хозяйственной атакой со всех сторон частный капитал вынужден из одной области переходить в другую, отступая шаг за шагом все дальше и дальше в глубину хозяйственного тыла. Но и туда пробираются хозяйственные отряды нового строя. Так развертывается и продвигается вперед победоносное социалистическое наступление.

Что может возразить против этих цифр, фактов, соображений «ученый» К а р л К а у т с к и й? Что скажет г-н Д а н по поводу э т а к о й подготовки «широкой денационализации»?

Что скажут они? То же самое, читатель. Все то же самое. «Рассудку вопреки, наперекор стихиям», они будут попопугайски повторять те же слова, те же фразы, которые они заучили со времени октябрьских дней.

Так велит им «высший закон»—интересы международной буржуазии, ненависть к революции, любовь к мирному колпаку, уважение к священной собственности, цилиндру, двухспальной постели, куску сала, который буржуазия бросает им, хранителям «культуры и цивилизации».

«Ohne Wurst und Speck
hat das Leben keinen Zweck» [2]).

---

[1]) С. М—ов, „О роли частного капитала" и т. д., стр. 86.

[2]) „Без колбасы и сала в жизни смысла нет" — мещанская поговорка.

Или, как пишет Каутский («революционер»!!):

«Мир нуждается теперь больше всего: в покое и прочности». («Ruhe und Stetigkeit») [1]).

Schlafen Sie wohl, Herr Kautsky! [2]). Но зачем же тогда писать такие поджигательские брошюры? Смотрите, гражданин! Ошибетесь, и притом вдвойне: и насчет «сала», и насчет «прочности»...

VIII. Процесс социалистического строительства в целом и его противоречия.

Карл Каутский суммирует свои суждения о нашей хозяйственной динамике следующим образом:

> «Большевистский режим означал практически не построение нового, высшего, независимого от капитала способа производства, а исключительно грабеж собственников (sondern bloss die Plünderung der Besitzenden) при одновременном застопоривании процесса производства, что вскоре привело к быстрому обнищанию государства. Не будучи в состоянии противодействовать этому, они (большевики.—*Н. Б.*) увидели свое непосредственное спасение в том, чтобы разграбить более богатую Европу, для чего им опять-таки понадобилась мировая революция, т. е. открытая или скрытая война против заграничных правительств. Это реальное, хотя и не всегда признаваемое гласно, состояние войны означало изоляцию России от внешнего мира» [3]).

Отметим, прежде всего, бегло новое наворачивание пакостей и нечистоплотных утверждений.

Выше мы видели, что Каутский признает интервенцию войной реакции против революции. Составной частью интервенции была борьба против возможного перенесения этой революции на Европу—не так ли? Но вот теперь еще раз оказывается, что революция есть грабеж, а ее распространение—уловка грабителей, намеревавшихся ограбить и «более богатую Европу». Однако, если это так, то зачем же отказываться было от интервенции? Разве нельзя защищаться против «простого грабежа», который не имеет никакого более широкого смысла с точки зрения замены низших форм производства высшими?

---

[1]) K. Kautsky l. c., S. 38.

[2]) „Спите спокойно, г-н Каутский!“

[3]) K. Kautsky, l. c., S. 23.

Каутский так зарапортовался, так заспешил в своей брехне, так торопился наговорить максимум приятного и полезного для буржуазии, что из дырявой торбы своего идейного багажа растерял даже те протухшие и заплесневелые кусочки маргаринового «марксизма», которые составляли его последнее «научное» достояние. В самом деле. Допустим даже, что у нас не было и нет пролетарской революции. Но ведь Каутский знает, что у нас навзничь опрокинута и уничтожена феодальная поземельная собственность. Каутский знает, что эта поземельная собственность составляла главное экономическое содержание феодальной, крепостнической отсталости России. А если это так, то нетрудно понять, что даже при том допущении, которое мы сделали, выходило бы, что Каутский—предатель и ренегат. Ибо он предавал бы в таком случае даже буржуазную революцию.

В действительности же Каутский продает и буржуазную и социалистическую революцию одновременно. Это, с известной точки зрения, даже последовательно. Ибо империалистская европейско-американская буржуазия, агентом которой является Каутский, контрреволюционна насквозь, целиком, наотмашь, всюду и везде: в Китае и в Германии, в Марокко и в Англии, в Египте, Индии, Америке, Японии—повсеместно. Революция в любой стране представляется ей коллективным грабежом, мировая революция—воспроизводством этого грабежа, руководители революции—обер-грабителями. Этот «научный» взгляд наполняет собою все желтые бульварные листки и солидные издания банковых тузов, копошится под черепной крышкой епископов и королей, великосветских кокоток и генералов, квалифицированных дипломатов и полицейских шпионов, воротил капиталистической фабрики и социал-демократических вождей...

Но оставим эту тему (об этом нам придется говорить в другой связи) и перейдем к вопросам о «способе производства». В предыдущих главах мы достаточно ясно показали и доказали убожество мыслей нашего героя в этой области.

Ложью оказалось его суждение о растущей нищете.

Ложью оказалось его суждение о спасении нас концессиями.

Ложью оказались меньшевистские росказни о том, что наш рост есть рост победоносного капитализма.

Ложью оказалось, что основная тенденция нашего развития есть развитие в сторону этого капитализма.

И так далее. И тому подобное.

Стыдно становится за Каутского, превратившегося в такого нечистоплотного сплетника, в такого вульгарного и плоского апологета буржуазии, в такого легкомысленного незнайку...

По существу дела г-н Каутский, в применении к большевикам, проповедует «теорию насилия», так жестоко осмеянную в свое время Энгельсом. В октябре и позднее произошел великий грабеж. Грабили у себя дома. Потом захотели грабить и в чужих домах. Живут, словом, «грабежом и насилием». Это— превосходная «концепция». Но, скажите, пожалуйста, читатель: разве это не напоминает известного анекдота об итальянцах, которые «снискивают себе скудное пропитание тем, что берут взаймы друг у друга»?

Ведь «мировой революции», в смысле грабежа нами чужих стран, пока что не произошло. Как будто бы «чужие страны» и «богатая Европа» до сих пор грабили нашу страну, и притом не без благосклонного попустительства партии Каутского: достаточно вспомнить оккупацию Украины немецкими войсками. Мировой нашей победы—говорим мы—не произошло. А мы каким-то чудом живем, развиваемся, идем вперед, и скоро громадные массы рабочих и крестьян будут праздновать восьмую годовщину своей победы... Нечего сказать, хорошие объяснения дает почтенный социал-демократический маэстро!..

Вернемся, однако, к существу вопроса. Мы видели выше основные тенденции развития в промышленности и в торговле. Нам необходимо теперь охватить теоретически весь процесс в целом. Ибо пути социалистического строительства в нашей крестьянской стране, да и пути социалистического строительства вообще, стали теперь неизмеримо яснее, чем восемь лет тому назад, когда пролетариат и его партия впервые в упор очутились перед практической проблемой положительного творчества.

Мы имеем в СССР налицо громадное количество разнообразнейших хозяйственных форм: в отдаленных от центра восточных окраинах, на Кавказе и т. д. встречаются уголки с остатками родового быта, с явственными признаками первобытного коммунизма, местами феодальных отношений, натурального хозяйства вообще; в сельском хозяйстве господствующей формой является мелкобуржуазное хозяйство крестьянина-товаропроизводителя, причем степень товарности этого хозяйства точно так же весьма различна; вперемежку с индивидуальными хозяйствами мы находим ряд коллективных форм (артелей, колхозов, с.-х. коммун и т. д.);

сравнительно небольшую роль играют так наз. «советские хозяйства», т. е. государственные именья и угодья. Не нужно при всем этом забывать факт национализации земли.

Из крестьянского хозяйства непосредственно «вытекают», будучи с ним связаны бесчисленными формами экономической взаимозависимости, ремесло, кустарничество, мелкая карликовая промышленность, значение которой в общей экономике страны было немалое. В связи с крестьянским хозяйством и его индустриализацией находится ряд кооперативных крестьянских производственных объединений (маслобойные заводы, сыроварни, крахмало-паточные заводы и т. д.).

В городах и поселках мы имеем тоже большое разнообразие хозяйственных форм: наряду с государственным производством здесь есть и частные предприятия «чистого типа», и предприятия, арендованные частными лицами, и концессии, и кооперативные предприятия, и «смешанные общества», участниками которых являются частные капиталисты—с одной стороны, государство пролетариата—с другой. Но при всем разнообразии этих хозяйственных форм, имеющих различное социально-классовое содержание, государственные предприятия составляют мощный экономический массив, по сравнению с которым все остальное отступает далеко на задний план.

Из этого видна вся пестрота картины. Хозяйственные формы, переходящие одна в другую веками, тысячелетиями, у нас сосуществуют одновременно, располагаясь в пространстве. Размах небывалый: на одном полюсе—родовой быт, на другом—государственно-социалистическая фабрика. Правильно сочетать эти хозяйственные формы, правильно сочетать соответствующие им хозяйственные стимулы, правильно сочетать адэкватные им социально-классовые силы, т. е. обеспечить руководство пролетариата и наиболее быстрое развитие социалистических форм,—все это есть задача необыкновенной сложности.

Если бросить теперь общий взгляд на весь процесс движения в целом, нетрудно будет увидеть следующие основные закономерности.

В период военного хозяйства, падения—по вине интервенционистов и т. д.—производительных сил, город отступал перед деревней; мелкое производство, более эластичное, в условиях полной ненормальности и иррегулярности производственного процесса (нет хлеба, сырья, топлива, правильного тран-

спорта и т. д.) оказывалось в более выгодных условиях, чем крупное.

В период теперешнего подъема, начавшегося со времени новой экономической политики и резко обозначившегося за последний год (1924/25 хоз. год), мы имеем ярко выраженную обратную линию развития: город снова хозяйственно ведет деревню; закон преимущества крупного производства вступает полностью в свои права; поэтому государственная индустрия хозяйственно ведет все остальное, с каждым месяцем укрепляя свою гегемонию в совокупной хозяйственной жизни страны. Деревня за городом, город — за государственной промышленностью, — такова реальная связь хозяйственных форм в СССР.

В предыдущих главах мы видели цифровые выражения этих процессов. Нам остается здесь лишь прибавить, что, по недавно выработанным предложениям и планам на 1925/26 хозяйственный год, мы к концу этого года достигнем довоенной нормы, а местами и перешагнем за нее. По мере действительного роста нашей государственной промышленности все более и более нарастают органически элементы плана, т. е. рационального начала в общехозяйственном процессе. Уже теперь мы в состоянии прибегать к мерам, совершенно недоступным для частнохозяйственного строя, и не подлежит никакому сомнению, что в ближайшие годы начнет сказываться с поразительной силой не только закон преимущества крупного хозяйства, но и экономический закон преимущества планового хозяйства. Тем самым соотношение между совокупным государственным хозяйством и совокупным частным хозяйством будет еще более решительно изменяться в пользу первого.

Так ставим мы вопрос. Но Каутский не был бы Каутским, если бы и здесь он не умудрился наговорить возможно больше вздору.

> «Большевистский способ мышления, — пишет он, — который считает теоретические абстракции не за упрощение, а за точные (getreue) отображения действительности, слеп ко всем переходным стадиям. Он видит только диктатуру капитала или диктатуру пролетариата, всесторонний капитализм или всесторонний социализм, и ничего посередине» [1]).

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 22.

«Большевистский способ мышления», как известно, нашел свое наиболее яркое выражение в «способе мышления» тов. Ленина. Но утверждать, что Ленин был «слеп» на переходные стадии, это значит обнаруживать еще раз свой переход в слепые сторонники контрреволюции. Никто не придавал такого значения конкретному анализу, внимательному изучению переходных форм, пестроты и многоцветности этих форм, как Ленин. Излишне об этом, в сущности, распространяться. Но самое удивительное в утверждениях Каутского то, что он, указывая на несуществующий сучок в нашем глазу, ухитряется не заметить целого бревна в своем собственном зрительном аппарате. В самом деле, ведь никто иной как Каутский ругательски ругает нас за то, что мы еще не осуществили полного коммунизма. Ведь это он, инсинуируя насчет нашего блока с концессионерами и раздувая их значение сверх всякой нормы, употребляет аргумент от «всестороннего социализма». Ведь это он тычет пальцем в переходные формы и делает отсюда вывод о крахе коммунизма, не потрудившись даже подсчитать или осведомиться, в какую сторону идет развитие, как меняется соотношение между различными хозяйственными формами, какова основная динамика нашего хозяйства. А потом приходит с ясным лбом и, невинно посматривая на нас, начинает обвинять нас в том, в чем сам по горло виноват. И это называется «критика»!

Здесь мимоходом мы должны остановиться на существенном и для нас, и для г-на Каутского пункте. Что мы видим и социализм, и переходные стадии,—это, надеемся, доказано. Но что Каутский видит «переходную» коалицию, но не видит («слеп») пролетарской диктатуры, застрявши безнадежно на коалиции, вот это факт! Каутский крайне неудачно выбрал свои примеры. Каутский, попросту говоря, попался с поличным. Ибо как переходные к социализму формы не исключают, а предполагают движение к социализму, так и возможные переходные формы от диктатуры буржуазии к диктатуре пролетариата марксисты должны рассматривать именно с точки зрения движения к диктатуре пролетариата, которая есть непременное условие не только для экспроприации экспроприаторов, но и для последующего органического через переходные экономические формы врастания в социализм. А Каутский начисто «уничтожил» пролетарскую диктатуру!

Но вернемся снова к главной нашей теме.

Итак, рост производительных сил привел у нас к гегемонии государственно-социалистической крупной промышленности. Нужно рассмотреть теперь, каким образом происходит реализация этого процесса. Совершенно очевидно, что механизм связи между различными хозяйственными формами, в первую очередь связи между государственной промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, лежит в области обращения, и процесс обращения играет поистине гигантскую роль, опосредствуя производственные циклы. Процесс обращения, как известно, весьма влияет на процесс производства и обратно. Вот почему вопрос об организационных формах процесса обращения приобретает у нас крупнейшее значение. И здесь вырисовывается перед нами громадная принципиально новая роль кооперации—сельскохозяйственной кооперации прежде всего.

Главной проблемой для победоносного пролетариата в такой стране, как наша, является проблема хозяйственной увязки между объединенной промышленностью и распыленным крестьянским хозяйством, из дробности которого и вытекают индивидуалистические частно-хозяйственные мотивы крестьянского труда. Так как эта увязка происходит через рынок, через акты купли-продажи, через процесс обращения, в котором одновременно фигурируют и продукты промышленности, и продукты крестьянского хозяйства (хлеб, сырье и т. д.), то очевидно, что именно от форм связи в этой области зависит в значительной мере характер всей хозяйственной эволюции.

И вот здесь-то сказывается принципиальная разница, которая существует между строем капитализма и строем пролетарской диктатуры, где крупная промышленность, транспорт, кредит (банки), внешняя торговля находятся в руках пролетариата.

Если при капиталистическом режиме рост кооперации, который вызывается, конечно, частнохозяйственными интересами крестьянина (и как продавца, и как покупателя, и как хозяина, нуждающегося в кредите, а равно и накопляющего), приводит неизбежно к ее капиталистической эволюции, то совсем не так обстоит дело при режиме пролетарской диктатуры, ибо здесь хозяйственная среда, «ведущее начало» совокупной хозяйственной жизни—иные. Для всякого марксиста ясно, что рассматривать сельское хозяйство и его развитие изолированно, вне связи с развитием города, промышленности, кредита, неправильно. А если это так, то понятно, что принципиальное изме-

нение производственных отношений в городе должно сказаться и на принципиальном изменении в характере деревенского развития. Это не значит, конечно, что такое развитие будет итти гладко, без противоречий, единым, сплошным, прямым социалистическим путем. Но это значит, что при всех отклонениях, противоречиях, зигзагах равнодействующая всех параллелограммов сил будет итти в направлении к социализму.

Каким образом?

В марксистской литературе неоднократно отмечалось, что когда, например, кредитная кооперация связывается с капиталистическим банком, то образуется так называемая «общность интересов» («Interessengemeinschaft») между нею и этим банком. Когда кооперация по сбыту связывается сетью сложных и постоянных взаимоотношений с крупными оптовыми покупателями, она точно так же попадает от них в известную зависимость. То же и с закупочными операциями. А так как эти решающие хозяйственные организации находятся в руках капиталистов, то кооперация неизбежно врастает в систему капиталистических отношений. Если сюда добавить еще тот факт, что кадровый людской состав кооперативных организаций поставляется точно так же буржуазией и помещиками, то картина становится более или менее полной. Нетрудно сообразить теперь, что у нас формально, т. е. с точки зрения организационной оболочки материального социально-экономического процесса, дело обстоит примерно так же, но что по существу, т. е. именно с точки зрения этого материального процесса, речь идет о совершенно иной характеристике. У нас тоже происходит и будет происходить «врастание», но это есть врастание не в капиталистические организации, а в хозяйственные организации пролетарского государства; это есть «смычка» не с капиталистической индустрией, а с государственной индустрией рабочего класса; это есть зависимость не от буржуазных банков, а кредитная связь и растущая «Interessengemeinschaft» с кредитными органами пролетарского государства. Тот, кто видит одни капиталистические отношения, кто не понимает всего процесса в целом, тот просто не понимает ни смысла нашей революции, ни главных линий нашего экономического развития.

Организация крестьянства в процессе обращения неминуемо повлечет за собою и рост коллективных форм в производстве, начиная с тех отраслей сельского хозяйства, которые более всего захватываются процессом индустриализации. Сознательно проводимая советской властью политика сближения города

и деревни (уже теперь при разработке планов постройки новых фабрик и заводов учитывается этот момент), механизации сельского хозяйства, электрификация—с другого конца все более мощно будет поддерживать те же тенденции. Таким образом экономически организующая роль государственного хозяйства будет становиться все более решающей.

Весь этот процесс совершается через и посредством рынка. Он будет итти тем скорее, чем скорее будет развиваться наша государственная промышленность. Сейчас перед нами стоит проблема восстановления основного капитала, т. е. проблема реального социалистического «накопления». При отсутствии заграничных кредитов (без них мы можем тоже обойтись, г-н Каутский! Мы вовсе не умрем, если г-да иностранные капиталисты не пожелают давать нам взаймы) нам необходимо обратить самое пристальное внимание на ускорение оборота в стране. Ускоренный оборот, развязанный оборот означает, конечно, и рост капиталистических отношений. Но на данной ступени развития он нам вовсе не так опасен, ибо при быстром обороте теперь социалистические формы хозяйства и непосредственно от них зависимые кооперативные формы будут расти еще быстрее, и удельный вес социалистических форм будет непрестанно повышаться. Таким образом те «уступки» капитализму, которые мы делаем, то «отступление», которое мы производим, есть по существу в теперешних условиях наше экономическое наступление, ибо мы идем с возрастающим перевесом наших совокупных экономических сил.

Забавно, то, что этот факт признают, хотя и со скрежетом зубовным, наши заклятые враги из ярко буржуазного лагеря. Так, в исключительно злобной передовице английского экономического журнала «The Statist» («The russian position») мы читаем:

> «Недавно пробудившиеся надежды на то, что советские лидеры намерены ввести решительные перемены в свою экономическую систему, к несчастью, не реализовались; становится все более и более ясным, что они... не имеют никакого серьезного намерения систематически бросать (abandoning) великий социальный эксперимент, начатый в 1917 году. Это правда, что эволюция пресловутого (famous) нэпа (новой экономической политики) прошла через некоторые дальнейшие этапы и что были сделаны некоторые дальнейшие отступления от чистого коммунизма; но, как это ни пока-

жется парадоксальным, эти изменения в действительности имели целью в конце концов вызвать незыблемость (the permanence) коммунистической системы» [1].

Для писателей из «Statist'a», конечно, извинительны такие lapsus'ы, как отступление от «чистого коммунизма» (точно у нас он когда-то был!). Но все же полезно заметить, что эти открытые враги лучше понимают суть дела, чем их социал-демократическая агентура.

Итак, весь процесс есть процесс развертывания товарооборота, т. е. рыночной формы, которая сама себя преодолевает. Организационным узлом народного хозяйства является объединенная и все более централизуемая государственная промышленность, сросшаяся с банками, через которое идет финансовое ее питание. Вокруг этого хозяйственного кулака громадной мощности располагается сеть торговых государственных, а затем и кооперативных органов; от кооперации тянутся бесчисленные нити к индивидуальным крестьянским хозяйствам. С ускоренным оборотом всего народно-хозяйственного «капитала» все больший удельный вес получает государственное хозяйство и все быстрее «переделывает свою собственную природу» крестьянское хозяйство. Оно кооперируется, оно организуется, оно все интенсивнее вливается в общий великий организационный поток, во главе которого идет пролетарская государственная власть, экономически непосредственно опирающаяся на крупную промышленность, кредит, транспорт, внешнюю торговлю, национализацию земли.

Чем быстрее будет итти процесс развития производительных сил (а он имеет все шансы итти «американским темпом»), тем больше будет развиваться «рациональное», плановое начало, тем меньше—с определенного пункта—будет роль специфически рыночных отношений. Подобно тому, как в капиталистическом строе внутри «национального хозяйства» есть тенденция преодоления рынка через рынок, поскольку конкуренция превращается в монополию, так в строе пролетарской диктатуры через рынок, через процесс обращения идет организация мелких крестьянских хозяйств под экономическим руководством все более организованной системы государственного хозяйства. Элементы частнокапиталистические отступают и вытесняются. Крестьянское хозяйство переделывается и втягивается в об-

[1]) „The Statist", july 11, 1925, p. 49. Курсив наш.—*Н. Б.*

щую систему. Если развитие капиталистических отношений имеет своим пределом классический государственный капитализм, то пределом развития у нас является социализм.

Само собой разумеется, что этот процесс есть процесс противоречивого развития. Было бы теоретической пошлостью высшей марки представлять себе дело таким образом, что после взятия власти все противоречия сразу отмирают. Этого нигде не будет и быть не может. Вопрос состоит вовсе не в том, чтобы отрицать эти противоречия: он состоит в том, чтобы их объяснить, отвести им надлежащее место, уловить их динамику.

Конечно, на тему о противоречиях нашего развития можно было бы написать целое самостоятельное исследование. Мы здесь, естественно, не можем давать их полного анализа. Но все же нужно, хотя бы в общих чертах, осветить этот вопрос, так как меньшевистские политические спекулянты больше всего спекулируют именно на этих противоречиях.

Главным, основным, принципиальным противоречием нашей экономики является противоречие между государственным хозяйством—с одной стороны, частным хозяйством и специально хозяйством частнокапиталистическим—с другой. Государственное хозяйство имеет своим социально-классовым носителем пролетариат; частнокапиталистическое хозяйство—новую буржуазию. Классовая борьба пролетариата и буржуазии имеет у нас форму хозяйственно-экономической борьбы между государственными и частными предприятиями. Приэтом у нас возможен одновременный рост: и рост государственного, и рост частного хозяйства. Частно-капиталистическое хозяйство ведет ожесточенную борьбу с государственным хозяйством за влияние на крестьянский двор. Вот один ряд противоречий, самый глубокий, самый основной. Если брать вопрос не помарксистски, т. е. статически, в покое, а не в движении, можно без конца тыкать пальцем в частного торговца и охать, и кряхтеть, и ругаться, и предсказывать ужасные беды и напасти, и предрекать «крах коммунизма». Но стоит только правильно поставить вопрос, чтобы видеть пути преодоления этого основного противоречия: относительное уменьшение роли частного хозяйства, хотя бы даже при временном его абсолютном росте, ясно показывает, как будет преодолено это противоречие.

Если блок рабочей промышленности и смыкающейся с ней крестьянской кооперации будет вытеснять частного торговца и

тем самым «снимать» («aufheben») противоречие между государственным и частно-капиталистическим хозяйством, то этим будет решаться основная задача социалистического строительства. Но ее решение предполагает «снятие» целого ряда других противоречий.

Наиболее важным из них является противоречие между госпромышленностью и крестьянским хозяйством, между пролетариатом и крестьянством, которые непосредственно противостоят друг другу, как покупатели и продавцы. Но при правильной политике государства, при ориентации на низкие цены промышленности, а не на монопольную прибыль, при решительном курсе на улучшение производства, а не на монополистский застой, это противоречие будет все больше смягчаться, причем крестьянская кооперация, срастясь с государственными экономическими органами, будет базой для отмирания и этого противоречия. Конечно, это будет очень долгий процесс. Конечно, до его завершения протечет много времени. Конечно, на всем протяжении этого процесса будет итти глухая борьба. Но общая линия развития идет именно в эту сторону.

Внутри крестьянства точно так же налицо громадные конфликты и антагонизмы. Кулак, Grossbauer,—с одной стороны. Безлошадный крестьянин или даже батрак—с другой. Это—классовая противоположность, два разных полюса общественной системы. Как будет преодолеваться это противоречие? Оно будет преодолеваться таким путем, что батраки будут повышать свой жизненный уровень, как составная часть рабочего класса; что бедняки будут организовывать коллективные хозяйства, пользоваться более дешевым кредитом, получать льготы и поддержку со стороны государства. Сельскохозяйственный кредит сыграет здесь громадную роль. Значит, классовая борьба не прекращается. Она может временами резко обостряться. Но только ничего не понимающий человек не видит, что в условиях нашего развития есть путь для эволюционного изживания и такого противоречия.

Мы имеем и ряд противоречий внутри самого рабочего класса. Ведь не все рабочие занимают так называемые «командные посты». «Красный директор» и «простой рабочий»— не совсем одно и то же, хотя и тот и другой принадлежат к одному классу и делают одно дело. Если бы весь рабочий класс был совершенно однороден, тогда не было бы такого деления: можно было бы «поочереди» отбывать директорскую повинность. Этого

нет. А, с другой стороны, известная разница «общественного положения» вызывает свои опасности, свои вредные тенденции. Это тоже противоречие, которое будет преодолеваться с ростом производительных сил, культурным подъемом и подъемом материального благосостояния масс. Курс на такое преодоление (борьба с опасными тенденциями, борьба с бюрократизмом, внимательное отношение к нуждам широких масс и т. д.) воплощается в практике нашей партии. Только наивный человек не может понять, что здесь нужна систематическая работа в течение десятков лет.

Реальная жизнь—крайне сложна, и правильная линия рождается из взаимных поправок со стороны разных органов рабочего движения. Приведем один только пример. Наши «хозяйственники» и наши «профсоюзники» в общем делают одно и то же дело: дело социалистического строительства. Но центр тяжести работы хозяйственников—в улучшении производства, его удешевлении, его рационализации. Центр тяжести работы профсоюзников—в непосредственной заботе о рабочих, в поправках к практике хозяйственников. Только из взаимных поправок, преодоления внутренних трений, изживания конфликтов и относительных антагонизмов складывается действительно правильная линия пролетарской политики.

Пролетарская диктатура есть условие для эволюционного преодоления всех этих противоречий. Противоречия капиталистического общества постоянно воспроизводятся на расширенной основе, пока это общество не лопается в треске и грохоте революционного пожара. Противоречия нашего общества, общества пролетарской диктатуры, воспроизводятся на суживающейся основе и в конечном счете погаснут в системе «всестороннего коммунизма». Тот, кто из наличия этих противоречий делает вывод о «крахе коммунизма»,—жалкий трус с кочаном капусты вместо головы. Таковы меньшевики вместе с Каутским. Им очень «импонирует» мощь Лиги наций, и они готовы использовать противоречия нашей жизни и нашу унаследованную от старого, увеличенную интервенцией нищету, чтобы еще и еще раз услужить «хозяину своему». А мы, партия рабочего класса, можем гордиться тем, что повернули все развитие на новые рельсы. Чего мы не достигли сегодня, мы достигнем завтра; чего не достигнем завтра, достигнем послезавтра. Но мы—слышите вы, жалкие слуги капитала!—свое возь-

мем, свое дело будем делать в полном сознании великой исторической задачи, величайшей исторической задачи, которая выпала на нашу долю.

IX. Советский союз и капиталистические правительства. Карл Каутский на службе иностранных капиталистов.

Вопреки всем россказням социал-демократических теоретиков, заявляющих о новой эре мирового капитализма; вопреки новому евангелию от Гильфердинга, сдающего в архив положение ортодоксального марксизма о неизбежности войн в пределах капитализма; вопреки социал-демократическому обоготворению «Лиги наций», американского кошелька и американской «демократии», мир катится навстречу громадным катастрофам, ибо мы живем в эпоху войн и революций. Мы нисколько не жалеем, что живем в такое бурное время. «Старики», великие основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс с радостным восторгом ждали этого момента, когда за «guerre universelle» или «guerre générale» [1]) последует, как выражались они, всеобщее «алло!», т. е. наступит время решительной революционной ломки. Как небо от земли, далека эта идеология, от филистерско-бутербродно-постельной позиции Карла Каутского, главным паролем которого является «покой и прочность» (Ruhe und Stetigkeit). Покой для капитализма! Прочность капиталистических отношений (ибо прочности для советского режима Каутский отнюдь не желает, а в других государствах социализм еще не открыт даже социал-демократической «мыслью»). Попробуйте поискать у Маркса или Энгельса этаких призывов! Попробуйте найти у них этакий язык! Не найдете. Потому что для революционеров это немыслимо, потому что революционер не может ни на секунду благословлять существующий капиталистический порядок: его дело ниспровергать этот порядок, а не желать ему доброго здравия, прочности и покоя.

Но пора решительно расстаться с воспоминаниями прошлого. Пора, наконец, перестать, хотя бы условно, рассматривать социал-демократических вождей как революционеров. Ибо перед нами законченные типы мещанских контрреволюционеров, охранителей существующего строя. Поняв это, можно понять и всю логику их аргументов. В самом деле, если основная задача со-

---

[1]) „Всеобщая война“.

стоит в том, чтобы охранять «покой и прочность» для капитализма, т. е. быть его сторожевой собакой, то необходимо лаять на каждого и бросаться на каждого, кто осмелится восстать против этого строя или даже только причинять ему то или другое неудобство, неприятность, затруднение. С точки зрения «покоя и прочности» нужно бороться против Советского союза, ибо самый факт его существования зело неприятен капиталу и весьма сильно нарушает и его «покой», и его «прочность» одновременно. С этой точки зрения нужно решительно бороться с коммунизмом, ибо это есть главная сила революции. С этой точки зрения нужно бороться с так наз. «азиатским национализмом», т. е. революционно-освободительными движениями в колониях и полуколониях. С этой точки зрения нужно поддерживать всех внутренних и внешних врагов Советского союза, взрывать извне и изнутри режим пролетарской диктатуры, ибо он, этот режим, есть очаг беспокойства и непрочности капиталистического мира. Коротко говоря, с этой точки зрения нужно всеми средствами поддерживать буржуазную контрреволюцию. Это и делает Карл Каутский, который выставляет те же «научные» аргументы, что и буржуазная печать (ни одного «оригинального»), и те же лозунги.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс писал:

> «Призрак бродит по Европе—призрак коммунизма.
>
> Все силы старой Европы соединились для освященной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские».

Из этого каталога сил старой Европы нужно теперь выкинуть кое-каких действующих лиц, в первую очередь российского царя. Но, с другой стороны, список может быть изрядно дополнен. Ибо к этому же каталогу «пап», «радикалов» и «полицейских» нужно присоединить теперь и почтенных социал-демократических вождей. Как мало они оригинальны в своих «высказываниях» и в своих действиях, можно было бы показать на ряде иллюстраций.

Вот, напр., «Manchester Guardian Weekly» (26/XII—1924 г.) сообщает о свидании римского папы с г. Чемберленом. Оба собеседника трактуют вопрос о большевизме (the Bolschevik question was dis (cussed). Приэтом римский папа прямо говорит «по Каутскому» (или Каутский «по папе»?):

> «Мы считаем своей обязанностью призывать всех, особенно людей, стоящих у власти, которые любят мир и

святость человеческой семьи и человеческого достоинства, употребить все усилия, чтобы бороться против весьма крупных опасностей и несправедливостей, идущих со стороны социализма и коммунизма» [1]).

Насчет того, что коммунизм нарушает мир, у Каутского есть; насчет «семьи»—у Каутского есть (он же писал, что большевики «социализируют» женщин и приводил в доказательство даже соответствующий подложный документ); насчет «достоинства»—целые моря чернил пролиты, равно и насчет «опасностей» и «несправедливостей». Разве не трогательно такое совпадение?

Теперешний черносотенный российский архи-реакционер господин Бердяев (тоже бывший марксист) в специальной «философской» работе, исходя из опыта нашей революции, пишет:

> «Социальная революция и не может не напоминать грабежа и разбоя» [2]).

Излишне приводить доказательства тому, что вся буржуазная печать стоит на такой точке зрения. А мы уже видели, что она—исходный пункт и всех построений Каутского. И если теперь «прочность» капиталистических порядочков особенно угрожаема со стороны азиатских восстаний, то г-н Каутский тотчас же спешит доставить достаточное оправдание пулеметным залпам, которыми кормят китайских рабочих напуганные английские империалисты. Известно, что пресса особенно консервативных буржуазных кругов стремится изобразить великое движение китайского народа как простой заговор «московских агентов». Этим самым создают прикрытие для двух целей одновременно: для расстрелов на Востоке и для подготовки военной и финансовой интервенции против Союза. А Каутский? Каутский забегает вперед и, егозя на задних лапках, лает:

> «Это (неудача с займами.—*Н. Б.*) есть лишь еще одно добавочное основание для отчаявшихся игроков в Москве, чтобы работать над новыми восстаньицами (Pursche) в надежде грабежом (Plünderung) достигнуть того, чего нельзя получить через займы. Во всех государствах Востока они

---

1) „Manch. Guard. Weekly", 26/XII—1924; „The Pope and Russia. Grave dangers of Socialism".

2) Николай Бердяев, Философия неравенства. Берлин. Книгоизд. „Обелиск". Стр. 25.

пытаются зажечь теперь пожар, чтобы в подходящий момент ввергнуть мир в пламя и быть в состоянии его разграбить».

(«Um in einem gegebenen Moment die Welt in Flammen zu setzen und ausplündern zu können» [1]).

Вы думаете, у Каутского есть хоть попытка анализировать движение на Востоке, поставить его в связь с империализмом капиталистических держав, прощупать его классовые корни, дать его оценку, как величайшего фактора мировой истории? Вы ошибетесь. Ничего подобного у Каутского нет. Он прибегает к совершенно другим «научным аргументам». Изобразив дело так, что китайская революция есть продукт грабительской деятельности московских «игроков», г-н Каутский непосредственно вслед за этим «тонко» «намекает» на то, *что* должны делать империалистические державы, чтобы избавить себя от беспокойства и угрозы по адресу «прочности». Каутский пишет:

> «Эта (т. е. большевиков.—*Н. Б.*) поджигательская политика в то же время не безопасна для них самих. Она может в один прекрасный день вовлечь Россию в войну при самых неблагоприятных условиях» [2]).

Нужно быть наивным дураком, чтобы не понимать, что Каутский прямо натравливает империалистские государства на Советский союз. Правда, он говорит, что он—против вооруженной интервенции. Но это—лишь лицемерная, ханжеская, недостойная, трусливая отговорка. Кто же может этому поверить? Каутский ведь «доказал», что у нас самый кровавый и самый палаческий режим, что его нужно сбросить насилием, что мы повсюду занимаемся простым грабежом, что на Востоке мы—главные «виновники» и работаем тоже для грабежа. Вслед за этим говорится, что «игра» пройдет нам небезнаказанно в случае войны. Это говорится в то время, как раз в то время, когда такая война действительно подготовляется! И после этого нам лицемерно заявляют: а мы все-таки против вооруженной интервенции! Когда все «аргументы»—за нее! Когда Каутский говорит вещи, которые стыдится говорить даже буржуа!

Нет, гражданин, теперь не так легко обмануть рабочих, как это удавалось сделать в 1914 году.

---

1) K. Kautsky, l. s., S. 48.
2) Ibid., S. 48.

Что Каутский жаждет войны против СССР, показывает и дальнейшее развитие его «мыслей».

> «Военное поражение,—говорит он далее,—вполне может вызвать соединение местных восстаний в городе и деревне в одно всеобщее восстание и развить такую силу ниспровергающей волны, которая сметет большевизм со всеми орудиями его господства» [1]).

И дальше::

> «Что же должны делать в таком случае социалисты России?..
>
> Было бы ужасно, если бы наш Интернационал под предлогом того, что он отклоняет подготовленное вооруженное восстание (bewaffneten Putsch) против большевизма, заранее осуждал бы всякое восстание против него, как контрреволюционное выступление, и запретил бы своим членам участие в таком восстании. Совершенно исключено, чтобы социал-демократы пытались спасти большевистскую систему. Нейтралитет же в случае всеобщего восстания народной массы был бы политическим самоубийством» [2]).

Мы, конечно, знаем, что означает на языке контрреволюционеров «восстание массы». Всякий наш рабочий и крестьянин отлично знают, что народные массы будут биться за советскую власть. Но здесь мы от Каутского, из авторитетного с.-д. источника, узнаем, что исключенной является помощь меньшевиков советской власти. Наоборот, с.-д., по Каутскому, должны активно принимать участие в восстании против советского режима.

Мы еще вернемся к этой теме. Сейчас нас интересует другое, а именно общая стратегия контрреволюционера Каутского. После приведенных цитат нетрудно разгадать эту предательскую стратегию.

Каутский говорит международной буржуазии: «Воспользуйтесь китайской революцией и втяните Россию в войну. А тогда мы, социал-демократы, ударим изнутри».

Для того чтобы оценить всю безмерную подлость этих призывов, следует вспомнить, что говорил гражданин Каутский

---

1) K. Kautsky, l. c., S. 48.
2) Ibid., S. 48—48.

во времена империалистской войны при господстве Вильгельма Гогенцоллерна, при диктатуре прусского бронированного кулака. Тогда, в ответ на призыв к революционному отпору, г-н Каутский отвечал, что «Интернационал»—орудие мира («Friedensinstrument»); что во время войны ему, «Интернационалу», нечего делать; что поэтому нужно сидеть смирно и не «рыпаться». А теперь Каутский спекулирует на войне, связывает свою повстанческую (не шутите!) линию именно с войной, совершенно забывая, что его «Интернационал» есть «орудие мира» («Friedensinstrument»).

В чем же дело?

Дело в том, что, по Каутскому, нельзя бороться против буржуазии, но можно бороться против диктатуры пролетариата; нельзя мешать империалистской войне вильгельмовского отечества, но нужно нападать с тылу на советскую власть, когда она обороняется против империалистов; нельзя восставать против капитала, но нужно восставать против Советов. Это ли не верх мыслимого предательства? Это ли не активная вооруженная помощь иностранным интервентам? И после этого говорят, что мы «преувеличиваем», что социал-демократы—тоже «социалисты» и т. д. и т. п. Конечно, есть честные рабочие социал-демократы, добросовестно заблуждающиеся. Но «вожди» вроде Каутского—ведь это же откровенные наймиты, трубадуры и апостолы грязно-кровавого империализма. Теперь это видно больше, чем когда бы то ни было.

Как бесились господа социал-патриоты, когда большевики во время империалистской войны выдвинули лозунг поражения для «своего» империалистского правительства! А теперь Каутский не только накликает на нас интервенционистских стервятников, не только спекулирует на войну, но и прямо ориентируется на военное поражение Советского союза! Можно ли дальше «продвинуться» по пути служения буржуазии?

Интереснее всего, однако, что Каутский в одном месте сам открыто признает, что он—контрреволюционер. Только что мы видели, что в его изложении мировая революция большевиков—это просто грабеж более богатых государств. Но вот на стр. 24 своей брошюры Каутский, анализируя «двойственность» нашей политики (займы и поиски их—с одной стороны, «мировая революция»—с другой), пишет о мирных отношениях с капиталистическими государствами:

«Эта цель исключает работу на мировую революцию (ein Betreiben der Weltrevolution), но, несмотря на это, последняя цель не оттесняется в политике России назад по сравнению с первой целью. Вопервых, даже в такой молодой и революционной корпорации, как советское правительство (in einer so jungen und revolutionären Körperschaft, wie der Sowjetregierung), играет большую роль традиция; затем постоянное оживление надежд на то, что скоро разразится мировая революция, делает возможным вовлечение значительных частей иностранных рабочих под знамена коммунизма. Советская Россия теряет значительнейшую часть своего влияния за границей в тот момент, когда она откажется в глазах мирового пролетариата от мировой революции» [1].

Ренегат Каутский думает, что все это он написал против нас. Ренегат Каутский не видит, как старательно плюет он здесь в лицо своему собственному прошлому. В самом деле, в чем признается этот пасквилянт?

Теперь оказывается, что советское правительство—«революционная корпорация». Заметьте: речь идет не о советском правительстве времен 1917—1920 гг., а о советском правительстве, ведущем переговоры о займах, т. е. о теперешнем советском правительстве. Каутский выбалтывает, что оно—революционно.

Ну, а теперь дальше. Мы помним, что г-н Каутский заявил, будто самые контрреволюционные правительства, вроде правительства Хорти, гораздо лучше «московских тиранов».

Итак:

Московское правительство хуже правительства Хорти.

Правительство Хорти контрреволюционно.

Московское правительство—«молодая и революционная корпорация».

Итак? Что «итак», г-н Каутский? Соображаете, что вы говорите? А говорите вы прямо и цинично:

Контрреволюция лучше революции.

Вот что вытекает из точного смысла разбираемых положений.

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 24—25. Курсив наш. — *Н. Б.*

Против «молодой революционной корпорации» призывает воевать империалистов г-н Каутский.

Против правительства «молодой революционной корпорации» обещает Карл Каутский ударить с тылу, как только последуют внешние военные поражения. Вот что нужно запомнить, записать. Вот чего нельзя позабывать никогда.

Советская Россия, «констатирует» автор, потеряет свое влияние у рабочих масс, если откажется от симпатий к мировой революции.

Ужасный грех! Ужасное преступление, что «Советская Россия» такие симпатии имеет!

Здесь Каутский разоблачает себя еще раз. По его мнению, это очень плохо, если в глазах рабочих всего мира «Советская Россия» является символом мировой революции.

Еще бы не плохо! Ведь это мешает «покою и прочности» капиталистического режима! Ведь это не дает спать филистерам и их «ученым» колпакам!

Теперь понятно до конца, почему нужно изображать революцию грабежом, а мировую революцию—мировым грабежом. Ведь нужно, в целях «покоя и прочности», отвратить от революции иностранных рабочих. И г-н Каутский старается в поте лица своего. Ешьте буржуазный «хлеб», почтеннейший! Вы его вполне заслужили...

Каутский воображает, что он крайне остроумен, когда открывает Америку и «разоблачает» нас в симпатиях к мировой революции, с одной стороны, в желании «нормальных торговых отношений» и пр.—с другой. Поболтав, как полицейский шпион и доносчик, насчет того, что коммунисты всегда могут прошмыгнуть нелегально через границы и «давать заграничным коммунистам указания, пароли и прежде всего деньги» (стр. 24 брошюры), г-н Каутский пишет:

«С другой стороны, большевики должны были заметить, что с акциями мировой революции дело обстояло плохо и что они падали все ниже. Они увидели, что рабочие массы заграницы все единодушнее отворачивались от их методов... что зато заграничные капиталисты весьма трэтабельные люди, если им развернуть перспективу хороших делишек и прибылей.

Так возникла наряду с целью мировой революции другая цель,—установления мирных отношений с капиталисти-

ческими державами, признания с их стороны и установления свободного оборота с ними» [1]).

Это должно, по Каутскому, звучать весьма ядовито. А если присмотреться хоть на минуту попристальнее, сразу увидишь... шарлатана.

В самом деле, спросим только себя, что же предлагает Каутский: не желать мирных отношений? Объявить всему капиталистическому миру войну?

Но, вопервых, всякому ясно, что это было бы просто глупо.

Вовторых, в таком случае, сам Каутский пуще прежнего закричал бы о мировом грабеже. Значит, Каутскому здесь возразить нечего.

Или, быть может, нам нужно отказаться от симпатий к мировой революции? Тех симпатий, на которых держится, по словам Каутского, наш авторитет? Перестать быть «молодой революционной корпорацией?» Предать даже идею мировой революции? Это советует наш старый ренегат?

Мы на это не пойдем. Но было бы забавно услышать от Каутского открыто такое предложение.

А теперь по существу дела. Как без труда увидит читатель, Каутский выполняет в своих рассуждениях прямое и непосредственное задание международной буржуазии.

Буржуазия торгуется с нами и требует максимума: она говорит нам:

хотите с нами торговать, бросьте свои симпатии к революции.

Мы ей отвечаем:

торговать с вами хотим, в дела ваши вмешиваться не будем, но симпатий своих к мировой революции не покинем.

Что делает Каутский? В споре между нами и капиталистами он целиком стоит на стороне капиталистов против нас, он фактически поддерживает требования капиталистов.

Но, может быть, действительно невозможно такое положение вещей, чтобы пролетарское государство могло существовать и торговать с капиталистическими государствами, не изменяя мировой революции?

Нетрудно ответить на этот вопрос по существу. Мировая революция развивается неравномерно. Картина ее развития крайне

---

1) K. Kautsky, l. c., S. 24.

пестра и сложна. Совершенно немыслимо предположить, что революция одерживает победу сразу и одновременно во всех странах. Поэтому неизбежен переходный период, когда одновременно сосуществуют и пролетарские и капиталистические государства. А так как такое состояние заполняет собой целый исторический период, то понятно, что этот период неизбежно противоречив.

Характерно для Каутского, что он совершенно «позабыл» здесь свои старые упреки по адресу большевиков. Читатели помнят, как он обвинял нас в непонимании переходных моментов. А теперь он, ничтоже сумняшеся, «оперирует» прямо противоположными аргументами. Ну и «горе-диалектик»!

Но Каутский идет в своих доносах дальше. Вся буржуазия сейчас отождествляет Коминтерн с советским правительством. Ей это нужно и для борьбы с СССР, и для того, чтобы изобразить коммунистических рабочих агентами «московских деспотов». Что же делает Каутский? Каутский целиком поддерживает эту «версию».

> «Они (большевики) думают, что они будут в состоянии и дальше вести свою двойственную политику путем создания для ее пролетарской и ее капиталистической части различных учреждений. Коммунистический интернационал работает на мировую революцию, проповедует низвержение всех правительств. Советская дипломатия, наоборот, старается обрести доверие тех же правительств...
>
> Но теперь ни для кого не секрет, что те же самые господа командуют и Третьим интернационалом и советской дипломатией... Теперь это противоречие имеет своим следствием, что никто не верит русскому правительству» [1]).

Браво, Каутский! Браввиссимо! «Демократ» Каутский присоединяется к требованию самых заядлых империалистских политиков, требованию выгнать Коминтерн из СССР, потому что это нужно господам капиталистам. Если присоединить сюда еще сообщения о «суммах государственных денег» (стр. 10), тогда перед нами полностью выплывает полицейское досье, которое называется меморандумом Карла Каутского Второму интернационалу. Входить в подробный разбор вопроса о советском правительстве и Коминтерне прямо совестно. Неужели,

---

[1]) K. Kautsky, l. c., S. 26.

например, г-ну Каутскому непонятно, что республика Эберта—Гинденбурга может подписывать торговый договор с Италией, но что это не значит, что она совершенно солидаризируется с фашистской партией? Неужели г-н Каутский не понимает, что одно дело—английское правительство, а другое дело, например, так называемая «Международная лига по борьбе с большевизмом»? И неужели он не понимает, что такое же отношение существует между правительством пролетариата СССР и международной организацией коммунистических рабочих?

Эта разница понятна каждому. Но в то время, когда вся буржуазия воет, Каутский не может не подвывать. Старайтесь, милостивый государь!

Но вы не думайте, читатель, что г-н Каутский ограничивается одной спекуляцией на войну, хотя и стыдливой. У него более солидный арсенал средств. Он имеет в виду и финансовое давление. Стоит разобрать и эту сторону дела: ведь, действительно, перед нами замечательный, классический образец ренегатства,—другого такого не сыщешь.

Просим обратить внимание на следующее, поистине поразительное, рассуждение Каутского:

«И Советская Россия не может в настоящее время вести дальше свое хозяйство без больших иностранных займов...

Доставлять Советской России займы без всяких условий значило бы давать ее деспотам новые средства для угнетения народных масс, над которыми они господствуют и которые они могут держать только насилием. С другой стороны, безусловно отклонять всякий заем России значит упускать из рук сильнейшее средство давления, которое позволяет давить на теперешних владык Москвы с целью получить уступки в смысле демократии.

В займах не должно быть отказа, но только под условием смягчения ужасного гнета...

Всякое такое условие может быть оправдано и интересами самих кредиторов (Verleiher), так что большевики не могут отклонять их, как непозволительное вмешательство заграницы во внутренние дела...

Достижение демократических уступок, как это ни странно,—не только в интересах русского пролетариата, но и в интересах заграничных капитали-

стов, которые хотят отправлять деньги в Россию или через займы, или через покупку концессий» [1]).

Уже изрядное количество времени прошло с тех пор, как иностранные капиталисты отказались от наглых требований изменения нашего политического режима. За его изменение они боролись с оружием в руках. Но рабочие и крестьяне показали им, как народ защищает свой режим от посягательств иностранного капитала и русской белогвардейщины. Иностранные капиталисты пробовали потом выставлять те же требования «мирным путем», как предварительное условие торговых сделок. Но и эта «фаза развития» прошла.

Теперь, когда в воздухе опять запахло тревогой, эти требования поднимает, смеет поднимать, господин Карл Каутский!

Омерзительно смотреть на этого Иуду. «Займы», т. е. деньги, находятся не у Каутского, а у капиталистов. Давление на нас деньгами может оказывать не Каутский, а капиталисты. Но разве этим Каутского смутишь? Нисколько! Он и аргументирует-то от «интересов кредиторов».

Особенно поразителен и циничен аргумент Каутского, гласящий, что рекомендуемое им «давление» потому не является вмешательством во внутренние дела, что «может быть оправдано и интересами самих кредиторов». Этот «научный аргумент» заслуживает того, чтобы за его длинные уши вытащить автора и показать такого, с позволения сказать, «мыслителя» всем и каждому. А разве интервенция не может быть «оправдана» интересами интервентов? Или г-н Каутский, научившись кое-чему у Форлендера, изобрел новый вид платонической интервенции? На кого рассчитывает Каутский? На каких дураков?

К «чести» его нужно, однако, сказать, что он и сам чувствует слабость своей позиции. И поэтому, набравшись храбрости, вдруг находит «выход», объявляя интересы иностранных капиталистов тождественными с интересами наших рабочих в самом важном вопросе, в вопросе о политической власти!

Рабочие! Поблагодарите г-на Каутского за это поразительное открытие!

Так говорили генералы Айронсайды, Колчаки, Юденичи, му-

---

[1]) K. Kautsky, I. c., S. 34—35.

чившие нашу страну. Так говорит теперь Карл Каутский, «вождь» Второго интернационала.

Гнусная пропаганда против СССР, финансовое давление, война, восстание,—вот программа Каутского, который в точности выполняет задания международной буржуазии. И если международные шпионы, и в первую очередь английские, всегда намечают центром своих операций Грузию (капиталистам ближе к нефти, а англичанам специально удобнее подходить с морским флотом), то и эту «деталь» предусматривает Карл Каутский:

> «...В Грузии никогда не было опасности, что восстание против большевистского господства, если это восстание удастся, сможет послужить реакции. Всякое восстание должно служить там завоеванию национальной независимости от всякого русского режима (точно в Грузии «русский режим».— *Н. Б.*)»... [1]).

Так замыкается цепь «советов» международной буржуазии со стороны ее глашатая. В моменты новой контрреволюционной волны, когда даже умеренные буржуазные писатели с тревогой смотрят за работой по организации «Священного союза» против «молодой революционной» страны, Карл Каутский выступает «авторитетным» экспертом в стане банкиров, полицейских, генералов, заговорщиков, фашистов, эмигрантов. Он выступает действительно апостолом международной буржуазии.

X. Карл Каутский на службе внутренней контрреволюции.

Мы видели выше, что Каутский, накликая на СССР войну со стороны империалистских хищников и спекулируя на военное поражение советских республик, дает империалистам клятвенное обещание ударить с тылу, т. е. внутренними восстаниями помочь наступающему империализму. Чтобы спрятать от рабочих этот действительный смысл своих невероятных выступлений, господин Каутский усиленно пытается покрыть их отвратительную контрреволюционную наготу розовым флером рассуждений о невозможности реакции в России. Освещение этого пункта крайне интересно, и мы надеемся, что читатели не посетуют на нас за длинные выписки из творений Каутского и его друзей.

Г-н Каутский утверждает, прежде всего, что уже в начале

---

1) K. Kautsky, I. c., S. 42.

большевистского режима, когда, по его же собственным словам, за большевиками шли значительные слои рабочих и крестьян, восстание против советской власти можно было оправдать («berechtigt»; стр. 41—42); однако тогда оно было нецелесообразно, ибо была опасность, что такое восстание окажется наруку реакции, вина будет свалена на меньшевиков и эсеров и «социализм» будет дескредитирован, а большевизм, наоборот, поднимает свой престиж (Каутский забывает, что в действительности именно это и было). Совсем иное—теперь:

> «Теперь и в собственно России исчезла опасность, что социалистическое восстание против большевизма окажет помощь реакции. И это по той простой причине, что все то, что могла принести с собой реакция, практикуется большевиками в такой мере, за пределы которой уже нельзя перешагнуть (das nicht mehr zu überbieten ist). Единственное, что московское правительство не тронуло из завоеваний революции, разрушение крупной поземельной собственности (обманщик Каутский позабывает, что большевики были единственной партией, смело проводившей это «разрушение».—*Н. Б.*)— не отважится отменить никакое другое правительство, как бы реакционно оно ни было. Точно так же и Бурбоны после их возвращения во Францию, когда свергнут был Наполеон, не смогли снова отдать дворянству и церкви конфискованные у них имения» [1]).
>
> «Нам нечего поэтому бояться, что благодаря вооруженному восстанию (bewaffnete Erhebung) в России будет оказана помощь реакции. Наоборот, все более растет вероятность того, что такое восстание в случае удачи увеличит в России свободу, не затронет ни одного из еще сохранившихся скромных завоеваний революции, пробудит ряд таких завоеваний к новой жизни и в гигантской степени будет полезно (gewaltig fördern) народным массам и пролетариату» [2]).

Но не только поэтому можно подымать восстание. Его можно, по Каутскому, подымать и потому, что

> «всякое правительство, которое стало бы на место советского правительства, было бы... слабее, чем это последнее, уже только по одному тому, что оно было бы менее едино (einheit-

---

1) K. Kautsky, l. c., S. 44.
2) K. Kautsky, l. c., S. 45.

lich), атакованное многочисленными противоречивыми интересами, по сравнению с маленькой кликой, которая теперь владычествует над Москвой» [1]).

Мы видели, что г-н Каутский связывает восстание с войной. Поэтому вопрос о реакции должен был бы прежде всего быть поставленным именно в этом контексте. Каутский, однако, уклоняется от этой задачи, чувствуя, что здесь, между прочим, обретается одно из самых слабых его мест. Посмотрим трезво на ту обстановку, которая предполагается посылками автора.

Идет война. Советское правительство терпит поражение. Внутри страны вспыхивают восстания. Меньшевики и эсеры эти восстания поддерживают. Кто может не понять, что при таких условиях война империалистов немедленно превращается в могущественную их интервенцию во все «внутренние дела»? Опыт интервенции 1918—1920 гг. показал, как хозяйничают «союзники» на оккупированной земле, превращая ее в колонию, покрывая страну виселицами, расстреливая рабочих и крестьян.

Задает Каутский этот вопрос? Где у него гарантия против этакой реакции? Ни слова. Ни звука.

Но, если мы припомним, что Каутский—агент международной буржуазии, то нетрудно понять, в чем дело. И кое-что предстанет тогда в «другом свете».

Каутский выставляет, как мы видели только что, «блестящую» перспективу слабого правительства, раздираемого противоречиями. Слабого, при сильной армии иностранного империализма.

Вы догадываетесь, товарищи рабочие и крестьяне, что это все значит?

Это и есть программа империалистических хищников. Империалистам нужно:

1) свалить «молодую революционную корпорацию»;

2) оккупировать известную часть территории России;

3) иметь к своим услугам слабое правительство;

4) держать это правительство своим вассалом.

Каутский нечаянно выболтал тайну своей черной магии. Как раз теперь, когда на СССР идет поход, а германское буржуазное отечество продается антантовскому капиталу; когда начинается переход германской буржуазии на западную ориентацию и не-

---

[1]) Ibidem, S. 44.

обходимо показать особое лакейское почтение к Антанте и Америке и особую враждебность к СССР, Каутский выдвигает восстание против СССР с программой замены сильного советского правительства слабым, разодранным на части, валяющимся в ногах у Антанты, полуколониальным «правительством», вроде тех жалких антантовских шавок, того «социалистически»-буржуазного сброда, который царствовал при армиях Булак-Балаховича, генерала Айронсайда и прочих. «Большой план» некоторых очень влиятельных кругов международной буржуазии как раз и состоит в таком порабощении нашей страны. Проблема рынков вновь очень остро стала перед американской, английской да и германской буржуазией. «Прочность и покой» капиталистического режима наталкиваются на существование СССР, который растет с каждым месяцем. Правительство СССР, «молодая революционная корпорация», все более укрепляется; оно сильно и едино. Как же тут быть? И г-н Каутский ставит все точки над i, вплоть до перспективы слабого правительства в России. Это должны отчетливо запомнить все трудящиеся.

Итак, на вопросе о связи реакции международной и реакции внутренней Каутский разоблачает себя до конца.

Переходим теперь к вопросу о внутренней реакции. Мы видели, что главным аргументом Каутского является здесь «соображение» о предельной реакционности нас, грешных. «Все равно, хуже не будет»—вот главное положение. Читателя-марксиста, привыкшего к тому, что ему дают классовый анализ, указывают на то или иное специфическое сочетание общественных сил, снова поражает то странное обстоятельство, что г-н Каутский ни капли не утверждает себя подобным анализом; перед читателем проходят не определенные социально-экономические категории со своим политическим выражением, а вульгарные шаблоны бульварной прессы: злодеи-большевики и добрые социалисты, белогвардейцы в кавычках и вообще любители свободы. Эта стряпня Каутского настолько тошнотворна, что против нее должны были выступить и Дан, и Милюков. В «Соц. вестнике» г. Ф. Дан пишет:

> «Как и указал Милюков—из всего рассуждения Каутского следует вывод, что и реставрация романовской монархии была бы злом не столь большой руки, еслиб она пришла на смену большевистскому деспотизму! И вывод этот тем

более законен, что сам Каутский ссылается в этой связи на реставрацию Бурбонов... И, однако, сам Каутский, конечно, не сомневается, что даже с точки зрения буржуазии реставрация Бурбонов была реакцией, как не сомневается и в том, что с точки зрения пролетариата термидор был и остается контрреволюцией, хотя он и освободил Францию от деспотизма Робеспьера» [1]).

Мы не знаем, до какой степени падения должен дойти так называемый «социалистический» лагерь, чтобы терпеть в своей среде «выводы» в пользу романовской монархии, чтобы считать своими вождями людей, стоящих политически много правее кадета Милюкова, одного из столпов российской контрреволюции! Ведь подумать только! В чем обвиняет—и обвиняет совершенно справедливо—г-н Дан г-на Каутского? Не более, не менее как в том, что из-за своей злобы к большевизму г-н Каутский готов пойти на сделку с романовской монархией! И все же г-н Дан продолжает восторгаться произведением Каутского, трусливо не делая выводов, которые обязан был бы сделать всякий честный политический деятель. Каутский, выставляя положение предельной реакционности большевиков, не только не дает какого бы то ни было классового анализа, но «позабывает» начисто свое определение советского правительства, как «молодой революционной корпорации». Он позволяет себе менять основные характеристики через несколько страниц. Не называется ли это игрой краплеными картами?..

Когда-то встарину даже среди социал-демократов меньшевистского крыла неприличным считалось бы говорить об «освобождении Франции от деспотизма Робеспьера». Но «nous avons changé tout cela» [2]), и г-н Дан не стыдится говорить языком контрреволюции. А г-н Каутский прямо становится на защиту Бурбонов против «деспотизма Робеспьера» и на защиту Романовых против «деспотизма большевиков». Умилительная картина! Пожалуй, скоро, вслед за письмом г-на Гинденбурга г-ну Шейдеману, мы доживем и до таких времен, когда «великий князь Николай Николаевич» или «император всероссийский» Кирилл Владимирович будут поздравлять г-на Каутского за его полезную бурбоновско-романовскую «социалистическую» работу.

---

[1]) Ф. Дан, l. c., стр. 9.

[2]) „Мы все это переменили".

Г-н Дан, возражая Каутскому, пишет:

> «Конечно, с исторической точки зрения всякая контрреволюция с вызываемыми ею страданиями и возмущением масс, перспективой новых революций и войн и т. д. может быть задним числом «оправдана», как неизбежная форма «прогресса», как единственно возможный, при данном соотношении сил, выход из тупика, в который неизменно попадает всякая революция, перескакивающая за свои реальные исторические пределы. Быть может, и для разрешения противоречий революции 48 года история не давала другой реальности, кроме кровопускания, произведенного Кавеньяком, как для разрешений противоречий Коммуны—другой, кроме победы Тьера. Но этот исторический вывод задним числом ни в коем случае не может служить руководством для политической партии (последний курсив принадлежит Дану.—*Н. Б.*), борющейся в интересах своего класса за другой, менее убыточный для этого класса выход из тупика» [1]).

Что говорит здесь г-н Дан, если снять покровы туманного языка? Он говорит, что большевистская революция зашла слишком далеко, согласно его, Дана, мнению по революционному пути, и что Каутский фактически предлагает современным Кавеньякам и Тьерам задушить ее за это, что, однако, неприлично для «политической партии, борющейся» и т. д. Вот истинный смысл этого «упрека». Конечно, вслед за этим начинается «танец живота», оговорочки, уверточки, лицемерные похвалы, слюнявые «разъяснения» и т. д. Но факт остается фактом: Дан признал, что Каутский логически (конечно, только логически!) стоит на позиции Кавеньяков и Тьеров. С чем мы и поздравляем почтенного «отца» социал-демократической теории.

Г-н Каутский—человек, как он неоднократно доказывал, весьма «храбрый». Поэтому он призывает всех своих чад и домочадцев в лоне II Интернационала «получить решающее влияние на восстание и никоим образом его не саботировать» (стр. 49). С другой стороны, Каутский рекомендует бросить страхи перед реакционными офицерами:

> «Не следует давать себя усыплять призраком белогвардейских офицеров, о которых думают, что они обязательно

---

1) Ф. Дан, l. с., стр. 10.

станут руководителями любого восстания против большевизма. Русский крестьянин недаром проходил через школу революции. Он прочно держится за свой кусок земли, полон недоверия к старым аристократам и заполучил сильнейшие демократические чувства» [1]).

За две страницы перед этим (стр. 47) г-н Каутский писал:

«Скорее всего это (т. е. восстание.—*Н. Б.*) наступает вследствие крупной военной катастрофы, которая особенно легко может разразиться над военной деспотией...

В демократии весь народ в период тяжелой катастрофы решительно становится на поддержку выбранного им правительства... В деспотии, которая признается массой за причину ее страданий и ненавидится ею, национальная катастрофа дает толчок ко всенародному восстанию» [2]).

Итак:

во-первых, г-н Каутский не только накликает войну империалистских демократий против московского «деспотизма», но и обещает полную поддержку этим «демократиям» («весь народ» и т. д.);

во-вторых, г-н Каутский, который обвинял советское правительство в удушении народа, теперь вдруг апеллирует к «школе революции», к «демократическому чувству» крестьянина, даже к его ненависти против белогвардейских офицеров.

На последнем пункте стоит остановиться особо. Мы уже не будем говорить о том, что приятели Каутского, меньшевики, а особенно эсеры, прямо и рука об руку шли вместе с «белогвардейскими офицерами»; бросим это и поговорим о будущем. «Школа революции». Хорошо. Но что же это была за «школа», в которой крестьяне приобретали ненависть к аристократам, белым офицерам и становились «демократами»? Это была школа гражданской войны и Красной армии, великая школа, руководимая—...не припомните ли кем? большевиками, почтеннейший. А ваши приятели с лозунгами Учредилки были по ту сторону фронта.

Изо всего этого вытекает не воображаемая перспектива восстания, а перспектива сплоченности народа, который под руководством пролетариата даст снова героический отпор империалист-

---

[2]) K. Kautskyv, I, c., S. 49—50.

[8]) K. Kautsky, I. c., S. 47.

ским армиям, если их бросят на нас благородные хозяева Карла Каутского.

После всех заговорщических, белогвардейско-повстанческих рассуждений г-н Карл Каутский наивно замечает:

«Быть может, мне могут возразить, что хотя мои воззрения и правильны, но их нельзя открыто выставлять от имени Интернационала, так как это означает выдать наших товарищей в России ножу их палачей, дать этим последним основание для новых преследований. Я этого не боюсь (в Берлине!—*Н. Б.*). Если большевики честно воспримут наше изложение, то они не смогут вывести отсюда оправдание для преследования демократических социалистов. Ибо мы ясно предостерегаем последних от подготовки вооруженных восстаний. А что касается наступления других восстаний, о которых мы говорим, то это не зависит от наших товарищей» [1]).

На это нам остается процитировать г-на Дана:

«Каутский проводит резкое различие между «подготовленным вооруженным восстанием» (vorbereiteter bewaffneter Aufstand) и «самопризвольным народным возмущением» (spontane Volkserhebung)... Классификация... не кажется нам ясной... Ориентироваться тактически на «всенародное возмущение» значит в действительности ориентироваться на «вооруженное восстание» и гражданскую войну» [2]).

Что же тут такое? Быть может, г-н Дан «нечестно» понял учителя своего? Или г-н Каутский нечестно играет словами, нечестно прячет свою империалистическую физиономию под розовую маску «демократа», «социалиста» и т. д.? Мы думаем, что последнее много вернее. Каутский «тактически ориентируется» на войну империалистов против нас извне и на гражданскую войну белых против народа—изнутри, что должно привести к желанной цели: оккупации, превращению СССР в буржуазную полуколонию со слабым правительством и со слабым хозяйством. Тогда международная буржуазия могла бы надолго успокоиться. А ее «покой» и «прочность» и охраняет Карл Каутский.

---

[1]) K. Kautsky, 1. c., S. 53.
[2]) Ф. Дан, I. c., 10.

Карл Каутский не боится реакции. Он храбрый. Единственно, чего он боится, это—еврейского погрома. Так и видишь опять длинные уши филистеров, освещающих Каутскому «русский вопрос».

В заключение интересно отметить отношение к брошюре Каутского некоторых фракций нашей эмиграции.

Официальные меньшевики, устами Дана открестившись от ряда положений Каутского, по обычаю в итоге пропели ему осанну: смысл его книжонки

> «лежит в припитывающем всю брошюру духе страстного интернационализма» (стр. 14).

(Г-н Дан позабывает прибавить «интернационализма» буржуазии, которая единым фронтом готовит войну против СССР.)

Официальные эсеры («Воля России», 1925, II) в статье Е. Сталинского считают, что брошюра Каутского является «событием», что она подводит итог целому периоду и, по существу, делает Каутского идеологом эсеров, которые, так сказать, всегда говорили то же.

Журнал блока кадетов и ультра-правых эсеров, «Современные записки» (кн. XXIV, 1925, Париж), полагает, что

> «для русского демократического социализма и для дела русского освобождения работа Каутского во всяком случае является ценным даром, каким не слишком часто балует судьба» (стр. 468).

Характерно, что в этом же номере редакция сочла уместным поместить статью г-на Н. Бердяева (того самого, по которому «социальная революция и не может не напоминать разбоя и грабежа»). Эта статья называется: «В защиту христианской свободы». В ней г-н Бердяев, между прочим, пишет:

> «Русская религиозно-философская и религиозно-общественная мысль была не замечена, не оценена, не получила сколько-нибудь широкого влияния. И ответственность за это падает на ту традиционно-«левую» интеллигенцию, начиная с Белинского, которая была в сознании своем глубоко-реакционной и отсталой, враждебной духу творчества, враждебной духу свободы, гасительницей духа. Предпочитать Белинского Хомякову, Чернышевского Достоевскому, Плеханова Вл. Соловьеву и значит быть реакционером духа, мракобесом, значит готовить Ленина и окончательное рабство духа» (стр. 301).

Революцию г-н Бердяев превращает в контрреволюцию, совсем на манер Каутского. В своей книге «Философия неравенства» г-н Бердяев определил господство большевиков как «сатанократию» (господство сатаны). Так как г-н Каутский никак не может подыскать социального базиса для этого господства, и так как он все совершеннее усваивает себе методологию господ Бердяевых, все основательнее забывая азы марксизма, то мы можем вскоре ожидать, что г-н Каутский тоже успокоится на «сатанократии». Amen.

Мы пришли к концу нашей работы. Рабочие и крестьяне СССР, пролетарии всего мира должны видеть, что положение становится все более серьезным. И они должны видеть, что некоторые вожди II Интернационала затрубили в призывной рог, чтобы поддерживать империалистов в борьбе с народами СССР, чтобы повторить в еще большем масштабе опыт с интервенцией. Мы, с своей стороны, будем сплачивать наши силы, зорко смотреть за всеми движениями врага и будем, разумеется, беспощадно подавлять все его выступления. Сам Каутский может быть спокоен. Плеханов говорил когда-то, что нужно завоевать себе право на казнь. Такого права Каутский не завоевал. Лично он слишком жалок для этого. И он будет жить (гнить) при всех режимах. Такова судьба этого апостола международной буржуазии.

ЦЕЗАРИЗМ ПОД МАСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ [1].

Книга проф. Устрялова, на которую уже обращал внимание читателей «Правды» тов. Зиновьев, в самом деле заслуживает с нашей стороны некоего внимания. Г-н Устрялов рассчитывает на публику весьма квалифицированную, на людей, про которых можно было бы сказать, одобрительно похлопывая их по плечу:

> ...И скромно ты внимал
> За чашей медленной афею иль деисту,
> Как любопытный скиф афинскому софисту.

Наш харбинский, то бишь афинский, софист говорит на «языке богов». Правда, стилист он недурной и умеет облекать «реальные интересы» узорами расписного, но точного языка, подымаясь иногда даже до своеобразного сменовеховского пафоса. Однако этот узорчатый словесный ковер, куда ловкою рукой привлечены и «Непостижимое», и «Исторический Разум», и Шпенглер с Соловьевым, Леонтьевым, де-Мэстром, и Гегель, и многое другое, конечно, весьма искусно скрывает «реальные интересы», о которых заботился г. Устрялов. Для того чтобы нащупать действительную классовую правду у Устрялова, нужно иметь немалый тренаж, уменье распознавать противника и вытаскивать его из самых отдаленных и самых глухих нор. Здесь мало его обругать. Здесь нужно аргументировать. Ибо мы имеем дело с самым опасным врагом. Это—не меньшевики и эсеры, пустопорожние балалайки мещанства. Это—идеологи, у которых есть своя система, закругленная по существу дела со всех сторон, хотя и надевающая на себя иной раз совсем неподходящий костюм. Это—идеологи, которые всеми силами хотят опереться на внутренние, имманентные противоречия нашего развития, и притом хотят отравить нас медленно действующим ядом в нашем же доме. Они гораздо

1) По поводу книги проф. Н. Устрялова „Под знаком революции".

трезвее и хитрее меньшевиков и эсеров, несмотря на свои заигрывания с мистикой, богом и прочими заумными вещами.

Ты прав, несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный:
Он важно судит обо всем,
Всего он знает понемногу.
Люблю тебя, сосед Пахом:
Ты просто глуп, и славу богу.

Пушкинские ученые Фирсы поистине «несносны». Но что же поделаешь? Приходится разжевывать и этот сомнительный теоретический мармелад.

Г-н Устрялов развертывает в своей книге весь разноцветный веер сменовеховской идеологии. В предлагаемой вниманию читателя статье мы, разумеется, не в состоянии пойти контратакой по всему фронту (быть может, если время позволит, это удастся сделать после). Мы ограничиваемся поэтому вопросами, наиболее «ударными», чтобы, в свою очередь, ударить по коротким рукам, имеющим смешную претензию медленно душить нас.

I. Мировой кризис и всемирный смысл Октябрьской революции.

Разумеется, странно было бы, если бы г. Устрялов обошел этот основной вопрос, вопрос о всемирно-историческом контексте нашей революции. Ведь всякому понятно, что не только общие судьбы нашей страны, но и конкретные этапы ее развития определяются в значительной мере этим мировым контекстом. Уклониться от вопроса нельзя. Нельзя тем более, что он кричит ежедневно и ежечасно миллионами голосов.

> «Конечно, великий кризис нашего времени, — пишет г. Устрялов,—не исчерпывается планом политики, права, вообще внешнего общественного устроения. Он исходит из духовных глубин и нисходит к ним же. Он был бы бессилен вне их, и его размах—ручательство его органичности. Перерождается духовная ткань человечества» [1]).

Да не смущается читатель склонностью г-на Устрялова залезать всеми пальцами обязательно в духовные глубины. Это уж обычный и «façon de parler» и «façon d'agir» («способ говорить»

---

1) „Религия революции", указанный сборник, стр. 280.

и «способ действовать»), практикуемый «учеными Фирсами». Нам важно отметить здесь вот что: г-н Устрялов признает всеобъемлющий характер мирового кризиса («человечество», не только «внешнее устроение», но и «духовная ткань»).

Это хорошо. Но ведь интересно было бы узнать от автора, находящегося в близких отношениях с «Духом Истории» и видящего, как перерождается не только материальная, но и духовная ткань человечества, в какую же сторону перерождается оная ткань? Вот в этом и заключается весь вопрос. Ведь ответ на этот вопрос в значительной мере предопределяет все остальное.

Г-н Устрялов—любитель Гегеля. Но Гегель требовал и конкретного анализа, без которого тощие абстракции неизбежно начинают хворать, а потом и вовсе погибают, за полной ненадобностью и для «духа», и для людей, и для самих себя.

Так вот интересно узнать, что же думает г-н Устрялов о направлении шагов мировой истории?

О, вы не думайте, читатель, что ответ будет прост. Ибо у г. Устрялова есть не один, а целых три ответа.

Ответ № 1.

> «Конечно, было бы близоруко не учитывать мирового значения русского опыта. Есть много оснований утверждать, что русская революция открывает собою новую эру всеобщей истории.
>
> Она—первая бурная судорога «старого мира», живущего «великими принципами 89 года». Но из этого еще отнюдь не следует, что ее предельные лозунги воплотимы теперь же сполна.
>
> Всемирная история идет к социализму, как к своему очередному фазису, но этот путь длителен, извилист и постепенен» [1].

Да позволено будет остановиться несколько на этом ответе. Итак, всемирная история идет к социализму. Более того, она не просто идет к социализму, но социализм—это ее очередной фазис. Другими словами, г. Устрялов прямо, точно и ясно говорит, что за империализмом следует социализм как «очередной» этап, т. е. что данный всемирно-исторический кризис перерождает «ткань человечества» в сторону социализма. Что путь долог, тяжел, извилист и пр.,—это трюизм.

---

[1]) „Вехи и революция“, стр. 48 сборника.

Кто станет здесь спорить? Важно для нас констатировать, что устряловский исторический «дух» все-таки тянет н а ш у лямку.

Но вот на той же странице, несколькими строками выше, мы читаем:

> «Смена вех» не верит в немедленный коммунизм. Ни один из ее авторов—не социалист. «Смена вех» руководится прежде всего патриотической идеей. Идеология ортодоксально-интернационалистская и классовая (!—*Н. Б.*) чужда ей» [1]).

«Верить» в «немедленный коммунизм» (ну, и г. Устрялов!) никто и не приглашает. Но приглашают строить социализм, к которому как будто ведет история. Что же говорит г. Устрялов? Если оголить его мысль, то останется следующее: «Так как история ведет к социализму, как к своему очередному этапу, то ни я, ни кто-либо из моих друзей не социалисты». Забавные же вы шутники, господа сменовеховцы!

В чем же здесь, однако, дело? Да дело в том, что социализм нужен г. Устрялову, как табак, который бросают в глаза. Об этом убедительно свидетельствует:

ответ № 2. Вот он:

> «Дыхание своеобразного «цезаризма», ощущаемое в современной европейской атмосфере, не есть откровение совершенства. Но я ни на минуту и не выдаю его за таковое. Я только констатирую его наличность. Я отчетливо вижу (ишь ты!—*Н. Б.*), что оно более глубоко и органично, чем это сейчас кажется многим. Оно не принесет собою земного рая, ибо земного рая вообще нет и не будет. Но, судя по многим признакам, оно отметит собою «очередной фазис всемирной истории» [2]).

Итак, буквально теми же словами («очередной фазис всемирной истории») г. Устрялов предрекает нам вместо социализма... цезаризм! И уж за «цезаризм» он—горой! Правда, его некоторые статьи как будто говорят, что социализм возможен как раз в цезаристской форме, что здесь есть знак равенства. Но если бы г-н Устрялов сам «верил» в этакое утверждение, то зачем же ему нужно было отрекаться от социализма? Нет, «умысел дру-

---

[1]) „Вехи и революция“, стр. 48-я сборника.

[2]) „Опорная аксиома“, стр. 264. Курсив наш.—*Н. Б.*

гой тут был», и г. Устрялову социализм понадобился только для прикрытия.

Мы переходим теперь к *ответу № 3*. Вот и этот замечательный «ответ».

> «Нам, современникам, недоступен весь смысл совершающихся событий. Но мы не можем не ощущать, что живем на большом каком-то историческом рубеже, на перекрестке эпох, когда на очереди переоценка культур, смена народов. И в пространстве, и во времени знаки перелома, кризиса. И внешние наблюдения, и внутренние интуиции сливаются воедино, чтобы обличить всю глубину творящейся исторической драмы. И политики, и историки, и философы согласно констатируют исчерпанность целой грандиозной полосы жизни человечества, предугадывают нарождение новой, конкретно еще не определимой полосы» [1]).

Вот вам еще один ответ. Словом, чего хочешь, того просишь. Если нужно уклониться от ответа, тогда—«неопределимая полоса», «недоступная современникам». Если нужно успокоить буржуазию, обратиться к ее поддержке, тогда «я отчетливо вижу» цезаризм. Если нужно обмануть рабочих и крестьян, тогда «очередным фазисом» является социализм. Разбирайтесь здесь в прихотливых танцах «Исторического Разума»!

«Побольше целомудрия в обращении со словом!»—назидательно замечает г-н Устрялов г-ну Мережковскому. Совет, который не мешало бы усвоить и самому г-ну Устрялову. Ибо, в самом деле, что это за шутовское легкомыслие в вопросах предельно-огромного масштаба! Что за игра в прятки, когда нужно отвечать на великие проблемы! Что за жалкая трусость мысли, которая выступает в обличии то буриданова осла, то социалистического пророка, то придворного глашатая, приветствующего грядущего цезаря!

Коммунизм выставляет тезис о кризисе капитализма. Не о кризисе «вообще», не о платоновской «идее» кризиса, не о «понятии, а о реальном кризисе реального, сущесвующего теперь in concreto капиталистического строя со всей вавилонской башней его надстроек. Царство буржуазии начинает трещать. Помните у Беранже:

1) „Судьба Европы“, стр. 331.

Дали эллинским богам
Мы божественность и храмы.
Вечность, юность, фимиамы
И цветы по алтарям.
Сколько в Галлии бывало
В честь нам крови пролито!
Нынче мы — в селе ничто...
Наше царство миновало.

Но г-н Устрялов только на одной единственной (сорок восьмой) странице согласен с этим. На других—он проповедует другое. Как «увязывается» все это, как г-н Устрялов ухитряется все же впрячь «в одну телегу» зараз и «коня» и «трепетную лань», пожалуй, лучше всего увидим мы на устряловском анализе значения Октябрьской революции.

> «Всемирно-исторический смысл Октябрьской революции заключен прежде всего в ниспровержении устоев формально-демократической государственности XIX века (курсив автора.— *Н. Б.*). В этом своем «смысле» она истинно победоносна и подлинно интернациональна... В «квадратных скобках» действительного антипарламентаризма рядом с Лениным, Бухариным и Троцким найдут себе место и—странно вымолвить!— Муссолини, и покойный Стамболийский, и здравствующий Цанков, и Кемаль, и Хорти, и Ривера, и, по существу, сам Пуанкаре» [1]).

Итак, «всемирно-исторический смысл Октябрьской революции» заключается в «квадратных скобках» г. Устрялова, упомещающего рядком с Лениным Хорти и Пуанкаре. Нечего сказать, высоко летает «дух» г-на профессора! Удивительно только, почему в этот каталог г-н Устрялов постыдился втиснуть также и свою прошлую любовь—сухопутного адмирала Колчака, который тоже не питал особого уважения к устоям «формально-демократической государственности». Логических оснований для такого стыда ведь нет ровно никаких. Ибо чем Колчак «хуже» Цанкова? Чем он «хуже» Хорти? Ни с точки зрения классов, ни с точки зрения приверженности к определенным «государственным формам», ни с точки зрения методологии политического действия таких отличий нет.

1) „Шестой Октябрь", стр. 252—253.

Почему же почтенный профессор прячет сибирского адмирала? Да потому, что его сопоставление с Лениным сразу в максимально-кричащей форме раскрыло бы весь «смысл» устряловской бессмыслицы. Для Устрялова важно отрицание демократии во имя фашистского цезаризма и буржуазной диктатуры. Все его помыслы сводятся к тому, чтобы наполнить диктаторскую форму советской власти буржуазным содержанием, т. е., чтобы вырастить Колчаков, как цыплят в инкубаторе, в пределах и под крышей советской государственности. Для этого ему нужно вопиющее смешение в одной куче Ленина с Хорти. Мотив не новый: мы слышим его от всех своих врагов, и совсем недавно мне пришлось разбирать по косточкам этот мотив в работе против Каутского.

В чем «рациональное зерно» устряловского, с позволения сказать, построения? В том, что критические эпохи, в особенности во время гражданской войны, требуют диктаторской формы: или диктатуры буржуазии, или диктатуры пролетариата. Но и только. А что делает г. Устрялов? Устрялов «отвлекается» от классового содержания, ставит знак равенства между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата. Нечего сказать, хороший метод!

Посмотрим, что же получается у г. Устрялова. Итак, всемирно-историческое значение Октябрьской революции с Лениным во главе приравнивается к французскому кабинету во главе с Пуанкаре. Интересная вещь! Замечательное открытие! Только почему это Октябрьская революция отдается громами во всем мире, и миллионные массы народов земли приходят в движение под ее животворящими лучами? И почему это кабинет Пуанкаре не производит такого впечатления, а режим Хорти внушает страстное желание его низвержения? Ну, разве свел концы с концами г. Устрялов, софист, отделивший форму от содержания, совсем не понявший действительного значения нашей великой революции?

Новый класс стал у власти. Вот в чем дело. И это будит народные массы Запада и Востока. Неужели это непонятно до сих пор г-ну Устрялову?

Не сводит он концов с концами и дальше, когда пытается глубже копнуть причудливую и мучительную современность. Иногда он не без таланта изображает буржуазный порядочек, и на его палитре находятся недурные краски. Вот, например, характеристика войны и послевоенного кризиса:

«Сколько лицемерия принесла с собою эта злосчастная схватка народов, с начала ее до конца, от венского ультиматума до Версаля. Пожалуй, в лицемерии растворилось и то действительно героическое, что она обнаружила пятью годами испытаний, усилий, смертей. Никогда, кажется, ложь так не смеялась над смертью, любовью, славой. Было время, когда кровь искупала, освящала, спасала, творила нетленные ценности. Но теперь она лишь претворялась в «сверхприбыль», она перестала быть «соком совсем особенным»... После войны не наступило мира. В этом смысле можно сказать, что война прошла впустую. Длится ненависть, длится ложь, лицемерие. Ложью еще пытаются спаять, склеить рассыпающуюся цивилизацию, спасти цивилизованное человечество. Но и ложь стала мелкой... Вместо адамантова камня веры—розовенькая водичка либерального, резонерствующего «моралина». Вместо Священной римской империи—Лига наций» [1]).

Итак, одна из главных «причин» кризиса, приведших к «злосчастной» войне и прочему,—это «сверхприбыль», т. е. империализм. Не так ли? И вот теперь оказывается, что выход из кризиса—это не только Ленин, но и Пуанкаре, «Пуанкаре-Война», «Poincaré la Guerre». Ведь именно это вытекает из устряловского «анализа» «главного» значения Октябрьской революции. Вот вам и выход из мирового кризиса: Пуанкаре-Война да избавит «человеческое стадо» от войны! Поистине, заблудились вы в трех соснах, г-н Устрялов!

Но это вовсе не значит, что г. Устрялов не чувствует шаткости своей позиции, равно как это вовсе не значит, что г. Устрялов не пытается и в этом пункте пускать в глаза табачную пыль, и притом с елейно-мистическим видом посматривая «горе». Он ставит «проклятый вопрос современности»: на каком принципе построить власть? И отвечает: «Нужна идея. Но ее трагически недостает нынешним европейцам» [2]). И, видите ли, г-ну Устрялову по этому поводу кажется, что—верно одно: только какой-то новый грандиозный импульс, какой-то новый религиозный прилив принесет возрождение» [3]).

---

[1]) „Судьба Европы“, стр. 332.
[2]) „Судьба Европы“, стр. 339.
[3]) Ibid., стр. 340.

А дальше начинается серия вопросов:

«Возможен ли он? Придет ли он? Каков он будет? Кто знает? Кто скажет?.. И великая мировая война, нами пережитая, не сохранится ли в памяти далекого потомства, как первая страшная, предсмертная судорога старой Европы, подобная великим потрясениям начала нашей нынешней эры, обозначившим собою рубеж античности и средних веков?..»[1]).

Словом:

Тьма повсюду.
Тьма повсюду.
Быть тут чуду.
Быть тут чуду.

Вы разумеете, читатель? То г-н Устрялов «отчетливо видел» цезаризм. Теперь он вешает огромный вопросительный знак и ныряет своим борзым разумом в неисповедимые глубины мистики, ожидая какого-то грандиозного религиозного импульса. Раньше он «утверждал» социализм. А теперь он вдруг находит, что у европейцев (всех европейцев) нет никакой идеи. Поймите-ка после этого нашего пророка! Несомненно, однако, что действительным стержнем его вожделений является по сути дела фашистский цезаризм. Но сколько запутанных фигур и узоров понаделал наш искусник! Так заяц, удирающий от охотников, делает «петли», скачет и путает, чтобы сбить с толку людей. Однако частенько ведь и этакие хитрости не помогают...

Интересно в связи с разбираемым вопросом о международном значении Октябрьской революции и о мировом кризисе коснуться также и того, как г-н Устрялов объясняет крах формальной демократии.

«Мир изобилует олухами, а вы добились всеобщего голосования!..—сокрушается Карлейль.

Что же, в конце концов, удивительного, что параллельно высшему торжеству демократического начала мы видим ныне его поразительный декаданс, его эффектный эпилог?.. Массы отрекаются от своей непосредственной власти (курсив автора)... И... они спешат уступить эту высшую власть активному авангарду, инициативному меньшинству из своей собственной среды... Отсюда—культ Ленина в России, Муссолини—в нынешней Италии... И ро-

[1]) Ibid.

ждается новая аристократия, посвоему народная и по существу передовая,—аристократия черной кости и мозолистых рук»... [1]).

Лукавый человек г-н Устрялов. В самом деле, какие удивительные фокусы показывает он в приведенной цитате! «Массы отрекаются от власти», и таким образом совершается переход от формальной демократии к цезаризму. Так изображает дело г-н Устрялов. Но позвольте! Где же это массы стояли у власти в условиях формальной демократии? Это всеобщее избирательное право, это оно, что ли, было формой власти масс? В Америке, что ли, массы «стоят у власти»? Или стояли в довоенной Франции? Поразительные открытия делает г-н Устрялов на перевале «шестого Октября»! Если мы вспомним, что к числу благодатных ликов крушителей формально-демократического строя г-н Устрялов сочувственно и не без основания присовокуплял и Хорти, и Пуанкаре, то теория нашего сменовеховца становится поистине умилительна по своей «иловайской» простоте: всюду в XIX веке массы стояли у власти, а потом взяли да и передали эту власть такой «аристократии мозолей» (вот уж удружил!), как Пуанкаре, Хорти, Муссолини. Муссолини, который в блоке с римским папой, королем, Banco d'Italia и генералитетом осуществляет «аристократию чёрной кости и мозолистых рук». Святейший римский отец! Непогрешимый папа! Благослови сию сцену своей чудотворной рукой!

Но из-под лукавых и лицемерных излияний о «черной кости», «мозолях», «снизу» идущих вождях («из своей среды») и т. п. проглядывает действительный пафос г-на Устрялова: мир изобилует олухами, т. е. масса—это и суть «олухи». Не потому ему, Устрялову, не нравится формальная демократия, что она в действительности не подпускает массы к управлению; она, наоборот, ненавистна ему потому, что она все же, хотя бы и формально, признает права «олухов». Вот где гвоздь. Недаром эпиграфом цитируемой нами статьи г-н Устрялов взял такой любезный его сердцу диалог:

— Генерал, рейхстаг против вас!

— Да, но за меня рейхсвер!.. [2]).

---

[1]) „Шестой Октябрь“, стр. 253—254. Курсив везде принадлежит автору.

[2]) „Шестой Октябрь“, стр. 252.

Не понимая (или притворяясь непонимающим) разницы между Муссолини и Лениным, г-н Устрялов не понимает и сути советской власти. Он не понимает, что советская власть, преодолевая формальную демократию, в то же время сама является высшей формой демократии. Если диктатура Хорти, Пуанкаре, Муссолини суживает круг активности низов, то советская власть его небывало расширяет. Подъем масс—для нас главное, в то время как для г-на Пуанкаре и—извините, г. Устрялов!—даже для г-на Устрялова это—«олухи». Вот почему международное значение Октябрьской революции состоит в том, что она будит небывало широкие пласты человечества. Массы, вопреки г-ну Устрялову, вовсе не стремятся отдать власть, которой они нигде, кроме нашей страны, не имеют. Массы стремятся завоевать власть. Проглядеть это, не понять ни существа, ни даже формы советской власти—значит ровно ничего не понять как раз в том великом всемирно-историческом катаклизме, который разразился на наших глазах и единственный выход из которого—социализм. А г. Устрялов держится за свой цезаризм, воздыхает, косит левый глаз на социализм, заигрывает с богом и с Советами одновременно.

Прав был старый пророк Исаия: «Горе сердцам страшливым и рукам ослабленным, горе грешнику, ходящему по две стези!».

II. Сменовеховская установка. Экономическое „перерождение" в СССР.

Главная «идея» г. Устрялова, как известно, сводится к утверждению о перерождении большевизма, его экономики, его классового базиса, его политики, его международного значения. Г-ну Устрялову до крайности хочется, чтобы дух Ленина мог сказать: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох». Более того, эти «блохи», по Устрялову, и составляют то великое новое слово, которое должна сказать Новая Россия. Казалось бы, русская буржуазия, скитаясь по рекам, если и не вавилонским, то все же изрядно отдаленным как от Москвы, так и от Невы, должна была бы жить только воспоминаниями:

Уж пожить сумела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая,
Ножка моя стройная?

Но вот поди ж ты! Г-н Устрялов раскрывает перед буржуазией новые перспективы, яркие, как блеск солнца на вершине гор. Правда, его Дульцинея—не прежняя буржуазия, а новая, которая должна себя еще целые годы скоблить ножом, оттирать скребницей, отмывать и чистить вонючую грязь первоначального накопления. Только с годами—по Устрялову—отмоется она и, припомаженная, облагороженная всеми идеологическими снадобьями сменовеховства, осененная великим религиозным импульсом Устрялова, вползет тихой сапой в царство небесное Новой России, оплота частной собственности, порядка, буржуазной диктатуры, крепкого патриотизма и здорового вооруженного кулака. Г. Устрялов стоит, как известно, не за вооруженный пролом большевистской стены. Он стоит за «второй путь государственного преодоления революции,—путь через нее самое». Это будет (и это, по Устрялову, уже есть)

> «путь постепенного, органического перерождения самих революционных тканей. Силой вещей и логикой власти втягивался красный центр в национальную работу, автоматически подчиняясь историческим задачам, стоящим перед страной. Государство, пользуясь характерным образом Ленина, становилось похожим на редиску: будучи красным лишь снаружи, внутри оказывалось белым, как снег» [1]).

С началом новой экономической политики (1921 г.) г. Устрялов декретирует:

Чтобы «спасти Советы—Москва жертвует коммунизмом» [2]).

В другой статье («Редиска») он дружески похлопывает по плечу «великого утописта и одновременно великого оппортуниста Ленина»:

> «В добрый час!
>
> В настоящий момент нам безразличны мотивы «новой тактики» Ленина. Важна самая эта тактика. Ее нельзя не приветствовать» [3]).

И, приветствуя «новую тактику» Ленина, г-н Устрялов решительно заявляет в той же статье:

«Единственно надежный путь—трансформация центра» [4]). От

---

[1]) „Над бездной", 1—2.
[2]) Ibid., стр. 9.
[3]) „Редиска", стр. 17.
[4]) „Редиска", стр. 18.

введения новой экономической политики начинается, по Устрялову, «перерождение большевизма», перерождение его по всей линии. И все последующие статьи Устрялова должны показать, как идет это перерождение, и каким чудесным пророком оказывается харбинский профессор, и какими чудаками являются коммунисты, «верующие» в коммунизм, и какими замечательными факторами истории обнаруживают себя элементы «созидательной буржуазии»...

Мы впоследствии подведем баланс всем рассуждениям г. Устрялова, который «и доселе убежден» в том, что «основные интуиции» его «не обманули» (IV). А сейчас мы предпочитаем остановиться на аргументации г. Устрялова, и притом прежде всего, как он любит выражаться, «в плане» экономики.

Г-н Устрялов в одном месте своей работы презрительно отзывается о «самоуверенных экономистах». Однако именно ему бы не мешало быть менее самоуверенным по части экономики. Ибо как раз с нею, с этой «материальной базой», у г. Устрялова приключился немалый скандал. Его пророческие «интуиции» едут с поникшей главою в потрепанной галоше. Но удивительнее всего то, что г. Устрялов не замечает этого. Не есть ли данное обстоятельство лишнее подтверждение свойств того самого «русского духа», который «зады твердит и лжет за двух»?..

К сожалению, иногда даже коммунисты позабывают основное методологическое требование, необходимое при анализе отдельных больших хозяйственных сфер, напр., сельского хозяйства. Люди думают, будто можно правильно наметить общие пути развития, не рассматривая деревни в связи с городом, сельского хозяйства—в связи с индустрией, транспортом, кредитом. Рассматривают какую-то изолированную деревню, замкнутую в себе, знаменитого «Сфинкса», подчиненного в своем развитии каким-то совсем особым законам, не находящимся в преступном сообществе с законами развития всего народного хозяйства в целом. Эта убогая точка зрения не раз грохалась о земь под сокрушительными ударами марксистской критики. И не раз, как кустарный ванька-встанька, она снова поднималась, чтобы тоненьким голоском снова повторить «имманентные» ей благоглупости. Иные считают необходимым подпевать ей и сейчас. А ведь не кто другой как Ленин еще в своем отзыве о книге Каутского требовал анализа в связи с «общей эволюцией».

Да простят нас боги и читатели за это отнюдь не лирическое отступление. Это «отступление» нам необходимо, как трамплин,

с которого удобнее прыгнуть на врага. Итак, мы слушаем, как г. Устрялов представляет себе «общую эволюцию». Мы выписываем все места, где речь идет и о промышленности.

На стр. 97 сборника мы читаем:

> «Коммунистическое государство» терпело поражение за поражением на арене свободного состязания, свободной конкуренции с личной инициативой, частной заинтересованностью. В «честном бою» оно, увы (зачем вам-то «увыкать», г. Устрялов?—*Н. Б.*), доказало свое бессилие» [1]).

На стр. 101 г. Устрялов прямо прорицает в грядущее:

> «Не удалось сельское хозяйство организовать системою продразверсток,—не удается и промышленность воссоздать «государственно-социалистическими» мероприятиями» [2]).

На стр. 111:

> «Заводские гудки, разбуженные денационализацией и «хозяйственным расчетом» [3]).

На стр. 118 диагноз в том же духе:

> «Государственная промышленность» (эти кавычки должны быть, по Устрялову, страшно ядовиты.—*Н. Б.*) трагически бессильна выдержать конкуренцию с воскресающей частной инициативой. «Тяжелая индустрия»—последняя цитадель коммунистической экономики—переживает, по общим отзывам, перманентный кризис. Она упорно не хочет «окупать себя», а государство не в состоянии содержать ее на свой счет. Бюрократизм, волокита, взяточничество,—все это неразлучные спутники экономической химеры. И лишь распростившись с нею, мыслимо их победить» [4]).

Нарисовав этакую картиночку нашей «экономики», г. Устрялов приходит неизбежно и к следующим, весьма утешительным для себя выводам:

> «Революционная Россия превращается по своему социальному существу в «буржуазную», собственническую страну» [5]).

---

1) „Логика революции", стр. 97.
2) Ibid., стр. 101.
3) „Годовщина", стр. 111.
4) „Обмирщение", стр. 118.
5) „Логика революции", стр. 96.

И далее:

«Если рискнуть парадоксом, то нельзя не подчеркнуть, что нынешняя «коммунистическая» Россия объективно является наименее социалистическим государством в современной «буржуазной» Европе. Веяния «государственного социализма» в какой-либо Англии или, скажем, Чехии, с их рабочим законодательством, финансовой политикой, усиливающимся влиянием государства на экономическую жизнь и т. д., бесконечно ощутительнее, нежели в разоренной, окустаренной, о «первоначальном накоплении» мечтающей России» [1]).

Так критикует революцию г. Устрялов. А эта «лойяльная критика», по его мысли, «будет в интересах страны и явится фактором, способствующим начавшемуся перерождению революции» [2]). Не гонитесь, голубчики, за всякими коммунизмами. А лучше потихоньку продвигайтесь-ка к привычному капиталистическому укладу! Оставьте, если хотите, розовую внешность редиски,— лишь бы внутри у вас было бело!

— Поверь! — старуха продолжала: —
Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забежала;
Не нам с тобой ее достать.
Опасно разъезжать по свету;
Ты, право, будешь сам не рад.
Последуй моему совету:
Ступай тихохонько назад.

Но как ни гипнотизирует своими «гениальными интуициями» г. Устрялов, все же перед нами не объективное отражение действительности, а сменовеховский бред.

В самом деле, какая картина рисуется духовному взору почтенных идеологов новой буржуазии? Разнэпаченная деревня лихо выделяет зажиточных и кулаков. Здоровый капитализм расцветает буйным цветом на удобренной гнильем феодализма тучной российской земле. В городе государственная промышленность лопается, «частная инициатива» торжествует победу, последние оковы спадают с порабощенного капитала, и розовое дебелое лицо нового буржуа в американских круглых очках сияет, как солнце новой жизни, над равнинами России.

---

1) „О нашей идеологии“, стр. 151, курсив автора.

2) „Три борьбы“, стр. 60.

Это, конечно, было бы, если бы было то, чего нет, и не было бы того, что есть.

В 1921/22 году еще позволительно было бы колебаться, в особенности для людей из сменовеховского теста, про которых можно ведь сказать:

И шум малейший по дубраве,
Полет синицы, ропот вод
Его бросали в жар и пот.

Этот «жар и пот» были, так сказать, извинительны. Но молоть в 1925 году тот вздор, который г. Устрялов мелет насчет нашей экономики,—это уже непростительно. Нельзя выспренним и патетическим стилем прикрыть позорную наготу элементарного незнания, грубого разноречия с действительностью, вопиющих нарушений очевидной истины. Г-н Устрялов никак не может ссылаться на то, что в предисловии он говорит о частных своих ошибках. Речь идет об основном тракте нашего развития: назад или вперед, с капиталистическим или с социалистическим знаком развертывается экономическая история нашей страны. Ni plus, ni moins. «Коммунистическое государство «терпело поражение за поражением»,—говорите вы. Но эта карта бита, почтенный профессор!

«Не удается воссоздать промышленность государственно-социалистическими мероприятиями»? И эта карта бита.

«Государственная промышленность трагически бессильна выдержать конкуренцию с воскресающей частной инициативой?» Тоже ложь!

«Тяжелая индустрия... переживает перманентный кризис?» И этот козырь выпал у вас из рук. И эта ставка бита, бита, бита! Она бита, милостивый государь, пролетариатом, который почти не входит в поле мистического зрения «гениальных» устряловских «интуиций». Да, поистине, «не обманули» эти «интуиции» г-на Устрялова!

Не лучше ли было бы, вместо поэзии «интуиций», обратиться к прозе статистических цифр. Нам пришлось уже давать подробный цифровой анализ действительного положения вещей при разборе гнусной брошюры г. Каутского; к этому разбору мы и отсылаем читателя. Здесь, пожалуй, уместно привести лишь более поздние цифры, а именно цифры, опубликованные Госпланом.

Уже к началу 1924/25 хоз. года из всех капитальных фондов страны принадлежало:

Государству	11,7 млрд. черв. руб.	12,2 млрд.
Кооперации	0,5 „ „ „	
Частному (главным образом, крестьянскому хозяйству)	7,5 „ „ „	

Таким образом, обобществлено свыше 62 проц. общего «капитала» страны. А г. Устрялов? А г. Устрялов «вещает»: «буржуазная Россия», «наименее социалистическое государство в Европе»! Конечно, «у всякого барона своя фантазия», но когда эта «фантазия» претендует на «общезначимость», то весьма не вредно толкнуть лбом о стену реальной действительности субъекта этой фантазии.

Если в годы разрухи мы отступали в фактической конкуренции с (нелегальной) «частной инициативой», то теперь наша государственная экономика всемерно повышает свой удельный вес и тысячью способов влияет на мелко-крестьянское хозяйство, в возрастающей степени втягивая его в свою орбиту. Вот реальный итог «новой экономической политики». Укрепление социалистического ядра народного хозяйства, рост этого ядра не подлежат никакому сомнению. Но для этого основного факта в концепции г-на Устрялова нет вообще никакого места. Ну, на что же это похоже? Ну как это назвать, если подходить, конечно, к делу не с критерием галлюцинантов?

Г-н Устрялов «очень просто» выбрасывает 62 проц. «госкапитала». Г-н Устрялов еще «проще» выбрасывает рост удельного веса госхозяйства. Что же удивительного в том, что такая «смелость» г-на профессора лишает его возможности подумать над самыми элементарными вещами? В его суждениях о нашей разоренной промышленности и богатой промышленности Англии, о «социализме» в этой Англии (в противоположность нам) налицо не только извращение фактов, но и непонимание азов экономической науки. Г-н Устрялов с презрением взирает с высоты своей харбинской наблюдательной вышки на нашу промышленность. «И это социализм?! Вот в Англии» и т. д. Какое детское, наивное, беспомощное смешение понятий! Г-ну Устрялову и невдомек, что вопрос о богатстве и довольстве не всегда совпадает с вопросом о высоте типов хозяйственных связей. Американская промышленность неизмеримо богаче нашей. И все-таки, представьте себе, в Америке она капиталистическая, а у нас социалистическая. Ибо ее внутренний строй другой, ибо соотношение классов другое, ибо средства производства в других руках. В конечном счете этот наш строй обеспечит и большее благосостояние, большее,

чем в самых передовых капиталистических странах. Это будет, г. Устрялов, вопреки всем сменовеховским крокодиловым слезам над воображаемой могилой государственной промышленности...

Тов. Ленин называл наши государственные предприятия предприятиями «последовательно социалистического типа». И разве против этого можно спорить? Это вовсе не значит, что у нас есть социализм. Ибо в строгом и точном значении этого слова понятие «социализм» относится к хозяйству в целом, когда все элементы экономики организованы. Этого у нас нет. Море крестьянских хозяйств есть факт. Рынок есть факт. Деньги—факт. Капиталистические формы работы даже госпредприятий—тоже факт. А, кроме того, налицо «капиталистическое окружение», давление капиталистического мира. Тут тысячи трудностей, тысячи противоречий, тысячи «парадоксов» и «несообразностей», величайшая пестрота картины. Но нужно знать меру вещей. Меру, пропорции, отношения, г-н Устрялов! Ничего не понимает тот, кто, выкинувши предварительно все государственное хозяйство (62 проц. «капитала» страны), кричит о его поражении. Это фокусничество, а не анализ. Ничего не понимает тот, кто в телячьем восторге думает, будто у нас уже осуществлен социализм. Но не лучше, а, пожалуй, хуже его профессиональный хныкало, который не видит, что рост госхозяйства есть рост социализма. Ибо, говоря гегельянским языком, у нас социализм не «есть», а он «становится», он im Werden, и он имеет уже крепкую основу, нашу социалистическую госпромышленность. Нет, г. Устрялов, не о «денационализации» поют наши заводские гудки! Они поют героическую песнь труда, который прокладывает себе новые, невиданные пути!..

Г-н Устрялов не прочь походя надеть на себя маску социалиста (в моменты такого «самоотречения» он, очевидно, позабывает о своем писаном credo).

> «Конечно,—пишет наш герой,—было бы прекрасно (!!), если бы государству удалось без помощи частного рынка или с минимальной его помощью вести народное хозяйство. Но статочное ли это дело?» [1]).

Почему же по-вашему это «прекрасно»? Зачем это quasi-социалистическое лицемерие? Зачем это елейное заигрывание с большим коммунистическим соседом? Если позволено будет пренебречь

---

[1]) „13 съезд", стр. 157.

вейнингеровскими «М» и «Ж», то можно напомнить г. Устрялову мудрую заповедь Козьмы Пруткова, не так давно обнаруженную в архиве А. К. Толстого:

Восхищаяся соседкой,
По груди ее не гладь.
И не смей ее салфеткой
Потный лоб свой вытирать.

Не нужно, г. Устрялов, вытирать сменовеховские потные лбы коммунистической салфеткой! Никого вы не обманете, да это и не к лицу вам.

Но переходим к дальнейшим мыслям г. Устрялова. Поставив свой вопрос («статочное ли это дело», с минимальной помощью частного капитала вести народное хозяйство), г. Устрялов уверенно отвечает:

> «... за эти три года «честная» война с торговым частным капиталом велась достаточно старательно. Однако, результаты ее жалки!!».

И далее опять пророчество.

> «Читайте в советских газетах очерки современного советского быта, и вы с горечью убедитесь, что ставка на кооперацию явно рискует оказаться гнилой... Победа частного капитала коренится глубоко в русских условиях...» [1]).

Нам нечего доказывать нашим читателям, что и в торговом обороте точно так же происходит—в общем и целом, разумеется,—систематическое вытеснение частного капитала, что именно кооперация на деле выдвигается на первый план и что, следовательно, мрачные пророчества г-на Устрялова потерпели довольно солидный крах. Г-н Устрялов больше верит в капитал, чем анализирует условия его победы. Вера же есть, по катехизису митрополита Филарета, «уповаемых извещение, вещей обличение невидимых». Психологически ведь так понятны «упования» сменовеховцев устряловского толка и на провал госпромышленности, и на провал кооперации. Судорожно цепляются они за всякий зигзаг экономической конъюнктуры, за всякую речь

---

[1]) Там же, стр. 157. И тут г-н Устрялов делает оговорки и даже приглашает спецов помогать этой борьбе! Это ставя всю свою ставку на частный капитал.

кого-либо из советских вождей, чтобы убедить себя в правильности своих «интуиций».

«Верую, господи! Помоги моему неверию!»

А жизнь идет своим чередом, перескакивает через кочки и барьеры, раздирается мучительными противоречиями, проходит сквозь строй бескровных и бесшумных классовых битв, ожесточенного соревнования хозяйственных форм,—и со скрежетом зубовным наблюдательный западноевропейский буржуа видит, как, несмотря на хаос хозяйственных «субстанций», форм, отношений, все же вырисовываются ясные контуры победы социализма.

Разве не потому растет к нам ненависть капиталистического мира?..

III. Диалектика экономики. „Термидор". „Перерождение большевизма" и классы.

Итак, мы можем констатировать «генеральный просчет» г-на Устрялова в области экономики. Пиндар великороссийского фашизма,—ибо к фашизму «растет» идеология г. Устрялова,—ошибся в основе основ. По существу дела, тем самым изничтожаются и все прочие «аргументы» сменовеховского лидера. Но мы попытаемся все же показать, насколько не выдерживают критики и эти логические разветвления сменовеховского идеологического древа.

> «Хозяйственный фронт» предъявляет государству существенно иные требования, нежели военный, и нельзя не констатировать, что революция с хозяйственным фронтом своими средствами справиться не смогла. Для преодоления материальной разрухи потребовалась трансформация идейного лика революции (наш курсив.—*Н. Б.*). Начавшийся вот уже скоро год тому назад (цитируемая статья написана г. Устряловым в феврале 1922 г.—*Н. Б.*) «отход на тыловые позиции» неуклонно продолжается, и до действительно обеспеченного, надежного «тыла», судя по всему, еще совсем не так близко. Вместе с тем экономическая эволюция уже вступила в ту стадию, когда ее дальнейший прогресс мыслим лишь при условии известного правового и даже политического сдвига» [1]).

---

1) „Смысл встречи", стр. 69.

Так как г-н Устрялов, своими похвалами больше всего атакующий Ленина, ведет перерожденческое грехопадение советской власти именно от начала новой экономической политики, то тут нужно прежде всего указать на фактическую неверность такого взгляда. «Идейный лик революции», изволите ли видеть, начинает впервые изменяться с 1921 года! А вместе с оным «ликом» начинает «трансформироваться» под диктовку «великого оппортуниста Ленина», которого г-н Устрялов по «национальной линии» выстраивает в один ряд с Дмитрием Донским и прочими «князьями-святителями», и «лик» руководящего центра, «трансформирующегося» в желательном для г-на Устрялова направлении. Оставим на минуту вопрос об этих метаморфозах по существу. Правильно ли, что впервые в 1921 г. была формулирована программа, которую г-ну Устрялову благоугодно называть программой «изменения лика революции»?

Вот что пишет по сему поводу Ленин, творец «новой экономической политики»:

> «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой; он был временной мерой» [1]).

А в речи на II всероссийском съезде политпросветов Ленин так трактует «новизну» «новой экономической политики». Она, эта «новая» политика,—говорил Ленин,—является

> «новой по отношению к предыдущей нашей экономической политике (т. е. к военному коммунизму.—*Н. Б.*), а по сути дела в ней больше старого, чем в предыдущей нашей экономической политике» [2]).
>
> И далее:
>
> «Если припомнить нашу предыдущую экономическую литературу, если вспомнить, что писали коммунисты перед взятием власти в свои руки в России или в скором времени после взятия власти... то мы увидим, что в первый период... мы о наших задачах экономического строительства и говорили гораздо осторожнее и осмотрительнее, чем во вторую половину 1918 г. и в течение всего 1919 и

---

[1]) **Ленин**, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, изд. 1925 г., стр. 198.
[2]) **Ленин**, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, изд. 1925 г., стр. 341.

всего 1920 годов... Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика... мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению... Это, к сожалению, факт. Я говорю: «к сожалению» потому, что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше писали о переходе от капитализма к социализму»[1]).

Эти цитаты—не простая литературная справка. Они отвечают на основной вопрос о смысле и значении так называемой «новой экономической политики» в ее отношении к «военному коммунизму». Они точно так же бьют в лицо устряловской концепции. Ибо что, по сути дела, говорит г-н Устрялов? Чем он старается загипнотизировать своего читателя: ободрить буржуа, деморализовать и отравить коммуниста? Вот какою цепью рассуждений: в 1917 г. большевики проповедывали рай божий на земле, «немедленный коммунизм», «немедленное» счастье для всех. Это был идейный лик революции. А потом те же коммунисты («конечно», под давлением обстоятельств; «конечно», исходя из идеальных побуждений; «конечно», надеясь на то, что в будущем они все наверстают) по сути дела целиком изменили программе, с которой они вошли в революцию. Они провозгласили нечто принципиально-новое. И это новое есть «перерастание», «перерождение», «трансформация» в сторону «неизбежного». «Да приидет царствие твое»—молится г-н Устрялов буржуазному режиму и возжигает перед его образом свою сменовеховскую свечу, дым и чад от которой отравляют воздух. Но беда г-на Устрялова в том, что его концепция, повторяем, фактически неверна, и тов. Ленин убедительно опровергает ее в приводимых цитатах. По сути дела «новая экономическая политика» была именно той политикой и той программой, с которой мы вступили в революцию. Она составляла «идейный лик революции». И она была сорвана развитием гражданской войны и интервенцией. Военный коммунизм был методом военного нажима и отрицанием правильной хозяйственной политики. Новая экономическая политика была возвратом к первоначальному плану, но уже на

[1]) Ibid., стр. 341—342. Курсив наш.

основе победы в развернутой гражданской войне. Такова диалектика нашей экономики. Г-ну Устрялову понадобилось полное искажение основных фактов нашей экономической истории для того, чтобы запугать и запутать коммунистических рабочих, разложить их веру в правильность того пути, по которому мы идем, способствовать тем самым действительному перерождению ведущего кадрового состава нашей революции.

Г-н Устрялов весьма красочно живописует воображаемую картину нашего перманентного отступления перед мелкобуржуазной стихией, перед частным капиталом, перед капиталом международным и так далее. Но г-н Устрялов не видит (или опять притворяется, будто не видит), что в самом нашем отступлении уже был зародыш наступления другими методами. «Бывши один раз битыми, мы начинали наступать медленно, систематически и осторожно» (Ленин). Когда мы стали на новой основе, перестроивши ряды, повышать «медленно, систематически и осторожно» удельный вес госхозяйства, это уже было реальное наступление, хотя одновременно шло отступление от линии военного коммунизма. Тут перед нами две пересекающихся линии, и нужно подвести баланс, итог, учтя обе эти линии, чтобы определить, отступаем ли мы—и только—или уже начали продвигаться вперед. Г-н Устрялов чрезвычайно упрощает свою задачу. Он не видит всей сложности картины, всей ее противоречивости. Он берет только одну тенденцию (и притом вовсе не решающую), прячет в мешок своей идеологии контр-тенденции и, хлопая крыльями, поет, как петух, навстречу восходящему буржуазному солнцу. Но пока, милостивый государь, взойдет сие буржуазное солнце, коммунистическая роса выест дочиста «очи» деляческой новой буржуазии...

Систематически применяет г. Устрялов свой метод запугивания, на все лады оперируя жупелом «термидора». Во время гражданской войны нас все время пытались запугать свержением советской власти. Эта бедная советская власть «летела» (в распаленном воображении белых) буквально каждую секунду. А вместе с тем, когда выяснилась победа Красной армии, стали говорить о «кульминационном пункте» революции, о «неизбежном» термидоре. И меньшевики, и эсеры, и кадеты, и монархисты—все вдруг прониклись исторической премудростью и, вооруженные не то чтобы уж очень тяжелым багажом исторических аналогий, с важностью настоящих «социологов» стали заниматься глубокомысленными прорицаниями на предмет «термидора» для ободрения пасомых

белых стад, уже жалобно мычавших на тощих лугах российской эмиграции.

Г-н Устрялов сообщает нам, впрочем, что занятия «термидором» со стороны любомудров нашей буржуазной интеллигенции начались сравнительно давно:

> «Помню,—пишет г. Устрялов,—проф. В. М. Х. (Хвостов.— *Н. Б.*) в Москве, занимавшийся за последнее время социологией и открывший «типическую кривую» для всех революций и индивидуальные кривые для каждой из них,—уверенно заявлял весною 1918 года: 1) переезд большевистского правительства из Петербурга в Москву есть 9 термидора русской революции, после которого ее кривая начнет неизбежно спадать» [1].

Теперь г-н Устрялов убедился (да это и нетрудно было сделать), что профессора В. М. Хвостова не вывезла ни «типическая», ни «индивидуальная» «кривая»: на кривой выехать не удалось апостолам и практикам великороссийского империализма, и сам г. Хвостов трагически кончил самоубийством: его личное банкротство только подчеркнуло банкротство и его «социологии», и его практической политики одновременно.

Но буржуазная Пенелопа продолжает ткать разорванную ткань. И не кто иной, как г-н Устрялов усиленно настаивает на «термидоре», приурочивая его более осторожно, чем в свое время г. Хвостов,—к началу новой экономической политики и возводя в сан обер-термидорианца товарища Ленина. Г-н Устрялов сражался вместе с Колчаком против нас. Теперь, когда он кается, он сражается тоже против нас, но в другой форме: он хочет, оперевшись на «служилую интеллигенцию», переделать нас по образу и подобию буржуазии, этой «прекрасной дамы» сменовеховства. Г-н Устрялов, по правде сказать, удивительно напоминает гейневского царя Висвамитру:

Был некогда царь Висвамитра
Одним пожираем желаньем:
Добиться коровы Васишты
Войной иль своим покаяньем.
    О, царь Висвамитра, каким же
    Ты истым быком оказался,
    Когда ради только коровы
    И каялся ты, и сражался!..

---

1) „Фрагменты“, стр. 350.

Но оставим царя Висвамитру. Тем более, что о вкусах, говорят, не спорят и трудно бороться с неистребимым влечением г. Устрялова к буржуазной «корове»: очевидно, ему так больше нравится. Однако все же нам нужно подойти с ножом логической критики к построениям сменовеховского оракула.

«Термидор,—пишет г. Устрялов,—был поворотным пунктом французской революции... Путь термидора есть путь эволюции умов и сердец (курсив автора.—*Н. Б.*), сопровождавшийся, так сказать, легким «дворцовым переворотом», да и то прошедшим формально в рамках революционного права. При этом необходимо подчеркнуть, что основным, определяющим моментом термидора явилось именно изменение общего стиля революционной Франции и обусловленная им эволюция якобинизма в его «толпе» (авт.). Кровавый же эпизод 9 числа (падение Робеспьера) есть не более как деталь или случайность»... [1]).

«Таков «путь термидора». Его торжество обусловливалось его органичностью. В отличие от путей Вандеи и Кобленца, он опирался на существо самой революции, принимая ее основу и подчиняясь ее законам. Термидорский сдвиг был подготовлен настроениями революционной Франции и совершен Конвентом, т. е. высшим законным органом революции» (курсив автора).

«Детали, конкретные очертания революции у нас радикально и несоизмеримо иные. В частности, судя по всему, в теперешней Москве нет почвы для казуса в стиле 9 термидора. Но... он и не существенен сам по себе.... Путь термидора—в перерождении тканей революции, в преображении душ и сердец ее агентов» [2]).

И, покойный за «судьбу революции», г-н Устрялов ставит все точки над і:

«В современной России как будто уже чувствуется (автор писал все сие в июне 1921 г.—*Н. Б.*) веяние этой новой фазы. Революция уже не та (авторский курсив.—*Н. Б.*), хотя во главе ее—все те же знакомые лица, которых ВЦИК отнюдь не собирается отправлять на эшафот. Но они сами

---

1) „Путь Термидора“, стр. 20.

2) Ibid., стр. 21—22.

вынужденно вступили на путь термидора, неожиданно подсказанный им Кронштадтской Горой,—не удастся ли им поэтому избежать драмы 9 числа? Большевистский орден несравненно сплоченнее, дисциплинированнее, иерархичнее якобинцев. Вместе с тем Ленин более гибок и чуток, нежели Робеспьер». И т. д.[1]).

Мы сделали такие большие выписки из Висвамитры для того, чтобы читатели ясно видели, что г. Устрялов нападает (беря под свое «покровительство») именно на Ленина как термидорианца, а «путем термидора» крестит путь «новой экономической политики», которая есть, по Ленину, единственная правильная хозяйственная политика пролетариата. Ну, а теперь обратимся к разбору этих положений г-на Устрялова.

Сперва насчет Франции. Мы, правда, мало осведомлены о глубине исторических познаний профессора Устрялова. Все же, однако, мы не думаем, чтобы г. Устрялов не понимал всей бедности своего анализа. Какой приглаженной, какой ровной выступает перед ним бурная история французской контрреволюции! Каким гладким, почти идиллическим, оказывается «путь термидора»! Казнь Робеспьера—маленькая деталь, случайность, почти «ошибка» истории. Дело, видите ли, в изменении «душ и сердец»—только и всего. Как просто и мило! Что—«мило»! нужно сказать «умилительно»! Беда только в том, что устряловская «история» совсем не соответствует действительной истории.

Вообще, «метод» г-на Устрялова оставляет желать многого. Вместо разнообразных, разноречивых живых общественных сил—у него сплошное целое: «революционная Франция»; вместо переплета этих сил, их борьбы, их перегруппировок и т. д.—«эволюция умов и сердец»—и только. И т. д. Этак можно «доказать» все, что угодно. Только что за толк будет иметь эта профессорская болтовня?..

Г-н Устрялов скрывает, что 9-му термидора предшествовал разгром «бешеных» и левых элементов Парижской коммуны, т. е. разгром организаций мелкого и беднейшего мещанства, ремесленников и рабочих. Г-н Устрялов скрывает, что против робеспьеровцев сплотились правые контрреволюционеры во главе с жирондистами, т. е. матерые буржуазные круги; «болото» (группа идеологов «новых богачей») и крайняя левая (левые якобинцы, близкие к «бешеным»). Г-н Устрялов ничего не говорит о лозунге

[1]) „Путь Термидора“, стр. 24.

термидорианцев: «Война роялистам и террористам» (идиллический лозунг, не правда ли?). Г-н Устрялов умалчивает и о последующих казнях левых якобинцев, о казнях большинства членов Парижской коммуны и о ее разгроме, о разгроме «золотой молодежью» якобинского клуба и о роспуске его новым правительством. Г-н Устрялов ничего не говорит о возвращении жирондистов и роялистов, о восстании против контрреволюции в апреле 1795 г. рабочего Парижа, об осадном положении, о неистовствах массового белого террора после поражения апрельского восстания, о массовых казнях в Лионе, Марсели и т. д.; он ни словом не упоминает о восстании тулонских рабочих и о кровавом подавлении этого восстания. Все это так себе, маленькие случайности, очевидно. Или г-н Устрялов не знает обо всем этом? Мы уже не говорим о последующем «развитии» термидорианского «пути»,—это завело бы нас уже слишком далеко. Не правда ли, как все это похоже на устряловскую идиллию? Как это напоминает «сердечную эволюцию» «тех же самых» лиц («основной массы якобинцев»)?

Нет, г-н Устрялов! Вы положительно слабы во французской истории!

Г-н Устрялов не видит основного: передвижки классов. Он не понимает (или не хочет понимать), что термидор был совсем не «органическим», а весьма катастрофическим (хотя и «подготовленным» всем предшествующим развитием) падением мелкобуржуазной диктатуры и переходом власти в руки буржуазной контрреволюции. Г-н Устрялов не приметил этой «малости». Хорош анализ! Хороши выводы из него!

Уже это одно делает разговоры о русском термидоре просто глупыми. Но есть любители жевать эту жалкую жвачку: ведь буржуазии так хочется, чтобы у нас дело окончилось тоже «пофранцузски»...

Оные любители, неизбежно либо невежественные, либо утешающие себя, не понимают основной, кардинальнейшей разницы между французской буржуазной революцией XVIII века и пролетарской революцией XX. Великая французская революция объективно открывала дальнейшую дорогу капиталистическому строю; а субъективной классовой силой, двигавшей эту революцию, была мелкая буржуазия. Ниспровержение мелкобуржуазной революционной диктатуры лежало, таким образом, в логике самой революции, ибо налицо было несоответствие между объективными задачами революции и ее основным субъективно-классовым

фактором. Ничего подобного нет в нашей революции. Наоборот, здесь налицо строгое соответствие между объективно-историческим «смыслом» революции и основной классовой ее пружиной: пролетарская революция—пролетариат—пролетарская диктатура. Это вовсе не значит, что пролетариат действует в социально-безвоздушном пространстве,—такое понимание вещей означало бы преступное теоретическое легкомыслие. Но сложность картины отнюдь не уничтожает ни ее основного рисунка, ни ее решающих декоративных тонов.

У г-на Устрялова может быть только один выход: если бы он показал, что диктатура пролетариата сменилась у нас—через перерождение власти—диктатурой буржуазии, что у нас—в какой-то оригинальнейшей, отнюдь не французской, форме—произошла радикальная «трансформация» социальной сущности советской власти. Правда, это был бы не «термидор», но это было бы вещью, отнюдь не менее опасной и гибельной с точки зрения революционного пролетариата. По сути дела г. Устрялов спекулирует именно на это, играя, так сказать, на повышение акций буржуазии внутри страны и уж, конечно, «в плане революции».

Мы должны здесь снова предоставить слово—и на значительное количество времени—самому г. Устрялову:

> «Вдумываясь в происходящий процесс эволюции советской политики, нельзя не заметить, что он необходимым образом приводит и приведет к созданию в стране новых социальных связей (авт.—*Н. Б.*). Вполне естественно предположить, что и государственная власть России будет находиться в непосредственной и определенной зависимости от этих новых связей, рожденных органически в революционном процессе . . . . решительно изменяется тот социальный базис (авт.—*Н. Б.*), на который приходится ориентироваться Москве, причем изменяется он в сторону, диаметрально противоположную коммунизму...
>
> Социальный фундамент большевизма непрерывно эволюционировал за годы революции. Сначала он состоял из солдат, мечтавших о мире, рабочих, требовавших хлеба, и крестьян, претендовавших (!) на землю и богатства помещиков. Затем он трансформировался в союз городского пролетариата с «крестьянской беднотой». Потом пришлось считаться (увы, больше словесно) с пресловутым «средняком», а факти-

чески переходить к опоре на специальные привилегированные группы, военно-полицейские и чиновничьи» [1]).

«Ленин,—продолжает г. Устрялов,—понимает, что игнорирование происшедших перемен в психологии народных масс было бы пагубным для власти... Нельзя лучше (чем Ленин.—*Н. Б.*) формулировать сущность создавшегося положения. Но вместе с тем нельзя и игнорировать и неизбежные плоды его в будущем: революционная Россия превращается по своему социальному существу в «буржуазную», собственническую страну» [2]).

«Пусть сейчас «новая» буржуазия заявляет о себе главным образом несметными полчищами всевозможных «пенкоснимателей» и спекулянтов дурного тона... за ними должна притти и созидательная буржуазия (авт.—*Н. Б.*), выдвинутая и закаленная революцией, и, в первую голову, конечно, «крепкий мужичок»... [3]).

А раньше еще более отчетливо:

«Все яснее становится, что повернуть «назад к коммунизму» Москве даже и при желании уже не удалось бы. Формируются новые социальные связи, созревает «советская буржуазия»... Новые хозяйствующие элементы—крестьянство, «омелкобуржуазившиеся» рабочие, новая буржуазия городов—крепко связаны с порядком, созданным революцией, но они решительно не заинтересованы в реставрации насильственного «коммунизма»... Когда окончательно созреют кадры новой буржуазии, последуют, вероятно, соответствующие «рефлексы» и в области «большой политики» [4]).

Пожалуй, довольно с нас выписок. Читатели, надеемся, без труда заметят, где лежит основной порок всех этих рассуждений (и вожделений) г-на Устрялова. Точно так же, как в области экономики, г-н Устрялов вычеркнул 62 проц. (обобществленную часть) общего «капитала» страны, так он, ничтоже сумняшеся, зачеркивает и весь пролетариат. В самом деле, он весьма подробно останавливается на «новых связях», «пенкоснимательской» буржуазии, буржуазии деловой и «созидательной» и т. д. Но что вы узнаете о рабочих? Растет их число или уменьшается? Кон-

---

1) „Логика революции", стр. 94.

2) Там же, стр. 96.

3) „Логика революции", стр. 98.

4) „Эволюция и тактика", стр. 53—54.

солидируется ли рабочий класс, или все время распыляется и продолжает распыляться? Повышается ли удельный социальный вес пролетариата или падает? Все и подобные вопросы зачеркнуты г. Устряловым, точно в природе пролетариат вообще перестал существовать. Ошибка г. Устрялова в области социального анализа вполне симметрична его ошибке в области анализа чисто-экономического. Это и понятно. У нас теперь такой уклад материальной жизни, что хозяйственные формы имеют своих классовых носителей, а переплетение этих хозяйственных форм, их связи, их борьба находят себе более или менее точное и адэкватное отображение в области социально-классовой. Сфокусничав при определении удельного веса различных хозяйственных форм (преждевременное погребение государственной промышленности без достаточных на то оснований) г. Устрялов вынужден был повторно сфокусничать и при определении удельного веса различных классов. В действительности происходит не только образование новых буржуазных «связей», но и еще более быстрый рост пролетариата, собираемого восстановительным процессом в нашей промышленности. В области социально-классовых отношений это есть решающий факт, основной факт нашей действительности. Без этого факта наше дело было бы, конечно, проиграно. Оно не проиграно, оно, наоборот, продвигается вперед именно потому, что и абсолютно, и относительно растут социалистические элементы хозяйства, и вместе с ними растет пролетариат, увеличивая свою социальную крепость и мощь. Но,—скажет нам г-н Устрялов,—ведь мелкобуржуазных элементов гораздо больше, если считать «головы» населения. Да. Это—верно. Но здесь г. Устрялов вдруг ни с того, ни с сего начинает защищать ту самую «арифметическую точку зрения», против которой он, вообще говоря, протестует со всей свойственной ему сдержанной страстностью. И тут мы снова присматриваемся к аргументации г-на Устрялова и не можем не сказать: «А и убогенькие же вы люди, наши почтенные критики!»

В самом деле, посмотрите, как упрощает себе задачу харбинский профессор, когда он «вдумывается в происходящий процесс эволюции». Давайте, проследим шаг за шагом его аргументацию.

Итак, «вначале бе Слово», то бишь «вначале» социальный базис большевизма состоял, по Устрялову, из солдат, рабочих, крестьян. Прекрасно. И только? И только.

Это, конечно, весьма «просто». Но, представьте себе, г-н про-

фессор, это в высшей степени недостаточно. Прежде всего не трудно увидеть, что «солдаты» вовсе не особая социально-классовая категория: это на $^{999}/_{1000}$—крестьяне. Это—вопервых. Далее. Каковы же были «вначале» отношения внутри рабоче-крестьянского блока? Г-ну Устрялову вопрос этот, пожалуй, покажется пустяковым. А на самом деле он является основным. Никакого «анализа» «социального фундамента» дать нельзя, если не отвечать на этот вопрос. Ибо это есть вопрос о гегемонии пролетариата. Мы полагаем, что именно гегемония пролетариата (а после взятия власти его диктатура, которая есть государственная форма его гегемонии по отношению к крестьянству) обеспечила победу революции. Нумерической, арифметической «точкой зрения» здесь не возьмешь. Ей нужно противопоставить прекрасные слова Ленина, на которого, кстати и некстати, любит ссылаться г. Устрялов.

> «Колеблющихся много. Нас мало. Колеблющиеся разъединены. Мы объединены. Колеблющиеся экономически не самостоятельны. Пролетариат экономически самостоятелен. Колеблющиеся не знают, чего они хотят: и хочется, и колется, и Милюков не велит. А мы знаем, чего мы хотим. И потому мы победим» [1]).

Это—не вульгарная «арифметическая» точка зрения. Это—настоящий анализ.

Вы видите, читатель, как «последовательно» г-н Устрялов повторяет одни и те же методологические ошибки. Когда он говорил о Франции, то вместо точной, ясной классовой характеристики у него появлялась расплывчатая «революционная Франция», где все кошки были одинаково серы или одинаковы красны и где можно было поэтому обнаруживать незаурядную «ловкость» в аргументации. А что делает г-н Устрялов в данном случае? Он нарочно в «солдатах, рабочих и крестьянах» топит диктатуру пролетариата. Ее у него нет уже заранее. И поэтому «в следующих строках» ему уже будет гораздо легче лицемерно ее оплакивать. Чем меньше ее «в начале», тем меньше ее будет «в конце». Это так просто. Но—«увы»!—это отнюдь не убедительно.

Г-н Устрялов впадает, как полагается, в самую обыкновенную, весьма распространенную ошибку: он смешивает вопросы о более или менее тесном сотрудничестве (иногда «блоке», «союзе» и т. д.)

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. I, 1925, стр. 216 (О продналоге).

классов в обществе с вопросом об их сотрудничестве (rsp. «блоке», «союзе» и т. д.) во власти, т. е. с вопросом о разделе власти. Диктатура пролетариата есть единодержавие пролетариата, как класса. Но она, эта диктатура, может быть в наитеснейшем блоке или союзе с крестьянством или его определенными слоями. Понятно, что в ходе революции это отношение пролетарской диктатуры, как субъекта, активного члена отношения, к своим классовым партнерам может меняться, но это ни капли не будет еще означать исчезновения самой пролетарской диктатуры. Для этого теоретически возможного исчезновения требуются совершенно особые условия.

А теперь смотрите, как фокусничает г-н Устрялов в своем дальнейшем изложении. Начальная форма «фундамента» трансформировалась в «союз городского пролетариата с крестьянской беднотой». Верно это? И верно и не верно. Тут нужно добавить: вопервых, под «союзом» необходимо подразумевать союз городского пролетариата, организованного, как государственная власть, с «крестьянской беднотой»; вовторых, нельзя упускать из виду нейтрализацию середняка, или, по крайней мере, его значительных слоев.

Теперь наступает «der springende Punkt» в рассуждениях г. Устрялова. Г-н Устрялов прямо заявляет, что дальше пришлось считаться (увы, больше словесно) со средняком, а фактически переходить к опоре на... привилегированные группы, военно-полицейские (знаменитые чрезвычайки, на которых «только и держится» советская власть!—*Н. Б.*) и чиновничьи». А еще дальше г. Устрялов сразу переходит к нэпу, новой буржуазии, «дельцам» и т. д. Вот вам и «решительное изменение» социального базиса власти!

Приглядимся ко всем этим трюкам.

Кому пришлось «считаться со средняком»? (Нужно сказать не «считаться»—считались всегда,—а «искать союза» с ним). Пролетарской диктатуре. Ибо, если она в этот момент исчезла, тогда нужно было бы об этом чуде, по крайней мере, оповестить. Кому пришлось опираться «фактически» на военно-полицейские группы? Очевидно, тоже пролетарской диктатуре, которая в классовом смысле есть диктаторская власть пролетариата. Но тогда «опирание» на «военно-полицейские группы» ничего другого не выражает, как тот факт, что пролетариату понадобились особые органы репрессии. Однако, конечно, не то хочет сказать Устрялов. У него уже нет пролетариата, а «власть»

имеет теперь единственную «опору» в Чека и т. д. Г-н Устрялов где-то по дороге совсем растерял пролетариат, хотя скрыл это от читателей. А так как он тут же обрел «новую буржуазию», то он сейчас же захотел подпереть ею бедную, повисшую в воздухе «власть». Надев на нее буржуазные штаны, или, вернее всунув в штаны советской власти буржуазное, хотя и «новое» естество, г. Устрялов тотчас же ударил в литавры: тезис о перерождении власти «доказан». Чего же беспокоиться?

Такого рода перерождение могло бы произойти в действительности, если бы пролетариат все время распылялся по мере гибели государственной промышленности, основного базиса социализма. Но так как этого процесса давно нет, и процесс упадка госпромышленности сменился процессом быстрого ее подъема, то в воздухе повисла вовсе не советская власть, а некие сменовеховцы.

Что г. Устрялов считает «без хозяина» т. е. без пролетариата, видно особенно ярко из гораздо более поздней статьи, относящейся к концу 1923 г. Г-н Устрялов там пишет:

> «Постоявшие за себя в революции», уничтожившие помещиков и победившие «коммунию» мужички явственно становятся фактическими хозяевами положения. Попытки города мерами государственного аппарата создать «правящий слой», не опирающийся ни на какой экономический фундамент(!!!), по природе своей не могут не быть порочны. Будущее—за экономически-прогрессивными, хозяйственно-творческими элементами, а не оранжерейными продуктами политической романтики, лишь обременяющими и без того хворую государственную казну. И власть неизбежно нащупает и уже постепенно нащупывает свою здоровую социальную основу ......вырисовывается и человеческий матерьял», составляющий фокус новой России. Это, в первую голову, крестьянин-производитель, «крепкий хозяйственный мужичок». В городе он должен иметь свое выражение, продолжение и восполнение. Таковым, разумеется, не могут быть те «партийные литераторы» и «высокополитические штатгальтеры» коммунизма, о коих с едкой иронией говорил на XII съезде Красин. Их время стихийно уходит. Так кто же?— А вот это новое поколение хозяйственников, деловиков из рабочих, кооператоров... Но не нужно за-

бывать рядом с ними и более ординарную (!!) капиталистическую буржуазию: она не может, в тех или иных рамках, не возродиться... Сам Ленин на заре нэпа с обычной своей прямотой признал эту неотвратимость» [1]).

Копаясь в «хаосе» наших социальных сил, г. Устрялов думает, что нашел для себя сущий клад, обеспечивающий его классу долгую и беспечальную жизнь. Мы же могли бы обратиться к нему со словами Фауста:

Как человек надежды не теряет,
Коль в труд бесплодный погружен,
Усердно клада ищет он
И червяков лишь вырывает?

Впрочем, это было бы с нашей стороны некоторым преувеличением. Ибо кое-что г. Устрялов все-таки «вырывает». Но это отнюдь на спасает его концепции в целом.

Присмотримся снова к его, Устрялова, рассуждениям. Прежде всего, однако, заметим, что ставка Устрялова есть ставка на «более ординарную капиталистическую буржуазию», плюс переродившаяся часть хозяйственников, плюс спецы, каковые слои должны вести за собой, под классовой гегемонией вышеупомянутой «более ординарной капиталистической буржуазии», «крепкого хозяйственного мужичка».

Другими словами: эта схема предполагает относительный рост и постепенную победу частного капитала над государственной промышленностью. Отсюда исходит г. Устрялов в своих построениях. В этом нетрудно еще раз убедиться, если пристально всмотреться в устряловскую аргументацию.

По Устрялову, «город» занимается тщетными попытками создать «правящий слой», не опирающийся ни на какой экономический фундамент. Что сей сон означает?

Прежде всего, что за «город»? Ведь как будто бы устряловская «ординарная капиталистическая буржуазия» тоже принадлежит городу? Зачем же псевдонимы? Ясно, что тут речь идет о других элементах «города». Но г. Устрялов их не называет, потому что ему выгодно замалчивать пролетарскую диктатуру. Далее, что это за чудище, эти «попытки» власти не опираться «ни на какой экономический фундамент»? Что это за сума-

1) „Ответ налево“, стр. 142 и 148.

сшедшая власть, которая якобы не только не имеет «фундамента», но еще всеми силами от него отбрыкивается? Что означает эта галиматья?

Она означает, если искать в ней «рациональное зерно», вот что: г. Устрялов не верит в фундамент госпромышленности. Г-н Устрялов, с другой стороны, констатирует, что власть не хочет опираться на неординарную и ординарную «капиталистическую буржуазию». Г-н Устрялов, веруя в неизбежность перерождения, уговаривает «власть» не висеть в воздухе и подпереть себя его излюбленными «деловыми кругами».

Вот почему и государственная социалистическая промышленность фигурирует у него под псевдонимом «оранжерейного продукта политической романтики». Социализм—это, изволите ли видеть, романтическая химера, и будущее принадлежит «хозяйственно-творческим элементам» во главе с «ординарной капиталистической буржуазией».

Мы попросту недоумеваем, каким образом, выпуская свою книжку 1925 г., г-н Устрялов может говорить такие вещи. «Оранжерейный продукт» достиг почти довоенного уровня. «Романтическая химера» обросла плотью со всех сторон и бурно развивается, как самая «всамделишняя» реальность. В общем и целом, частнохозяйственные «творческие элементы» отступают, несмотря на те или иные временные свои победы на отдельных участках фронта. Но г. Устрялов, сочинив себе заранее красивую (с точки зрения буржуазии) схему, упорно повторяет свое, находя, очевидно, нарцистическое (по Фрейду) удовлетворение в любовании искусственным пафосом своего стиля. Бедный Устрялов не замечает, что он похож всего-навсего на токующего тетерева, который потерял способность видеть и слышать многое. Завороженность «колдовством» своего собственного слова у Устрялова бьет в глаза.

Коль вправду хочешь что сказать,
К чему словами щеголять?
Верь, безотраден блеск пустой
Речей, искусно сочиненных.
Как ветер, осенью сырой
В ветвях шумящий обнаженных!

Всякий теперь видит, что именно рост «экономической химеры» и опрокидывает надежды Устрялова. Ибо, предположим на минуту, что наша промышленность действительно хирела бы с часу на час, а частный капитал рос

бы тоже с часу на час. Тогда неизбежно торговый частный капитал превращался бы в капитал промышленный. Тогда неизбежны бы стали «денационализации». Тогда власть теряла бы пролетарский фундамент. И тогда—тоже совершенно естественно—часть кадрового состава хозяйственников подверглась бы частно-капиталистическому перерождению, фактически слившись с «более ординарной капиталистической буржуазией».

Ах, как это было бы приятно г-ну Устрялову! Только все это именно и есть «романтическая химера» бывшего колчаковца, ищущего себе утешения «на новых путях».

Г-н Устрялов не понимает основной расстановки классов, их удельного веса, динамики их соотношений, ибо он не понимает как раз динамики «экономического фундамента».

Вот почему он предается таким неумеренным восторгам в связи с решениями XIV партконференции. Он не видит, что мы раздвигаем рамки товарооборота, снимаем ряд административных препон с развития частного хозяйства в деревне, имея за собой уже мощные командные экономические высоты, которые все более ведут и будут вести всю экономику страны в целом. К этому идет дело. Жалею, что аз грешный, в характеристике г-на Устрялова «ортодоксальнейший и чистокровнейший Бухарин (что значит последнее—мне невдомек.—*Н. Б.*), суровый столп правоверия, утверждения законов и пророков», ввел в заблуждение г. Устрялова. Г-н Устрялов решил, что я де выставил для партии лозунг «обогащайтесь», ставя ставку на деревенского грабителя против бедняка. Кто же поверит, что это лозунг партии? Жалею, по человечеству, что своей формулировкой дал повод для лишних иллюзий г. Устрялова. (Эта формулировка была, несомненно, ошибочной формулировкой того совершенно правильного положения, что партия должна держать курс на подъем благосостояния деревни.) Но ведь не в этом существо линии, выставленной и в моем докладе, и в других докладах, и в решениях партконференции. Г-н Устрялов скачет и играет, думая, что тут-то и есть «увенчание всего здания». И—натурально,—побряцав на своей сладкозвучной лире, он вызывает, по своему обычаю, тень великого Ленина:

> «Но дух Ленина может покоиться с миром: он и впрямь прочно живет и в своей партии, и во всей революции. А, значит, можно быть спокойным и за ту, и за другую».

Да, дух Ленина может быть спокоен. Он может быть спокоен потому, что партия умеет твердой рукой вести страну по пути такого подъема производительных сил, который обеспечивает систематический рост социализма.

IV. Революция и эволюция. Клевета на Ленина. „Философия эпохи". Фашистский цезаризм.

Г-н Устрялов постоянно пытается «обволокнуть» своего читателя облаками пышных и пухлых образов. В поисках синтетического «стиля» меняющейся революционной страны он ухватывается обеими руками за весьма прозаический засаленный кафтан нэпмана и в перл создания возводит его еще не развернувшиеся добродетели. Но, нащупывая этот «синтетический стиль», г. Устрялов поднимается на самые белоснежные высоты идеологии и прямо застывает в экстатическом созерцании нэпмановского великолепия, истолковывая «сущее» под углом зрения того «должного», которое является непременным категорическим императивом нового буржуа.

> «Ангел революции тихо отлетает от страны:—но он уже обеспечил себе бессмертие» [1]).
>
> «Революция... есть дух, она, прежде всего, есть дух живой. Она—стиль страны в определенную эпоху ее жизни. Она—жизненный порыв, имеющий свое начало и свой конец. Страна уже не та, что была четыре года тому назад. Существенно иная обстановка—и материальная, и психологическая, и международная, и национальная. «Опыт» проделан, максимальное революционное каление—позади. Начинаются сумерки,—быть может, и очень долгие, длительные, как в северных странах» [2]).
>
> «Революция завершается—Россия восстанавливается» [3]).

«Друг Аркадий», как видите, не разучился еще «говорить красиво». Но он отнюдь и не научился трезвее мыслить. Г-н Устрялов все время привлекает к делу «духов» и «ангелов» только для того, чтобы доказать следующую «мысль»: так как теперь прошли вре-

---

1) „Сумерки революции", стр. 45.

2) Там же, стр. 45.

3) Там же, стр. 44.

мена «революционного каления», то, значит, революция кончилась. А если революция кончилась, значит, «со духи праведны скончашася» и всякие «социализмы», «еспромышленности», «пролетарские диктатуры» и прочие скороспелые продукты «революционного каления». Вот, в сущности, что хочет сказать г-н Устрялов.

Этот ком мыслей может кое-кого поймать на удочку. Ибо и среди нас есть такие товарищи, которые начинают приходить в уныние, как только кончается героическая «драка» и наступают прозаические времена «торговли и промышленности».

> Бойцы вспоминают минувшие дни
> И битвы, где вместе рубились они.

Но такие «бойцы», которые не ушли дальше примитивного понимания революции только как непосредственно вооруженной драки, у нас все же редки. Удивительнее всего, однако, то, что г. Устрялов—профессор, «ученый» и прочее,—так сказать, с другого конца, становится на эту же плоскость. Ведь, если рассуждать по Устрялову, то, чтобы не получились «сумерки революции», люди должны, вообще говоря, не переставая, драться на баррикадах и вести гражданскую войну,—иначе де «ангел революции» улетает, и его потом уже не заманишь ни в какую западню.

Нелепо даже опровергать этот вздор. А, тем не менее, именно этот вздор лежит в основе устряловской концепции.

Разрешите, все же, г-н профессор, правильно поставить вопрос.

Социалистическая революция, в точном смысле этого слова, есть процесс превращения капиталистического общества в общество социалистическое. Она предполагает, в первую голову, завоевание власти пролетариатом, экспроприацию экспроприаторов и уничтожение их сопротивления. А дальше начинается органический, эволюционный рост нового общества, который сам есть составная часть великого революционного преобразования. Если в этой фазе революции, быстрыми шагами идет процесс действительной социализации экономики, то только ничего не понимающий человек будет говорить о «сумерках революции» и об ее улетающем «ангеле». Наоборот, такой ход дела есть торжество революции, а вовсе не ее «сумерки». Равным образом, если мы доживем до того времени, когда электротехника будет праздновать свою победу, то это будет означать высшее торже-

ство революции, а вовсе не ее окончательную гибель. Только с известной точки зрения можно сказать, что революция умирает тогда, когда она делается излишней, т. е. когда она достигает своего окончательного торжества. Но не то, не то говорит г. Устрялов. Ибо он умалчивает, что вслед за отлетающим «ангелом революции» в его «плане» прилетает тотчас же черный «ангел контрреволюции», который без всякого стеснения выкладывает на стол свои копыта.

Для того чтобы наступили действительные «сумерки революции», был бы необходим процесс органического вытеснения государственного хозяйства частным капиталом. Но этого как раз и нет, а есть нечто обратное. Следовательно, и ангелам г. Устрялова придется переменить путевку и наметить себе иной маршрут...

Но г-н Устрялов, не верящий ни в какой социализм, все же, как это ни странно, желает на контрреволюционной платформе найти себе компаньона... в ком бы вы думали, читатель? В Ленине! Да, ни более, ни менее как в Ленине.

> «Наше указание,—пишет г. Устрялов—...на безнадежность социализма в современной России—есть, по мнению советского вождя, не что иное как «классовая правда, грубо, открыто высказанная классовым врагом» [1]).

Выходит примерно так, что Ленин солидаризировался в диагнозе с Устряловым. Выходит так, что Ленин чуть ли не поставил крест над строительством социализма в нашей стране. Это, конечно, клевета на Ленина, пущенная в оборот классовым противником, клевета, которая успела, впрочем, пустить уже кое-какие корешки. А Ленин говорил вот что:

> «Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны... Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед ним стоит. Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным» [2]).

Это—безусловная правда. Ленин, следовательно, отнюдь не утверждал, что мы переродились или перерождаемся и т. д. Ленин говорил лишь, что это возможно и что нужна борьба, борьба и еще раз борьба, чтобы эта возможность не стала ре-

---

1) „Логика революции", стр. 100.

2) Ленин, XVIII, 2, 42. Курсив наш.

альностью. Признать это вовсе не значит, однако, петь с голоса Устрялова. Наоборот. Нужно срывать маску с этого врага, как с врага. Ни на минуту нельзя терять уверенности в нашей победе. Но необходимо чутко прислушиваться, какую опасность сигнализирует противник, для того, чтобы обрушить на него соответствующие силы и подкрепить слабые фронты.

Сейчас мы стали гораздо сильнее, неизмеримо сильнее, чем раньше. Всего несколько лет тому назад в немаловажных отраслях промышленности продукция исчислялась частями одного процента довоенной. Ведь это нужно помнить. Со дня смерти Ильича у нас произошли громадные перемены: стала на ноги вся наша госпромышленность, поднялся транспорт, возникла и укрепилась сеть банков, заработала кооперация, которой гениальный учитель отвел такую исключительную роль. Это не значит, что все опасности и противоречия отпали. Они перешли в «высший класс», они поднялись на новую ступень. Что касается внутренних противоречий, то они тоже еще очень остры. Но мы все же идем с растущим перевесом наших сил и будем так итти, если будем вести правильную политику. Мы, на основе нашего хозяйственного роста, постоянно укрепляем пролетарскую базу власти; имея в пролетарском кулаке прочно занятые могущественные командные экономические высоты, мы расширяем общую сферу товарооборота, снимая ряд ограничений для развития даже зажиточных хозяйств в деревне, ибо расширенный общий товарооборот нам даст больше, чем противнику; а одновременно мы выстраиваем фронт бедноты, налаживаем прочный союз с середняком, готовим фонды для помощи наиболее обездоленным слоям деревни. И снова, и снова укрепляем социалистическую базу, крупную промышленность. И снова, и снова налаживаем кооперацию, основной мост между городом и деревней, по которому деревня должна верным шагом итти к социализму.

Пути стали яснее, наша линия четче. И тем не менее было бы глупо не видеть опасностей. Пример с хлебозаготовками показывает, как ловко еще орудует частный торговый капитал и какие ошибки могут еще делать наши органы. Этот частный капитал отчаянно борется за влияние на крестьянство и имеет свою базу в лице оперившегося кулака. Борьба тенденций, путей развития, хозяйственных форм, социальных сил идет своим чередом. Но мы сделаем свое дело, если, с одной стороны, будем видеть все опасности, с другой—твердо вести свою линию с полной уверенностью в победе. Такова основная ленинская добродетель,

отказаться от которой нас не заставят никакие Устряловы, с их смешными и претенциозными потугами.

Этим господам Устряловым до смерти хочется надуть историю, подчистить ее, причесать сменовеховским гребешком. Не выходит это, как ни старается г-н Устрялов подменить диалектику ловкой софистикой. А он очень старается. Вы только полюбуйтесь:

> «Был «немедленный коммунизм»,—сейчас возрождается частная собственность... была «немедленная мировая революция»,—сейчас в порядке дня «ориентация на мировой капитализм», отказ от экстремистских методов борьбы с ним. Был воинствующий атеизм,—сейчас в расцвете «компромисс с церковью». Был необузданный интернационализм,—сейчас «учет патриотических настроений» и приспособление к ним. Был правовернейший антимилитаризм,—но уже давно гордость революции—Красная армия. Можно продолжать эти антитезы до бесконечности» [1]).

А вот еще один цветок из того же букета:

> «Начав проповедью немедленного всеевропейского пожара, Ленин кончил заветом всемерного поощрения национально-революционных движений азиатского мира, парадоксальным апофеозом «туркестанскому социализму». Так в революционной идеологии неожиданно (!!) и причудливо обретает Россия свою исконную историческую миссию Евразии» [2]).

Уф! Как тут не согнуться под бременем этих фокусов! Все же нужно ответить и на это чудесное превращение Ленина в Дмитрия Донского, Интернационала—в «боже, царя храни», красного—в белое, коммунистов—в сменовеховцев, пролетарской диктатуры—в государство «евразийских» нэпманов и так далее «до бесконечности».

Начнем с конца.

Итак: Ленин «начал» с проповеди западной революции, «кончил»—революционным движением «азиатов». Вывод: перерождение в «евразийском» духе.

Вот уж хочется не совсем парламентски сказать: «Ври, да знай же меру!». Все же от г. Устрялова позволительно было бы ожидать большей элементарной грамотности. Ленин—

---

1) „Сумерки революции“, стр. 44—45.

2) „Семь лет“, стр. 164.

да позволено будет вам сообщить, г-н профессор, «начал» с того, что в общем контексте мировой революции гигантское значение отводил национальным и колониальным движениям. Не знать этого немного... позорно. Это—вопервых. Вовторых, какое логическое основание имеется для противопоставления европейской революции азиатским движениям? Или г-н Устрялов не понимает, что движение в Китае и в Индии, напр., неизбежно обостряет, в конечном счете, и движение в Англии, т. е. «европейскую революцию»? Что остается от «аргумента» г-на Устрялова? Круглый нуль.

Двигаемся дальше. «Правоверный антимилитаризм»—«начало». Вырожденческий «конец»—«Красная армия». Опять приходится только удивляться—простите, г. профессор,—удручающей безграмотности и харбинскому невежеству нашего критика. Если бы г. Устрялов заглянул хотя бы одним глазом в большевистскую довоенную, а равно и военную (1914 и сл. годов) литературу, то он бы увидал, что большевики, в противоположность всем другим антимилитаристам, с самого начала стояли за организацию революционных вооруженных сил. Смешивать нас с пацифистами—значит обнаруживать элементарное незнание предмета. А логически? Интересно было бы знать, как это можно представить себе диктатуру пролетариата, да еще в международном окружении, без революционной армии? Кажется, и это ясно даже младенцу. Что же осталось от «красноармейского» аргумента г. Устрялова? Тоже такой же круглый нуль.

«Необузданный интернационализм»—в начале. «Учет патриотических настроений»—в конце. Третий номер «антитез» и третье доказательство перерождения.

Итак, по Устрялову выходит, что мы раньше «не учитывали патриотических настроений». Но и тут г. Устрялов обнаруживает «необузданную» безграмотность и «необузданно» короткую память. Мы приведем лишь один контр-пример. Вскоре после победы Февральской революции Ленин предложил во что бы то ни стало считаться с «оборончеством добросовестно заблуждающихся масс», т. е. с их патриотизмом. Было это или нет? И где же «необузданное» начало? Если мы учитывали патриотизм, когда он объективно был против нас, то где же основания для того, чтобы мы не учитывали его тогда, когда он оборачивался за нас (напр., во время польской войны?)? И где резоны—резоны с точки зрения коммунизма—против того, чтобы переводить русский или украинский патриотизм на рельсы «патриотизма» про-

летарской диктатуры? И здесь г. Устрялов терпит совершенно заслуженное им банкротство.

«Воинствующий» атеизм—вначале, «компромисс с церковью—в конце». Фраза, почтеннейший! Когда мы вступали в революцию, мы почти не вели атеистической пропаганды. А сейчас без шума и гама мы ведем ее в широчайших размерах, и притом разными родами пропагандистского и агитационного оружия, ведем планомерно и систематически, более умно по форме, чем несколько лет тому назад, более крепко по существу. Или можно отрицать этот факт? И «атеистический» аргумент Устрялова падает в пропасть.

Едем дальше:

«Была немедленная мировая революция»—теперь «ориентация на мировой капитализм», «отказ от экстремистских методов борьбы с ним». Вот уже поистине: «устами Устрялова Чемберлену бы да мед пить!». Что хочет, в сущности, сказать г. Устрялов? Что сейчас в Европе менее революционное настроение, чем в 1921 г.? Это факт, и с этим фактом мы должны считаться, хотя это, вопреки Устрялову, ни капли не может непосредственно отражаться на социальной сущности советской власти. Или г. Устрялов «замечает», что мы от войны с капиталистами перешли к миру с ними и поэтому «переродились» и «трансформировались»? Но тогда мы напомним г. Устрялову, явно страдающему болезнями памяти, что мы вошли в революцию 1917 года с лозунгом мира. Где и когда мы стояли за войну при всех условиях? Что за вздор вы изволите городить, г. Устрялов?

Но г. Устрялов позволяет себе и прямые... переиначивания. У него выходит, будто бы мы сменили «ориентацию на мировую революцию» на «ориентацию на мировой капитализм». Что значит «ориентация на мировой капитализм», мы в точности не знаем. Это может означать лишь торговлю, дипломатические сношения, кредитные сделки и т. д. Так что же, по Устрялову, если держишь курс на революцию, то нельзя торговать? Что же, тут нужно решать вопрос по методу: «или—или»? Ах, господин Устрялов! А, говорят, вы еще Гегеля нюхали! Не видно что-то! Жалкое повторение жалких аргументов Каутского и прочих... Наконец, последнее «доказательство»: антитеза «немедленного коммунизма» и «нэпа». Но об этом мы уже достаточно говорили в предыдущих главах. И здесь господин Устрялов обнаруживает и короткую память (наша первая «программа», сорванная войной и интервенцией), и непонимание основных процессов нашего хозяйства (противоре-

чивый характер развития, усиление социалистических элементов).

Вот и все. Вот и вся тяжелая артиллерия г-на Устрялова. Без замков ваши пушки. Не стреляют.

Всем вышеизложенным мы, как нам кажется, подбили на смерть и основную обобщающую идею г. Устрялова, его национал-«евразийскую» «философию эпохи». Г-н Устрялов из великого кризиса современности извлек лишь тот урок, что растет де российская великая держава, в новых формах и новыми методами продолжающая «славные» исторические традиции могучего карамзинского «государства российского». Г-н Устрялов идейно сходится здесь самым трогательным образом со всеми врагами советского государства, от Каутского до Чемберлена. По Устрялову, коротко и грубо говоря, весь наш социализм—пуф. А не пуф—новое государство, с небывалой широтой размаха своей политики, с чугунными людьми, укрепляющими русское влияние от края до края земли. С этой точки зрения готов нас приветствовать г. Устрялов:

> «Ни Алексеев—видите ли,—ни Колчак, ни Диникин не имели эроса власти. Все они... были дряблыми вождями дряблых» [1]).

Другое дело коммунисты:

> «Железные чудища, с чугунными сердцами, машинными душами, с канатами нервов... Куда же против них дяде Ване или трем сестрам?..
>
> Куда уж нашим «военным» фронтам против них, против их страшных рефлекторов, жгучих конденсированной энергией!
>
> Разрушат культуру упадка, напоят землю новой волей,—и, миссию свою исполнив, погибнут от микробов своей опустошенности» [2]).

А пока что г. Устрялов хочет заделаться поставщиком этих самых «микробов опустошенности». Ибо если говорить серьезно, то «философия эпохи» г-на Устрялова и неверна, и глубоко пессимистична, хотя он этого и не видит.

Она неверна потому, что г. Устрялов никак не поймет основного факта: огромнейшее влияние СССР базирует на том, что

---

[1]) „Фрагменты", стр. 348.
[2]) Там же, стр. 353.

в нашей стране не только произошла смена «дряблых» на «недряблых», но и опрокинулась старая социальная иерархия. Наше влияние растет потому, что растут новые общественные отношения. Наш голос слышен в Азии и в Африке потому, что мы отказались от великорусского шовинизма и сплотили свой союз на новых основах сожительства наций. Теория Устрялова, коротко говоря, неправильна потому, что она не понимает решающего момента: теперешний всемирный кризис есть кризис капитализма. Выход из него есть социализм, и только он один.

Теория Устрялова глубоко пессимистична, хотя ее автор и разыгрывает гаммы бодрости и жизнерадостности. Она пессимистична потому, что предрекает новый цикл капитализма у нас, т. е. дальнейшее воспроизводство тех же самых противоречий. Она есть, так сказать, сказка про белого бычка, притом «в мировом масштабе».

Если бы эта сказка стала былью, она означала бы гибель всего культурного человечества.

Но все же можно признать, что теория г. Устрялова, будучи пессимистична по существу, относительно может казаться радужной. Это для тех буржуа, которые думают только о завтрашнем дне, не заглядывая дальше. Г-н Устрялов тоже боится смотреть особенно далеко, ставя повсюду тощие вопросительные знаки, когда дело доходит до основных проблем в их «планетарной» постановке. И поэтому он строит для себя более скромную теорию, стратегию, тактику.

Это есть теория, стратегия, тактика российского фашистского цезаризма. Все элементы этого даны у Устрялова: его национализм, его «национал-большевизм» (некоторые германские фашисты называли себя именно так), его резко выраженный антипарламентаризм с генералами и рейхсвером, его культ Муссолини, его ставка на гегемонию «ординарной буржуазии», ведущей «крепкого мужичка», его неприкрытый цезаристский идеал, его «национально-империалистские» вожделения, его культ «эроса власти», его борьба (пока осторожная) с социализмом. Он надеется, что все эти элементы «вызреют» не только у него, и вылупится, в конце-концов, великий Мессия, который уже понастоящему взнуздает «сброд»...

Но, говоря старой поговоркой,—страшен сон, да милостив бог. Г-н Устрялов уже не раз занимался пророчествами, но каждый раз сугубо неудачно. Характерно, что он и до сих пор никак не

может свести концы с концами, хотя уже «совы Минервы» вылетели давным давно, и пора человеку понять вещи, которые совсем уж не так мудрены. Вот пример. Г-н Устрялов пишет:

> «Та бездна исторического зла, которая скопилась перед революцией чуть ли не во всех областях русской жизни, могла быть уничтожена, увы (г. Устрялов крайне любит «увыкать».— *Н. Б.*), лишь катастрофою».

Это говорится на 112 странице «опуса» г. Устрялова.

А на 137 мы читаем, что во время империалистской войны числиться в оппозиции было «пагубно и преступно». Вот вам и поймите, что к чему!

Г-н Устрялов совсем не понял мировой войны и «исторического зла» самодержавия.

Г-н Устрялов совсем не понял смысла гражданской войны и только post factum он начал соображать, что дело белых было гиблое дело.

Г-н Устрялов не понимает теперь хозяйственной «войны», которую мы ведем, и здесь открыто стоит в стане наших врагов. А по существу дела он защищает, как это ни странно, реформированное самодержавие, самодержавие нового образца. Фашистский цезаризм, это ведь и есть не что иное как такая форма самодержавия, которая прошла через огонь и медные трубы, которая, вместо старых дворянских гербов, имеет золоченые гербы «шиберов», спекулянтов и подозрительных «дельцов», которая опирается на новое служилое сословие, кулаков и лабазников, развращенную и подкупленную «свою» «массу» из «деклассированных».

Среди всех наших противников г-да «цезаристы» заслуживают особого внимания. Они мягко стелют, да жестко будет спать. Впрочем, мы нисколько не сомневаемся, что их «мечты» останутся «мечтами». Г-да Устряловы могут нас похваливать, могут коечто у нас заимствовать, могут изо всех сил стараться придушить нас изнутри, могут напрягать последние силы, чтобы поддержать новую буржуазию. Но в общем историческом итоге:

> Труд бесплодный
> Чужие крохи собирать,
> Насильно из золы холодной
> Плохое пламя выдувать.

Есть одна великая сила, которой будет принадлежать мир. И эта сила—коммунизм.

О ХАРАКТЕРЕ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ И О ВОЗМОЖНОСТИ ПОБЕДОНОСНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР.

1. Возникновение проблемы. — 2. Вопрос о зрелости мирового капитализма. Различная критика большевизма: с точки зрения общей незрелости капитализма, с точки зрения военных разрушений, с точки зрения незрелости пролетариата. — 3. Вопрос о предпосылках социализма в России: международная социал-демократия, российский меньшевизм, Богданов—Базаров, Троцкий, октябрьская позиция правого крыла большевиков. — 4. Вопрос о построении социализма в СССР, как вопрос о характере нашей революции. — 5. Гарантия от внешних опасностей и внутренние силы нашего развития. — 6. Итоги.

В настоящее время ряд кардинальнейших, основных вопросов нашей революции снова поставлен во всей широте, поставлен, можно сказать, ребром. Подробно разбирать причины этого здесь не представляется возможным, но нельзя не указать, что коренная причина этого состоит в том, что мы сейчас переживаем период перехода от так называемого *восстановительного* процесса к процессу *реконструктивному*. Такая терминология кажется нам, впрочем, не совсем точной и не совсем правильной. Ведь, обозначение предыдущей фазы развития нашего хозяйства, как восстановительного процесса, предполагает—если брать это слово в строгом его значении,—что у нас подъем промышленности и подъем всего народного хозяйства идет по той же самой колее, по какой он шел и в дореволюционный период. Только при таком условии можно было бы *говорить о восстановительном* процессе в строгом смысле этого слова. На самом же деле у нас после Октябрьской революции подъем хозяйства и, в первую очередь, его государственного сектора шел таким образом, что наряду с восстановлением хозяйства происходила и непрерывная *переделка производственных отношений*. Наше развитие шло на *другой основе*, чем та, на которой развивалось хозяйство страны до октябрьской победы рабочего класса. Поэтому, когда мы говорим о восстановительном процессе, то нужно помнить, что это выражение берется условно. Этим мы хотим сказать, что наша продукция достигла довоенного уровня, что материальный остов производства восстановлен в

размерах довоенного периода. Только в этом смысле слова и можно говорить о восстановительном процессе. И только при таком понимании можно говорить о переходе от периода восстановительного к периоду реконструктивному.

Итак, является совершенно несомненным, что сейчас перед нами встает во весь рост задача переустройства хозяйства, задача перевода его на новую техническую основу.

Эта задача упирается, прежде всего, в задачу изыскания и приложения капитальных средств, средств, идущих на расширение производственного базиса, на постройку или закладку новых предприятий, в значительной мере на новой технической основе. Нетрудно сообразить, что это—задача величайшей трудности, причем трудность ее не исчерпывается лишь сферой практики. Нет, даже взятая в теоретическом разрезе, она представляет, как говорят немцы, ein harter Nuss (крепкий орех). Эта трудность и порождает целый ряд колебаний, шатаний в наших рядах. Она же заставляет нас восходить к коренным вопросам революции.

Нелишне отметить, что вопрос об основном капитале ставился сравнительно давно (ср. вопрос об электрификации у Ленина); ставился он и некоторыми из наших противников. Между прочим, в этой связи можно упомянуть об одной работе П. П. Маслова, именно о выпущенной им в 1918 г. книге «Итоги войны и революции» [1]). Маслов тогда стоял целиком на меньшевистской позиции и в указанной книге проводил меньшевистскую точку зрения. Само собой разумеется, он отрицал возможность социалистической революции у нас, и отрицание это в значительной мере обосновывал невозможностью решения проблемы новой техники при отсталости технико-экономического базиса нашей страны вообще. Вот что писал он тогда:

> «Стоит только познакомиться с преобладающим типом предприятий в земледелии и в кустарном производстве, занимающем наибольшее число рук в индустрии, чтобы притти к заключению, что революция не может ввести социалистического строя, пока капиталистическое производство не создаст для него материальные условия. Великая русская революция в первые годы только отколет индустрию от земледелия в деревне, отколет посредством капитализма, а социализм лишь «в более или

[1]) Маслов П., Итоги войны и революции, М., 1918.

менее отдаленном будущем» снова соединит их в гармоническое целое. Не отколовшись от земледелия в мелких хозяйствах, индустрия не может технически сформироваться в общественное производство, так как первобытная техника кустаря не может сохраниться, а изменение техники расколет полуземледельческое хозяйство. *Творить же новые предприятия на новых технических началах из ничего даже и революция не в состоянии, хотя она и обладает огромными творческими силами»* [1]).

В этой цитате наиболее характерной и любопытной является последняя фраза, где автор мысль относительно невозможности социалистической революции у нас связывает с мыслью о том, что нам неоткуда будет взять сил и средств для подведения под свое хозяйство новой технической базы.

На какие средства можно подвести эту новую техническую базу—вот проблема. Эта, выражаясь современным языком, «проблема основного капитала» как раз и выдвигалась П. Масловым на первый план. А так как—по мнению Маслова-меньшевика—ни о какой новой технике нечего и думать, то именно это для него и являлось решающим аргументом, чтобы вообще отрицать социалистический характер нашей революции.

Отсюда следует, что вопрос о переводе нашего хозяйства на новые технические рельсы, проблема основного капитала, вплотную подводит к вопросу о *характере нашей революции*, к вопросу о *возможности строительства социализма в одной стране*,—словом, к ряду тех вопросов, которые сейчас являются предметом спора в нашей партии. Вот почему сейчас полезно будет оглянуться назад, вспомнить, что говорилось раньше относительно социалистической революции вообще, что говорилось о возможности социалистической революции в нашей стране. Такая историческая справка вытащит на свет божий целый ряд аргументов, которые помогут уяснить теперешние споры, обеспечивая возможность проследить идейные истоки взглядов той или иной спорящей стороны.

Здесь необходимо, хотя бы и очень коротко, остановиться на вопросе о «зрелости» современного и, прежде всего, мирового капитализма в той постановке этой проблемы, как она давалась большевиками. Общеизвестна истина, что исторический прогноз

---

1) *Маслов П.*, L. c., стр. 151. Подчеркнуто нами.

и тактика большевиков всегда покоится на определенном, совершенно объективном анализе положения вещей. Три рода явлений, которые связаны между собою и обусловливают друг друга, брались большевиками в расчет при решении вопроса о зрелости мирового капитализма. Это, вопервых, его технико-экономический базис и его организационные формы. Вовторых, соотношение классов, соотношение сил между рабочим классом, мелкой буржуазией и капиталистической крупной буржуазией. Втретьих, культурно-идеологическая зрелость пролетариата. Само собой понятно, что вопрос о культурно-идеологической зрелости пролетариата ортодоксальные марксисты ставили не с той точки зрения, что пролетариат может захватить власть лишь тогда, когда выработает свою собственную культуру, выдвинет кадр необходимых административных сил, нужных для управления государством, и т. д. Так ставил вопрос А. А. Богданов. Это по его теории пролетариат не может завоевать власть, пока не усвоит принципов «всеобщей организационной науки», не проникнется взглядами всеобъемлющего учения о пролетарской культуре. Само собой разумеется, что при таком подходе, как у Богданова, вопрос о зрелости капитализма едва ли когда-нибудь получил бы положительное решение. Но у большевиков подход был иной, и с точки зрения этого подхода общая зрелость капиталистических отношений для перехода их в социалистические не подлежала никакому сомнению. Большевики выдвигали здесь положение о последней империалистической фазе капитализма, о достаточной степени централизации и концентрации капитала, об особых организационных формах капитализма (финансовый капитал, капиталистические монополии, банковые консорциумы и т. д.), рассматривая самый факт мировой империалистической войны, как доказательство зрелости капиталистических отношений, потому что сама империалистическая война есть не что иное как выражение громаднейшего конфликта между ростом производительных сил и их капиталистической оболочкой, ставшей уже тесной для более или менее нормального развития этих производительных сил в дальнейшем.

Само собой разумеется, что при оценке мирового капитализма большевики вовсе не исходили из признания, если так можно выразиться, сплошной зрелости капитализма и вовсе не предполагали, что в каждом географическом пункте земного шара степень централизации и концентрации капитала, степень концентрации рабочего класса, и т. д. и т. д. всюду одинаковы и

достаточны для перехода к социализму. Наоборот, в лице Ленина большевики выдвинули положение о так называемом «законе неравномерности капиталистического развития». Этот закон имеет своей базой разнородность структур капитализма по странам. Этот закон выдвигает и то обстоятельство, что есть строгое различие между центрами капиталистической экономики и колониальной периферией этой же экономики, что зрелость капитализма в целом, как капитализма мирового, вовсе не предполагает совершенно одинаковой высоты капиталистического развития в разных странах, одинакового темпа развития и т. д. Этот ленинский закон неравномерности капиталистического развития и был теоретическим обоснованием подхода большевиков к вопросу о зрелости мирового капиталистического хозяйства, о степени его подготовленности к переходу в хозяйство социалистическое, о мировой революции, как сложном и длительном процессе, который может начаться даже в одной стране.

Так ставили вопрос большевики. Иначе подходили к нему противники большевизма. Приэтом должно быть отмечено, что их (противников) аргументация в «доказательство» незрелости капиталистических отношений имела целый ряд вариантов. Имеется целый ряд критических позиций, направленных против большевиков и долженствующих опровергнуть большевистский тезис относительно зрелости капиталистических отношений в современном мировом хозяйстве. Одни говорят, что экономически капитализм еще не созрел; другие говорят, что он экономически созрел, но в результате мировой войны и в результате того обнищания, которое наступило за время войны, он перестал служить достаточной базой для перехода на рельсы социалистической революции. Наконец, третьи выдвигают ряд особо «оригинальных» соображений, указывая на культурную незрелость пролетариата, который не может в силу этого решить задачу мировой революции.

Первый тип критики большевизма, критики с точки зрения экономической незрелости капиталистических отношений, наиболее ярко представлен в работах Генриха Кунова. В одной из своих брошюр, написанной в оправдание голосования 4 августа 1914 года в германском рейхстаге, он развивал примерно такую концепцию. Он говорил, что думать о переходе к социалистическому строю сейчас значит заниматься пустыми иллюзиями и утопией. Маркс сказал, что ни одна хозяйственная форма не перестает жить, прежде чем она целиком и полностью не осуществит всех

своих возможностей, пока она не исчерпает всю себя до конца. Возьмите те страны, говорил Кунов, где не достаточно еще развит капитализм; возьмите рынки, которые не целиком еще наполнены капиталистическим товарным содержанием; возьмите некоторые страны, где капитализм стоит еще в начале своего развития,—и вам станет совершенно ясно, что капитализму предстоит развиваться еще огромное количество времени. А после войны,—так утверждал Кунов,—благодаря частичному уничтожению производительных сил, получается еще возможность добавочного развития капиталистических отношений, потому что, поскольку производительные силы капитализма во время войны подверглись определенному разрушению, постольку даже та сеть рынков, которая и без того была велика, будет по отношению к разрушенным производительным силам еще более велика; поэтому нелепой, утопичной, антимарксистской является мысль относительно перехода общества в ближайший период на социалистические рельсы.

Здесь все так недвусмысленно и ярко, что нет нужды привлекать других критиков, идущих по той же линии; достаточно будет лишь упомянуть о другом, на этот раз русском, марксистском, или полумарксистском, литераторе, А. А. Богданове. В одной из своих работ, именно в брошюре «Вопросы социализма», он писал: «В подтверждение (необходимости и возможности перехода к социализму.—*Н. Б.*) указывают на гигантский рост именно тех отраслей, которые производят средства производства. И вот, если взять мировое производство тех же двух основных материалов по всей промышленности—чугуна и угля, и, основываясь на их цене, оплате рабочей силы и приблизительной норме ее эксплоатации, вычислить, какая доля всей трудовой энергии, находящейся в распоряжении человечества, кристаллизуется в огромной годовой массе этих продуктов, то окажется около 2—$2^1/_2$ и отнюдь не более $3^0/_0$. Результат, в котором как будто нет ничего подавляющего» [1]).

Приведя эти свои 2—$2^1/_2{}^0/_0$ в производстве чугуна и угля, А. А. Богданов тем самым считает доказанным положение о такой фазе развития капиталистических отношений, при которой нечего и думать о том, чтобы ставить себе какие-то задачи перехода на рельсы социалистической революции и на рельсы непосредственного социалистическкго строительства.

---

[1]) А. Богданов, Вопросы социализма, М., 1918 г., стр. 48.

Едва ли такая критика может всерьез быть принятой за критику марксистскую: это не больше, как карикатура на марксизм[1]). Ибо «критики» исходят здесь из крайне упрощенного, отнюдь не диалектического, представления о предпосылках гибели капитализма. По их мнению, капиталистическая форма производства погибнет только тогда, когда она целиком (или почти целиком) вытеснит другие формы производства. Между тем, в действительности капиталистический способ производства гибнет гораздо раньше, ибо он гораздо раньше развивает свои внутренние противоречия, делающие нестерпимым и объективно невозможным его дальнейшее существование (ср., например, мировые войны, «Эпоху войн и революций»). Равным образом, «критики» исходят из такого положения, что материальная зрелость капитализма должна быть такова, чтобы после захвата власти налицо был почти готовенький социализм, охватывающий целиком и сразу все общество. Между тем, в действительности речь идет лишь об отправных пунктах движения, о возможности дальнейшего строительства. У «критиков» исчезает почти весь переходный период, который есть период развития социалистических хозяйственных форм среди форм несоциалистических. Их («критиков») кажущийся радикализм есть оборотная сторона их глубочайшего оппортунизма. Едва ли есть нужда дольше задерживаться на этой породе критиков: приведенного достаточно, чтобы перейти к другой группе возражений.

Эта последняя в общем виде, примерно, может быть изображена таким образом: социализм, конечно, созрел, капитализм уже создал внутри себя производительные силы, которые могут поставить в порядок дня вопрос о социалистическом перевороте, но война все разрушила, и теперь приходится брать уже иной тон, теперь нельзя ставить перед собой задачу социалистического переворота. Так ставит вопрос, между прочим, не кто иной

---

1) Как на курьез, здесь можно указать на тоже „марксистскую“ критику большевиков со стороны некоего Рудольфа Шнейдера, секретаря „Имперского союза немецкой индустрии“, побивающего в своей брошюре: „Советский строй, социализация и принудительное хозяйство“ не только большевиков, но и социалистов вообще, самим Марксом: „уже 50 лет тому назад, — пишет сей ученый защитник немецких промышленников, — великий теоретик социализма К. Маркс блестяще опроверг всех таких утопистов и реформаторов мира одним единственным замечанием“ (20 стр.). Когда говорят о практической реализации социализма, впадают в утопию: „Социализм совершил обратный путь от науки к утопии“... (20). (Rudolf Schneider — Geschäftsführer des Reichsverbandes der deutschen Industrie,—Rätesystem, Sozialisierung uud Zwangswirtschaft, Dresden 1919.)

как Каутский, который говорил относительно огромных разрушений войны и относительно того, что на базисе разрушенного войной капитализма строить социализм невозможно. Но были и русские социал-демократы, которые точно так же ставили вопрос—например, так ставил его очень известный русский меньшевик Либер. В предисловии к своей брошюре, изданной в Харькове в 1919 г. под названием «Социальная революция или социальный распад», он, не преминув сообщить, что, «к сожалению», им потеряны прежние рукописи в то время, когда ему пришлось скрываться от «коммунистических охранников», выдвигает такие рассуждения: «Основные, «пессимистические» положения, развитые в настоящей лекции, защищались мною в еще «медовые» месяцы нашей революции. Уже с первых дней русской революции для меня были ясны черты гнилостного ее распада, вызванного войной, и перебегающие болотные огоньки ни на один момент не казались мне революционными маяками» [1]). Это, долженствующее быть поэтическим, описание содержит такую политическую мысль:—что вы, большевики, говорите о каком-то социализме, о международной революции и прочих вещах? Что вы ставите это в порядок дня? На самом деле то, что происходит, есть не процесс революционного движения общества вперед, а есть процесс гнилостного распада, вызванного войной.

В третьей главе этой своей брошюры, расписывая «анархию», появившуюся в результате войны, в главе, названной «Грядущие перспективы и задачи», автор прямо заявляет, что его точка зрения приложима не только к России, но ее «чохом», так сказать, можно применить и ко всему миру: «Из всего, что я сказал, ясно, что социализма теперь нельзя осуществить» [2]).

Нетрудно увидеть, что эта аргументация исходит из оппортунистической предпосылки о «безболезненном» переходе от капитализма к социализму. В полном противоречии с революционной теорией Маркса, который предсказывал рождение социализма среди катастроф («Zusammenbruchstheorie»), неизбежно связанных с разрушением производительных сил, «критики» исходят из возможности поистине идиллического хода событий. С другой стороны, разбираемая аргументация связана также с арифметическим представлением о предпосылках социали-

---

[1]) М. И. Либер, Соц. рев. или соц. распад, Харьков, 1919, предисловие.
[2]) Там же, стр. 57.

стического строительства: она предполагает, что отступление от определенной грани в развитии материального остова производства уже тем самым делает сразу невозможным переход к социализму. Изменяющееся соотношение классовых сил, воспитание и самовоспитание пролетариата в его боях и т. д.,—все это не принимается во внимание. Нечего и говорить о том, что эмпирическая проверка этого положения, т. е. весь последующий ход событий, целиком опровергли рассуждения оппортунистов, которые просто-напросто убегали от решений задачи, как убегали от революции вообще.

Третья группа возражений, в форме самого ходового товара, была представлена в виде теории, которая должна была доказать, что пролетариат вообще не может взять власть, поскольку он является арифметическим меньшинством населения. Взятие власти, диктатура пролетариата, захват власти политической партией рабочего класса, строительство социализма, переход от капиталистического общества к социалистическому, предполагает обязательно, по мнению этих критиков-социал-демократов, большинство, принадлежащее пролетариату. Этот вопрос очень подробно обсуждался в большевистской литературе, и останавливаться на нем здесь едва ли есть необходимость. В частности широко известны аргументы, которые в этом вопросе направлял против Каутского т. Ленин.

> «...Главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай: мелкобуржуазных демократов) II Интернационала,—писал Ленин,—состоит в непонимании ими того, что государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и мелкобуржуазных партий» [1]).

Вполне возможно такое конкретное сочетание общественных сил, когда пролетарское меньшинство населения может руководить массой мелкой буржуазии. С другой стороны, возможно и такое аристократическое перерождение известных слоев пролетариата, имеющего большинство в стране, когда пролетар-

---

[1]) Ленин, Выборы в Учр. собрание и диктатура пролетариата, Собр. соч., том XVI, стр. 447.

ская революция крайне затруднена [1]. Таким образом, только шаблонное, вульгарное, неконкретное, недиалектическое отношение к вопросу может привести к социал-демократическому взгляду на невозможность переворота при пролетарском меньшинстве.

Оригинальный вариант теории о незрелости самого пролетариата представляет точка зрения А. Богданова. У Богданова имеется, как известно, особая теория вызревания социалистических элементов в недрах капиталистического общества. Согласно этой теории дело обстоит так, что только тогда рабочий класс может поставить перед собой задачу завоевания власти для социалистического строительства, когда он будет уже иметь в своем распоряжении подготовленный кадр людей, могущих решать самые сложные задачи социалистического строительства. Аргументация Богданова довольно проста. Он берет, скажем, такой вопрос, как вопрос плана, и говорит: построить план социалистического хозяйства есть задача колоссально сложная. А если поставить задачу мировой организации социалистического общества, то трудность возрастет неизмеримо. Преодолеть эту трудность без соответствующих культурно-организационных предпосылок невозможно. А так как этих предпосылок еще нет налицо, то, само собой разумеется, невозможна и постановка на очередь дня самой задачи социалистического строительства.

Ввиду особой оригинальности позиции А. А. Богданова приведем наиболее характерные места полностью. На стр. 38 своей брошюры «Вопросы социализма» автор пишет:

> «Планомерная организация человечества предполагает обобщение и обобществление организационного опыта, его кристаллизацию в научной форме. Если этого нет, значит—еще не назрели исторические условия для решения задачи. Оно невозможно, как невозможна была бы система машинного производства без естественных и технических наук, обобщающих и обобществляющих технический опыт».

И далее, на стр. 68:

> «Культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть факт основной и несомненный, который надо честно признать и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего. Культура класса—это вся совокуп-

[1] См. по этому поводу замечательно интересные соображения у Ленина. „Ленинск. сборник“, III, стр. 493—494.

ность его организационных форм и методов. Если так, то какой злой иронией или каким детским неразумием представляются проекты немедленно навязать пролетариату дело самого радикального, невиданно-сложного и трудного во всей истории организационного переустройства в мировом масштабе! И это тогда, когда так часто на наших глазах распадаются и рассыпаются—нередко даже не от внешних ударов—его собственные организации».

В известном смысле не менее интересную точку зрения и очень близко стоящую к позиции А. Богданова, развивал в те годы В. Базаров. Базаров исходит примерно из тех же предпосылок, что и Богданов, но более конкретно и отчетливо формулирует свои выводы. На этих выводах, минуя их аргументацию, общий характер которой только что отмечен, и следует остановиться. Вот как они формулированы автором. Анализируя западно-европейские формы государственного капитализма, В. Базаров умозаключает:

«Ввиду всего сказанного выше, нам представляется совершенно невероятным, чтобы рабочая партия в сколько-нибудь близком будущем смогла использовать эту новую форму буржуазного строя как орудие для создания подлинно-социалистического, свободно-планомерного хозяйства. Единственно доступной для нее в данных условиях задачей является задача, формулированная германскими оппортунистами: превращения хозяйства, основанного на извлечении прибыли, «в государственную хозяйственную организацию, рассчитанную на обслуживание потребления» в «Bedarfsdeckungswirtshaft», как гласит неуклюжий термин новейшего изобретения» [1]).

Сделав поправку против оппортунистов в смысле необходимости международного характера этой организации—госкапитализма,—автор приходит к такому итоговому выводу:

«...Дело идет здесь об очень обширной и сложной организации. Но так как она нисколько не порывает с основами

---

[1]) Базаров В. (Руднев), На пути к социализму, Харьков, изд. 1-е, 1919 г., стр. 21—22.

принудительной, буржуазно-демократической государственности, так как, с другой стороны, общие контуры этой организации уже начинают вырисовываться в стихийных процессах переживаемого нами времени,—то здесь перед современной демократией встает проблема, которую нельзя признать принципиально для нее непосильной. От того, сумеет ли пролетариат проявить надлежащую инициативу и сплотить вокруг себя прочие демократические элементы, заинтересованные в успешном разрешении указанной задачи, зависит ход всемирной истории в течение ряда ближайших 10-летий, а может быть, и столетий»[1]).

Словом, этот базаровский аргумент о некультурности рабочего гласит: дай бог нам, по следам германских оппортунистов, поддерживать государственно-капиталистические организации, заправилами которых является буржуазия; где уж там социализм строить! На десятилетия, а то и на целые столетия, пролетариату придется удовольствоваться весьма остроумным занятием: поддерживать капиталистический строй в его самом концентрированном виде[2]).

Богдановско-базаровская «теория» культурно-организационного вызревания пролетариата в лоне капиталистических отношений насквозь неверна, противоречит основным фактам развития рабочего класса, насквозь идеалистична. Она неверна потому, что предполагает возможность для пролетариата, класса эксплоатируемого, угнетенного экономически, политически и культурно, «созреть» в рамках капитализма настолько, чтобы сразу оказаться готовым управлять всем обществом и иметь в своих рядах силы, решающие самые сложные задачи строительного периода. Богданов и Базаров не понимают всей принципиальной разницы между пролетарской и буржуазной революцией, между вызреванием капитализма в рамках феодального строя и вызреванием социализма в рамках строя капиталистического. По этому поводу мы в свое время писали:

«В рамках капиталистического строя пролетариат создает гениальнейшие намеки грядущей культуры, замечательные возможности дальнейшего культурного развития человече-

---

[1]) Там же, стр. 22.

[2]) Считаем нужным напомнить читателю, что такая характеристика базаровской точки зрения имеет в виду только соответствующий период времени.

ства; но в этих рамках он, культурно угнетенный класс, не может развить их настолько, чтобы подготовить себя к организации всего общества.

Он успевает подготовить себя к «разрушению старого мира». «Переделывает свою природу и вызревает он, как организатор общества, лишь в период своей диктатуры» [1]).

Теория Богданова—Базарова неверна, следовательно, и потому, что она предъявляет слишком большие требования для захвата власти, и потому, что она не понимает значения переходного периода, как периода культурного вызревания пролетариата. Если бы основания богдановской теории были верны, то задача пролетарской революции была бы так же неразрешима вообще, как задача квадратуры круга или perpetuum mobile.

В таких формах выражалась критика большевизма по вопросу относительно зрелости международного капитализма, относительно зрелости мирового хозяйства. Что же касается самого большевизма, то в этом отношении он был един и монолитен: внутри нашей партии по этому вопросу, по вопросу о зрелости капиталистических отношений мирового хозяйства, никогда никаких разногласий не было. Все оттенки, все течения, все направления внутри нашей партии по отношению к этому вопросу не выказывали скептицизма, ни одно выступление из среды большевиков не оспаривало положения о зрелости капитализма для социалистического переворота в международном масштабе, в первую очередь в так называемых передовых странах Европы.

Но совсем иначе обстоит дело, если мы возьмем другой вопрос, именно вопрос о зрелости капиталистических отношений в России: ответ на этот вопрос уже звучит разноречиво не только тогда, когда мы берем различие между большевиками и социал-демократами, эсерами и др. соглашательскими партиями; этот вопрос ставился поразному и поразному решался и внутри нашей собственной партии. И теперь он ставится тоже поразному. Ибо вопрос о возможности построения социализма в нашей стране есть не что иное как вопрос о характере нашей революции. В такой формулировке он поднимался уже не однажды.

---

[1]) См. Н. Бухарин, Буржуазная революция и революция пролетарская. Сборник „Атака“, стр. 232, 1-е издание.

Здесь точно так же будет небезынтересно и совсем небесполезно предварительно выслушать и мнения противников из социал-демократического лагеря.

Застрельщиком в борьбе против большевиков вокруг вопроса о характере нашей революции выступил, сперва очень мягко, потом поренегатски, и, наконец, совершенно как контрреволюционер, известный папа социал-демократии, Карл Каутский. В ранних своих брошюрах он выступал сравнительно умеренно. Например, даже в брошюре, против которой полемизировал т. Ленин, Каутский еще был на грани приличия, но и тогда он объективно играл роль лакейского идеологического подпевалы буржуазии [1]). В своих работах Каутский ставил вопрос о характере нашей революции довольно точно, ясно и определенно. В объемистой книге, носящей название «Пролетарская революция и ее программа», он прямо заявляет, что наша революция имеет в себе типичные черты революции буржуазной. С ней, собственно говоря, иначе и быть не может, так как эта революция происходит в стране, капиталистическая незрелость которой—факт общепризнанный. Еще у Маркса сказано,—повествует старый начетчик,—что никакое новое общество не может родиться раньше, чем старое не разовьет всех своих производительных возможностей. А, стало быть, и социализм невозможен, раз предыдущая стадия общественного развития не закончена, раз старое общество еще не исчерпало себя до конца. Вооружившись так, он лихо начинает прямую атаку против большевиков, которые, с его точки зрения, очень увлеклись ролью повивальной бабки, но выполняют ее крайне неуклюже, ибо понукают родильницу разрешиться от бре-

---

[1]) В этом отношении крайне интересен один отзыв, данный небезизвестным доктором Паулем Шиманом в брошюре, которая была издана „Генеральным секретариатом лиги для изучения борьбы с большевизмом“ и которая носит совершенно специфическое название: „Азиатизация Европы“. Этот Пауль Шиман пишет по поводу выступления Каутского буквально следующее: „Самым лучшим (понемецки сказано еще сильнее: „das weitaus Beste“) и самым убедительным, что с социально-политической точки зрения было написано о большевизме, является брошюра Каутского „О диктатуре пролетариата“ (8). А почему это „самое лучшее и убедительное“, Шиман подкрепляет своей оценкой большевизма. Он пишет по поводу большевизма: „Духовная смерть, внутреннее окостенение человечества, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы“. (Paul Schiemann, Die Asiatisierung Europas, 1919, S. S. 8, 9).

мени гораздо раньше, чем это ей полагается по законам природы. В сущности, большевики вовсе не акушеры, а просто шарлатаны-знахари, которые только рекламируют себя, как прошедших курс обучения в школе революционного акушерства, в школе Маркса. В действительности они к ней (школе Маркса) никакого касательства не имеют. У матушки-Руси вовсе не роды социализма: она просто объект экспериментов со стороны большевистских мошенников.

Словом, капитализм в России отсталый, недозрелый, а потому не здесь и социализм нужно строить,—так наставительно заключает одна из энциклик социал-соглашательского папы [1]).

Наурялу с папой-Каутским необходимо рассмотреть точку зрения, занимаемую по данному вопросу Отто Бауэром, который по справедливости может быть почтен за прелата социал-соглашательства. Нужно сказать, что прелат оказался куда обделистее и изворотливее папы: точка зрения О. Бауэра и хитрее и остроумнее позиции Каутского.

Его постановка вопроса такова. Он ни капли не отрицает, что в России—диктатура рабочего класса. Он ни капли не отрицает, что наша партия взяла власть как партия городского рабочего класса. Он говорит, что диктатура пролетариата у нас, правда, в других формах, чем в Западной Европе, но она необходима, и она есть. В Западной Европе она была бы в форме демократии, а в России она приобрела совершенно особую форму, форму «пролетарского деспотизма». У нас «деспотизм», но все же пролетарский. Но долго он не может удержаться. Его историческая задача заключается в том, чтобы всеми правдами и неправдами пробудить к культурной жизни большинство населения нашей страны; а большинство населения—это и есть мужик. Пробуждая к культурной жизни крестьянские миллионы, «пролетарский деспотизм» (диктатура пролетариата) своими собственными руками растит ту политическую силу, которая его столкнет. Как только этого крестьянина достаточно взрастит диктатура пролетарского меньшинства, так сейчас же он скажет: «Убирайся!». Тем самым будет выполнена историческая миссия «пролетарского деспотизма», и тогда наш народ дозреет до настоящей демократии.

Две следующие цитаты достаточно характеризуют позицию Бауэра. Он пишет:

---

[1]) См. Karl Kautsky, Die proletarische Revolution und ihr Programm, Verl. Dietz, 2 Aufl., S. S. 78, 90.

«В России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить свое господство только временно. Он должен неизбежно (muss) вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки» [1]. «Временное господство индустриального социализма в аграрной России есть только пламя, которое призывает пролетариат индустриального Запада к борьбе. Только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индустриального Запада можно обеспечить длительное господство индустриального социализма» [2].

За исключением Каутского и Бауэра, некоторый интерес представляет еще позиция Парвуса и Штребеля. Брошюра первого («Рабочий социализм и мировая революция—письма к немецким рабочим») содержит столько клеветы на нашу революцию, что более подлое произведение едва ли можно встретить; перлы лжи Каутского ничто в сравнении с махинациями обделистого Парвуса. Даже свою позицию 1905 года он излагает так, как будто он вовсе не говорил о социалистической революции, а говорил лишь о рабочей демократии в стиле демократии... австралийской! Разумеется, всякому понятно, что здесь налицо желание вымолить у буржуазного общественного мнения Европы извинение за грешки далекой юности,—для этого и понадобился г. Парвусу австралийский плащ.

Наша революция с точки зрения этого подлейшего из ренегатов ни больше, ни меньше, как оккупация страны дезертировавшей солдатской чернью.

«Для осуществления социализма нужна определенная степень развития индустрии и зрелость рабочего класса» [3]. Ни того, ни другого в России нет и в помине, а потому нет для нее и возможности осуществления социалистической революции, возможности строительства социализма. Историческая миссия большевиков — послужить мостом, по которому к власти придет какой-нибудь цезарь, бонапарт или кто-нибудь другой, но

[1] Otto Bauer, Bolschewismus oder Sozialdemokratie, 3 Aufl, Wien, 1921, S. 7.

[2] Там же; здесь не трудно подметить удивительное сходство позиции Бауэра со взглядами тов. Троцкого. Но об этом ниже.

[3] Parvus, Der Arbeitersozialismus und die Weltrevolution. Briefe an die deutschen Arbeiter, Berlin, 1919, S. 15.

в том же роде. Таков клеветнический «итог», который подводит нашей революции разудалый купчик-Парвус, не раз пытавший счастье сбыть подмоченный товаришко на нашем политическом базаре.

Что касается до последнего упоминаемого нами автора Штребеля, то он попытался свои взгляды на нашу революцию развить в целую теоретическую «систему».

В брошюре, носящей характерное название «Не насилие, а организация», Штребель, рассуждая о «сущности русской революции», заявляет, что было бы совершенным вздором говорить о коммунистической пролетарской революции, ибо основным фактом нашей революции является укрепление частной собственности крестьянина, а укрепление частной собственности крестьянина и есть то, что все решает, что определяет характер этой революции. Кто этого не понимает, тот не марксист, тот «комнародник»—выражаясь современным языком, и т. д. В итоге Штребель и сводит большевизм к бакунизму.

> «Если большевики и воображали,—пишет Г. Штребель,—что русских крестьян можно пропагандой (Zureden) и принуждением завоевать на сторону действительного коммунизма и коммунистического способа производства, то они доказывали лишь вновь, что они обретаются в плену типичных представлений старого русского революционаризма, которые составляют специфическую сущность бакунизма» [1]).
>
> «Крестьяне... представляют, по крайней мере, семь восьмых всего населения Советской России. Вес их числа и их хозяйственного значения решает в конце концов судьбу революции вообще! Сколько фантастики и сколько фанатической веры в чудеса нужно в таких условиях иметь, чтобы считать русскую революцию за революцию коммунистическую по ее внутреннему характеру и по ее конечному результату!» [2]).

Не социализм строят русские большевики, а унавоживают почву для расцвета нового капиталистического строя,—таков итог анализа нашей революции, данного международной социал-демократией.

---

[1]) Heinrich Ströbel, Nicht Gewalt, sondern Organisation, Berlin, 1921, Verl. „Der Firn", S. 12.

[2]) Там же, стр. 13.

В России—незрелые капиталистические отношения, это—полуазиатская страна, соответствующие классовые отношения которой находят свое выражение в колоссальном числовом перевесе крестьянства; пролетариат плавает, как муха, в крестьянском молоке, и этот пролетариат-муха, поставленный перед слоном-крестьянином, не может проделать никакой коммунистической революции. Гиря крестьянства тянет все сильнее, эта гиря и решает вопрос о характере русской революции. И какие бы маскарадные костюмы ни надевали на себя активные деятели русской революции, какие бы лозунги ни выдвигали, что бы ни придумывали—все равно: в конце концов, так или этак, вопрос будет решать крестьянство. Единственный смысл всей революции есть укрепление частной собственности крестьянства. Объективный смысл крестьянской революции есть не что иное, как раскрепощение крестьянства от феодальных пут. Это и определяет буржуазный характер русской революции. Таков «отзыв» международной социал-демократии.

Теперь нелишне будет взглянуть на наших соотечественников, русских меньшевиков. Они рассуждали тоже примерно так, как рассуждали их западно-европейские коллеги. Возьмем такого классика русского меньшевизма, как Георгий Валентинович Плеханов, который теоретически был наиболее последовательным. В свойственном ему стиле, с «книжной простотой» оценивая характер нашей революции, он писал: «Маркс прямо говорит, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил. Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, т. е. что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему. Россия страдает не только от того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами» [1]). А в открытом письме петроградским рабочим от 28 октября 1917 г. Г. В. Плеханов приводил и другие аргументы. Он писал:

---

[1]) Г. В. Плеханов, Год на родине. Полное собрание статей и речей 1917—1918 гг. в двух томах; изд. Поволоцкого и К°, Париж 1921, т. I, стр. 26.

«В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист» [1]).

Или вот мнение по этому же вопросу уже упоминавшегося П. П. Маслова, бывшего в то время ортодоксальным меньшевиком:

«Рабочий класс в России не может взять на себя организацию производства, потому что он представляет собою меньшинство населения страны. Другие классы даже численно значительно преобладают» [2]).

Или, в другом месте:

«Происходящая революция, будучи буржуазной революцией, т. е. сохраняющей все основы капиталистического строя, может вместе с тем быть—и неизбежно будет—социальной революцией, которая повлечет значительный сдвиг экономических отношений не в сфере организации производства, а в сфере распределения национальных доходов между разными классами» [3]).

(Т. е. рабочие будут немножко больше получать, а крестьяне будут немножко меньше облагаться налогами и т. д.).

Так писали столпы меньшевизма, лучшие меньшевистские идеологи, еще в начале революции, давая характеристику этой революции, как революции необходимо и неизбежно буржуазной.

Отсюда понятно, что по мере того, как все дальше и дальше шла развязка событий, как все прочнее и прочнее становилась власть большевиков, как все тверже и тверже чувствовал себя авангард пролетарской диктатуры, в конце концов должна была зазвучать—и действительно все настойчивее и настойчивее стала звучать—нотка о неизбежности... большевистского перерождения.

Если сначала резче и громче звучала нота о неизбежной неудаче, о гибели большевиков, то во второй период, поскольку большевики уже закрепились у власти, все громче и громче за-

---

1) Там же, т. II, стр. 246.

2) Маслов П., l. c., стр. 143.

3) Там же, стр. 142.

звучало другое: большевики удерживаются, но большевики уже не те; большевики укрепляются, но они перерождаются под влиянием крестьянской стихии. Иначе и быть не могло: кто признает буржуазный характер за нашей революцией, тот, естественно, до укрепления советов должен был вопить о неизбежной неудаче пролетарского переворота, а после укрепления неизбежно должен был заговорить о перерождении.

Эту нотку необыкновенно хорошо выразил Далин, один из видных меньшевиков вообще, один из теоретиков вымирающего меньшевизма — в частности. В своей книге «После войн и революций» он пишет: «Нужно понять смысл событий, нужно сорвать маскарадные одежды. Нужно смыть краски и белила; судить не по словам, а по делам; не по намерениям, а по итогам. Нужно понять объективный смысл революции» [1]). А этот «объективный» смысл революции вот в чем: «Та революция, которую переживает Россия вот уже пятый год (писано в 1922 году.—*Н. Б.*), с самого начала была и остается до самого конца буржуазной революцией» [2]). Ставится вопрос: «Почему таков итог коммунистической революции?». И дается ответ: «Потому, что интересы крестьянства решали судьбу всей политики» [3]).

В этом же отношении интересна позиция уже цитировавшегося нами Либера, этого махрового правого меньшевика. Вот что писал Либер в той же своей брошюре, обобщая свои мысли о невозможности социализма в России: «...Для нас, «не переучившихся» социалистов, не подлежит сомнению то, что социализм прежде всего может быть осуществлен в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития; Германия, Англия и Америка—вот те страны, в которых прежде всего есть основание для очень крупных победных социалистических движений (это в Америке-то «прежде всего» «есть основания для очень крупных победных социалистических движений»!—*Н. Б.*). Между тем, с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против

---

[1]) Д. Далин, После войн и революций, изд. „Грани", Берлин, 1922 г. Стр. 10.

[2]) Там же, стр. 7.

[3]) Там же, стр. 13.

первых марксистов»[1]). Значит, большевизм это есть народническая теория, в борьбе с которой развивался русский марксизм. (Как тут не вспомнить «новейшие» упреки в «комнародничестве»!) Но и этого недостаточно нашему «мыслителю». Нужна еще более компрометирующая марка для представителей большевизма. Народников г. Либеру маловато. Поэтому он «углубляет» постановку вопроса и пишет: «Эта теория (большевистская теория.—*Н. Б.*) очень старая; корни ее—в славянофильстве»[2]).

Своеобразно, но в том же основном стиле решал вопрос о характере нашей революции А. Богданов. Большевики захватили власть, использовав слабость буржуазии после войны, которая (буржуазия) обанкротилась. Захват власти, осуществленный при помощи солдатчины, ни в какой мере не является началом социалистической революции: пролетариат еще не дозрел до социализма, а крестьян—большинство. Поэтому-то государство, которое создают большевики, отнюдь не есть государство пролетариата. Это государство техническо-организаторского слоя, интеллигенции, которая сложилась теперь, как класс. Если даже в субъективные намерения большевиков и не входило создание такой власти, то объективно их роль сводится к строительству оригинального государства, во главе которого стоит новый класс, окончательно сконсолидировавшийся в огне революции. Подвергаясь чиновничьему, бюрократическому перерождению, выходцы из пролетариата сами превращаются в составные части этого нового класса. Объективная невозможность социализма и здесь сказала свое решающее слово, вопреки субъективным иллюзиям самих агентов революционного процесса.

---

1) М. И. Либер, I. с., стр. 16.

2) Там же, I. с., стр. 17. Читатель видит, что г. Либер искажает большевистскую постановку вопроса, смешивая вопрос о том, кто раньше „начал“, с вопросом о высоте типа революции. Империалистический фронт был прорван у нас раньше, и пролетариат захватил власть раньше, что в значительной мере обусловливалось слабостью российской буржуазии. С другой стороны, строить нам труднее из-за технико-экономической отсталости страны. Все это не раз разъяснялось в большевистской литературе. Отметим также, что „новейшие“ рассуждения о „национальной ограниченности“ имели своих славных предшественников в рассуждениях Штребеля, Либера и К⁰. „Славянофильство“ большевиков — это даже будет покрепче Если г. Либер зачисляет большевиков в лоно славянофилов, то г. Чернов обвиняет нас в планировании идей т. н. „максималистов“. „Русские народники-максималисты пророчески предвосхитили в своих фантазиях едва ли не все крупнейшие большевистские эксперименты“ (В. Чернов, Конструктивный социализм, т. I, Прага, стр. 162).

Заслуживает быть отмеченным, что и Базаров, который не раз выступал литературным близнецом Богданова, не мог согласиться на признание социалистического характера нашей революции. В качестве социалистической наша революция выступает, по его словам, лишь в большевистских декларациях, в действительности же целая пропасть разделяет эти декларации и действительность, пропасть, на заваливание которой у пролетариата уйдет не одна сотенка лет» [1]).

Такова в общем оценка нашей революции в том виде, как она дается русским оппортунистическим социализмом, в первую очередь, меньшевиками. Она сводится к тому, что у нас не созрели капиталистические отношения; что в стране соотношение сил в высшей степени неблагоприятно для пролетариата; что характер русской революции определяется крестьянством; что тем или иным путем, через партию большевиков, или помимо этой партии, по ее инициативе или против ее воли, с сохранением ее у власти и перерождением, или с ниспровержением ее,—прокладывает себе дорогу новый капитализм, опирающийся на крестьянское большинство нашего населения. Такова социал-демократическая теория по вопросу о характере нашей революции, или, что то же самое, о возможности построения социализма в нашей стране.

Этим исчерпана критика большевизма по данному вопросу, исходящая из небольшевистских рядов. Очередь за критикой, идущей из тех групп и направлений, которые находятся внутри нашей партии.

Просмотр критиков этой последней категории целесообразнее всего начать с т. Троцкого, тем более, что критика Троцкого столь назойлива и криклива, что буквально у всех в зубах навязла. Здесь достаточно лишь напомнить два места, неоднократно приводившиеся в литературе, привести их с тем, чтобы сделать кое-какие сопоставления с критиками, только что разбиравшимися. Вот эти места из работ Троцкого: «Для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. Приэтом он придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии... но и с широкими массами крестьян-

---

[1]) См. Базаров, I. с.

ства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. Взорвав в силу исторической необходимости ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т. е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой» [1]).

Это первое место из работ Троцкого, относящихся к 1922 г. (!).

А вот второе место: «Без прямой государственной поддержки (курсив наш.—*Н. Б.*) европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты» [2]). Если дать себе труд сравнить то, что говорит здесь т. Троцкий, с тем, что говорил социал-демократ О. Бауэр,—то невольно отмечается необычайная близость, если не сказать полное совпадение этих точек зрения. Если т. Троцкий в 1922 г. не отрицал в России наличия пролетарской диктатуры, то и для хитрого Бауэра эта диктатура—тоже факт. Но, с другой стороны, если хитрый прелат социал-демократического папского престола осторожненько вводит маленькое ограничение: диктатура-то пролетарская, но весьма и весьма недолговечная, и прочность ее стоит в прямой зависимости от государственной помощи западного пролетариата,—то и трибун революции Троцкий ни на иоту не отступает от Бауэра: он тоже (очевидно, из боязни впасть в грех национальной ограниченности) не допускает и мысли, что без прямой государственной поддержки российский пролетариат обеспечивает переход своего временного господства в длительную социалистическую диктатуру.

Как ни хитри, как ни верти, а сходство, скромно выражаясь, бьет в нос. Позиция Троцкого в вопросе о возможности построения социализма в нашей стране (или—что то же самое—в вопросе о характере нашей революции) есть ни больше, ни меньше, как русский перевод бауэровского социал-демократического варианта.

---

[1]) Предисловие к книге „1905 г.“ 1922 г.

[2]) Л. Троцкий, Наша революция, цит. по кн. Бухарина К вопросу о троцкизме, ГИЗ, 1925, стр. 114.

Вот почему и оказался возможным тот факт, что в борьбе с ленинским ЦК русских большевиков т. Троцкий очутился в одной компании с приобретшим ныне печальную известность ренегатом Коршем и его друзьями. Ведь сей почтенный муж, проповедью крестового похода на русскую революцию искупляющий свои грехи коммунистического падения, тоже узрел, осененный благодатью Каутского, буржуазно-крестьянский характер нашей революции и теперь вещает, что русские большевики взращивают ростки нового, американского типа, капитализма. Что же тут удивительного? Раз нет пролетарской государственной помощи с Запада, немудрено, что пролетарская диктатура начинает превращаться в «далеко не пролетарскую», немудрено, что она «сползает» с классовых рельс. Это ведь элементарно-простой вывод из бауэровско-троцкистских посылок...

Покончив на этом с Троцким, мы должны разобрать весьма своеобразный вариант «дружественной» критики ленинской точки зрения на характер нашей революции: мы имеем в виду критику Ленина со стороны тт. З и н о в ь е в а, К а м е н е в а и др. в период О к т я б р ь с к о й р е в о л ю ц и и; своеобразие этой критики сказалось в том, что указанные товарищи противопоставляли Ленину не только свою теоретическую «линию», но выставили «по-дружески» и п о л и т и ч е с к у ю к о н т р п л а т ф о р м у. Но предварительно необходимо остановиться на критике ленинской точки зрения, которую (критику) давал К а м е н е в н а а п р е л ь с к о й к о н ф е р е н ц и и 1917 г. Это сделать совершенно необходимо, ибо апрельская позиция Каменева, выявленная особенно четко в его содокладе на Всероссийской конференции, является идейным истоком и теоретическим обоснованием всей дезертирской о к т я б р ь с к о й линии названных товарищей.

На апрельской конференции в докладе Ленина и содокладе Каменева ставился вопрос о характере начавшейся революции, о тех классах, которые могут быть и являются ее движущими силами. Конференция, намечавшая линию поведения партии на ближайший период,—а период этот был периодом развертывания революции,—не могла не ответить на вопрос, какая же революция развертывается, только буржуазная или же перерастающая в социалистическую. И докладчик (Ленин) и содокладчик (Каменев) этот вопрос ставят и на него отвечают. Приэтом Ленин задачу будущего, и будущего ближайшего, будущего ближайших месяцев, видит в том, чтобы «сделать первые конкретные шаги к этому переходу» (т. е. переходу на рельсы социалистической револю-

ции). Для Каменева же думать, подобно Ленину, что «эта революция не буржуазно-демократическая, что она приближается к социалистической»,—думать так—значит впадать в «величайшее заблуждение». «Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок (между рабочим классом и мелкой буржуазией.—*Н. Б.*) не мог бы существовать, и перед ним никаких определенных задач не было бы, а пролетариат вел бы революционную борьбу против мелкобуржуазного блока. Совместная работа в этот момент была бы совершенно невозможна. И, однако, мы признаем... Советы, как центры организации сил, следовательно, признаем, что есть задачи, которые могут быть выполнены союзом рабочих и крестьян. Значит, буржуазная революция еще не закончилась, еще не изжила себя, и я думаю, что все вы должны признать, что при полном окончании этой революции власть действительно перешла бы в руки пролетариата. Вот тогда бы наступил момент разрыва блока пролетариата с мелкой буржуазией и самостоятельное осуществление самим пролетариатом своих пролетарских целей. Я думаю, что должна быть одна из двух тактик: или перед пролетариатом стоят задачи, которые могут быть осуществлены только пролетариатом, и ни одна из общественных групп ему помочь не может,—и тогда мы разрываем блок и идем на осуществление тех идей, которые должны быть выполнены пролетариатом; или мы считаем, по условиям текущего момента, блок жизненным, имеющим будущее,—и тогда мы в этом блоке участвуем и строим нашу тактику так, чтобы этот блок не разорвать. Поэтому я говорю, что пролетарская партия должна выделиться в этом блоке и наметить ясно и точно свои собственные, чисто-социалистически-интернациональные цели. Мы идем с блоком и еще можем сделать совместно с ним несколько шагов. Я хочу, чтобы пролетарская партия действительно поступила так» [1]).

Здесь попутно разрешается и другой вопрос (вернее, другая сторона той же проблемы), вопрос о роли крестьянства в пролетарской революции, вопрос о том, может ли еще крестьянство быть использовано в качестве силы, способной помогать революции. Точка зрения Каменева здесь тоже ясна: ни о какой пролетарской диктатуре, которая бы шла вместе с крестьянством, не может быть и речи; ни о какой диктатуре рабо-

---

1) Петроградская общегородская и всероссийская конференция РС-ДРП (б) в апреле 1917 г., ГИЗ, 1925, стр. 53.

чего класса, где пролетариат занялся бы строительством социализма вместе с крестьянством, руководя этим последним, не может быть и речи. Каменеву, наоборот, момент взятия власти пролетариатом, момент, с которого пролетариат может приступить к фактическому строительству социализма, представляется именно моментом разрыва блока с крестьянством. Не союз с крестьянством, а только борьба, и борьба непримиримая,—вот что мерещилось Каменеву в начале революции.

Само собой понятно, что этот теоретический анализ нашей революции, эта оценка ее движущих сил и соотношений между рабочим классом и крестьянством, это утверждение невозможности рабоче-крестьянского блока при пролетарской диктатуре и т. д.—целиком и полностью определили позицию т. Каменева и его соратников в октябрьские дни. Каменев, оказавшись в оппозиции Ленину и большинству ЦК в октябрьские дни, в качестве последовательного человека, делал практические выводы из своей теории, развивавшейся им, в противовес теории Ленина, на апрельской конференции. Другие, шедшие с ним, с последовательностью или без оной, тоже ничего иного не делали, как выводили следствия из первой «дружеской» попытки теоретической ревизии ленинизма. Ведь в самом же деле, если взятие власти пролетариатом означает обязательное столкновение с крестьянством, то нельзя принимать участие в правительстве диктатуры пролетариата, нельзя звать пролетариат на восстание, ибо разгром его предусмотреть можно с астрономической точностью. Отсюда и письма против восстания, отсюда и выходы из ЦК и СНК.

Действительно, посмотрите, что составляет лейт-мотив всех и всяческих документов, «обосновывавших» и «объяснявших» эти безобразные выходы и уходы, этот срыв партийной дисциплины, это бегство с поля битвы. Вот документ, подписанный, между прочим, и тов. Шляпниковым: «Мы стоим,—говорится в нем,—на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий» (тогда под советскими партиями разумелись не те, которые стоят на «советской платформе», а те, которые тогда входили в состав Советов, т. е. большевики, меньшевики и с.-р.—*Н. Б.*). «Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто-большевистского

правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет народных комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК'ом звание народных комиссаров» [1]).

Вот коротенькая, но красноречивая цитата из длинного письма Зиновьева, Каменева и других: «Мы уходим из Центрального комитета,—пишут они,—в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим, потому что мы не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата» [2]).

Само собой разумеется, что эти политические выводы взяты не с потолка; нет, они совершенно «правильно» сделаны, как следствия определенной точки зрения, характеризующей нашу революцию. В самом деле, раз у нас буржуазная революция еще далеко не закончена и еще не перерастает в социалистическую (а это потому, что пролетариат у нас слаб, а большинство населения страны—крестьянство—не может быть использовано в качестве силы, хотя бы только содействующей пролетарской революции), то, стало быть, и диктатура пролетариата—в данных условиях—задача неосуществимая, затея несбыточная и опасная. Конечно, можно заставить партию, очертя голову, броситься в эту авантюру, но путного из этого, как и из всякой авантюры, ничего не выйдет: партию ждет или немедленный разгром, или неминуемая гибель по истечении короткого срока ее господства. Иначе и быть не может: ведь даже и закрепившись у власти, она это положение сможет обеспечить не иначе, как голым насилием, штыком диктатуры, а позиция на штыке и непрочная и малоудобная. Партия в таком положении не сможет предотвратить свой собственный отрыв от пролетариата, благодаря этому отрыву сузит круг революционных сил до своих собственных пределов, и, выявив, вопреки своим собственным желаниям, неразумность, бессмыслицу, недействительность своего шага, отдаст революцию на поток и разграбление.

---

[1]) Архив революции 1917 г. Октябрьский переворот. Факты и документы. Состав. Попов, под ред. Н. Рожкова. Петроград, 1918, изд. „Новая эпоха", стр. 408.

[2]) Архив революции 1917 г., стр. 409.

Тут нелишне будет отметить, что среди этих первых выводов из теории неверия в возможность у нас социалистической революции, теории недоверия к силам нашего пролетариата и недооценки крестьянства, уже звучат нотки, которые потом из раза в раз будут повторяться при каждой вспышке оппозиционных настроений. Пролетариат слаб, помощи ждать неоткуда—не со стороны же деревни!—куда же думать о построении социализма?! Попытки этого построения обречены на неудачу,—они обязательно будут вырождаться в свою противоположность; упорство в их проведении приведет лишь к вырождению нового режима в безответственный режим бюрократического, аппаратного нажима, политического террора, к отрыву масс и в конце концов к вырождению самой партии. Словом, доброго из попыток большевиков строить социализм «в одной стране» ничего не выйдет, а другого сколько хочешь: пожалуй, и до «азиатского окостенения», о котором говорил упоминавшийся немецкий буржуа, Шиман, дело может дойти!..

Теперь позволительно сделать кое-какие выводы.

Прежде всего, сопоставление всех изложенных и разобранных выше точек зрения европейской социал-демократии, Богданова—Базарова, русских меньшевиков, Троцкого и Каменева—Зиновьева устанавливает их полное совпадение в основном: в вопросе о характере русской революции, в вопросе о соотношении внутренних сил русской революции, в вопросе о зрелости экономической структуры России с точки зрения возможности определенных социалистических достижений. В пределах этих вопросов можно говорить, нисколько не преувеличивая действительного сходства, о тождестве в основном всех этих перечисленных позиций. Само собой разумеется, что, указав на общность исходной позиции, мы не хотим тем самым указать и на одинаковость выводов, к которым приходили, отправляясь от нее, все перечисленные группировки. Нет, выводы делались разные: одни стали героями революции, другие бились против революции, третьи болтались позорно в ногах. Справедливость требует отметить, что выводы не совпадали даже в пределах одной и той же группировки. Так, например, Плеханов отходил от своих друзей, отказываясь, как теперь уже известно, от попыток расправы с пролетарской, хотя и «преждевременной», но все же пролетарской, революцией. Выводы были различны и в пределах другой группировки: Троцкий в октябрьские дни делал одни вы-

воды, идя в передовых шеренгах бойцов, Каменев—Зиновьев—другие. Троцкий рассчитывал: хотя в силу внутренних причин гибель и неизбежна, но, может быть, вывезет государственная помощь западного пролетариата. Поэтому: вперед! Каменев—Зиновьев соображали: именно потому, что гибель неизбежна по внутреннему сочетанию сил, нечего итти так быстро вперед: осади назад.

Выводы, повторяем, различны, а теоретическая подоснова (в смысле оценки движущих сил революции, в смысле подхода к оценке рабоче-крестьянского блока, в смысле решения вопроса о сочетании сил и о возможности для маленького рабочего класса вести за собой громадную крестьянскую махину; в смысле решения вопроса о неизбежности конфликта между этими силами; в смысле решения вопроса о характере русской революции, т. е. о возможности социализма в нашей стране)—подоснова всего этого у них одна и та же. И эта «подоснова» настолько далека от ленинской постановки вопроса, что если и напоминает эту последнюю, то только по противоположности, но ни в коей мере не по сходству. Ленинская постановка вопроса о зрелости капитализма в России не так упрощенно-дубовата, как представляется многим умникам, критиковавшим Ленина. Ленин никогда не оспаривал утверждения, что материальных предпосылок для строительства социализма в России много, много меньше, чем в Западной Европе или в Сев. Америке. Но с другой стороны, по его мнению, ни в одной стране нет такого положения, что после захвата власти коммунистами социализм сразу рождается готовым со всех решительно сторон. В каждой стране, даже в самой развитой, даже в С.-А. С. Ш., будет такое положение вещей, что пройдет довольно большой исторический этап до тех пор, пока организация хозяйства охватит целиком весь народно-хозяйственный комплекс. Однако Ленин считал, что и в отсталом хозяйстве России существует островок, который может послужить для начала социалистических операций. Это тем более, что внутри страны мы имеем особое сочетание «пролетарской революции с крестьянской войной», сочетание, которое Марксом считалось за наиболее благоприятное условие пролетарской победы. Особые условия рождения революции из империалистской войны, особое сочетание сил внутри страны, наличность известной материальной базы как отправного пункта движения—все это по совокупности дает почву для систематического продвижения вперед на рельсах социалистической революции. Нужно

лишь тщательно укреплять социалистический сектор хозяйства, превратив его в базу для своих операций, и тогда, пользуясь им, как командной высотой, планомерно и без излишней поспешности вести захват всей стихии хозяйства под социалистическое влияние.

После всего вышеизложенного нелишне будет поставить вопрос, какие должны быть сделаны выводы при последовательном применении этой точки зрения неверия в возможность построения социализма в наших условиях, точки зрения, общей и европейским социал-демократам, и Богданову—Базарову, и Троцкому, и Каменеву—Зиновьеву. Мимоходом мы уже касались этого; теперь необходимо подчеркнуть это еще более резко. Оказывается, что, будучи последовательно применяема, эта точка зрения неверия приводит к одному из двух возможных следующих положений: если нет победоносной международной рабочей революции, то большевики гибнут либо в результате их низвержения, либо они гибнут в результате своего собственного перерождения. Ничего другого быть не может. Потому что, если нет объективных предпосылок для социалистической революции, если пролетарская диктатура, как пролетарская диктатура, не может длительно существовать, то она может сохранить, в лучшем случае, свою форму, меняя свое содержание, т. е. пролетарское государство должно становиться «далеко не пролетарским государством». Если в области социально-классовой у нас есть огромный перевес крестьянства, и если столкновение с ним неизбежно, то тогда неизбежно должно получиться перерождение (если мы «сохраняемся») нашего государства, которое делает все больше и больше, под давлением крестьянства, уступок этому крестьянству, идущему на поводу зажиточных слоев. Таким образом будет развиваться конкретная форма перерождения нашего государства, его «окулачивание». Другими словами: в тех оппортунистических предпосылках, которые были заложены еще летом 1917 г., целиком заключается идеология теперешной оппозиции, которая, исходя из факта нашего существования, толкует о тенденциях нашего перерождения. Теоретическая установка оппозиции неизбежно влечет за собою такие выводы. Правда, эти выводы раньше оппозиционных коммунистов сделали социал-демократы,— в этом отношении можно было бы произведения Каутского на-

звать vademecum всесоюзной коммунистической оппозиции, т. е. спутником оппозиционного коммуниста. Но это обстоятельство лишь подчеркивает идейное отклонение нашей оппозиции от ленинизма. Если она говорит об «окулачивании», то Бауэр говорил то же самое гораздо раньше. Он и сейчас говорит, что в нашем хозяйстве есть много социалистических элементов; он считает и сейчас, что мы не совсем рабочая партия; он «только» полагает, что мы начинаем пахнуть крестьянским духом, и такова, повидимому, наша неизбежная судьба. Пауль Леви в предисловии к одной антиленинской брошюре тов. Розы Люксембург (брошюре, которую он издал вопреки воле покойной революционерки) пишет то же самое. Далин пишет в своей книге, которую мы уже цитировали, что «субъективно» у нас была пролетарская революция, объективно же она есть не что иное, как буржуазная революция, ибо это—революция неизбежно крестьянская и т. д., и т. п. А другая теоретическая струя—Богданов и Базаров,—разве это не теория нашего неизбежного бюрократического перерождения, теория, с которой так носится теперь объединенная оппозиция? Если социал-демократы подчеркивают в первую очередь крестьянскую сторону, то Богданов со всей решительностью подчеркивает вторую половинку процесса нашего «перерождения», а именно наше бюрократическое (техническо-интеллигентская бюрократия, каста «организаторов») вырождение. В речах некоторых оппозиционеров в Коммунистической академии прозвучали нотки насчет «кавеньяков». Но и эта глупость не оригинальна: она была давным давно «открыта» и Парвусом, и Каутским, и другими джентльменами, потому что эта компания не верит, что у нас возможна победоносная революция. А так как «проклятые большевики» не уходят со сцены, то остается одна возможность, одна надежда, одна светлая звезда: перерождение, бонапартизм, цезаризм и прочие «термидоры». Теория перерождения стоит целиком на плечах социал-демократических, богдановских, троцкистских и каменево-зиновьево-октябрьских предпосылок...

После этого исторического введения можно заняться тем же вопросом, но в той его особой постановке, какую он получил в литературной дискуссии с оппозицией. Мы переходим к вопросу о «строительстве социализма в одной стране». Целесообразнее всего взять ту формулировку, которая дана т. Зи-

новьевым, так как эта формулировка может быть рассматриваема, как своего рода официоз нашей оппозиции.

Тов. Зиновьев ставит вопрос таким образом. Он говорит, что нужно различать две вещи, а именно: «1) обеспеченную возможность строить социализм—такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может (!) мыслиться (!!) и в рамках одной страны и 2) окончательное построение и упрочение социализма» [1]).

Вот какова постановка вопроса. Тов. Зиновьев в первую очередь ссылается на цитату из Ленина. На X съезде Ленин говорил, что об окончательном успехе социалистической революции в России речь может итти «лишь при двух условиях»: 1) при условии поддержки со стороны революции в передовых странах и 2) при соглашении с большинством крестьянства.

Тов. Зиновьев приводит далее целый ряд цитат из Ленина, цитат, где Ленин утверждает, что «окончательная победа социализма в одной стране невозможна».

Нет никакого сомнения в том, что у Ленина можно найти чрезвычайно много цитат, которые следует обобщенно формулировать, как положение о невозможности окончательной победы социализма в одной и именно нашей стране; эта формулировка, в том ее понимании, которое противопоставляется нами зиновьевскому пониманию (о чем ниже), абсолютно правильна.

Прежде чем перейти к ее толкованию, нужно, однако, сказать, что цитатам, приводимым Зиновьевым, можно противопоставить ряд других цитат, в том числе и таких, которые приводятся точно так же и в книге т. Зиновьева. Мы приведем три следующих цитаты, которые, формально-логически рассуждая, как будто бы противоречат тому тезису, на который в первую очередь опирается т. Зиновьев. А именно, у самого же т. Зиновьева, на странице 269 его книги, в связи с цитатой из Ленина о законе неравномерности капиталистического развития, приведено следующее рассуждение:

> «Победивший пролетариат этой (вступившей на путь революции.—*Н. Б.*) страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других

[1]) Г. Зиновьев, Ленинизм, ГИЗ, Ленинград, 1926, стр. 26.

стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств».

Самое интересное в этой цитате—это мысль Ленина, что пролетариат не только победит, но и организует у себя социалистическое производство. Значит, здесь т. Ленин говорит о возможности организации социалистического производства, т. е., если перевести это с иностранного на русский язык, о возможности построения социализма в одной стране.

Приведем другую цитату из статьи «О кооперации». Здесь т. Ленин пишет, что у нас есть «все необходимое для построения полного социалистического общества» [1]). И дальше: «Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» [2]). Итак, не подлежит сомнению, что т. Ленин безусловно считает возможным построение полного социалистического общества, т. е. он считает возможными не только попытки строительства, но и построение социализма. Мы строим социализм и можем его достроить, потому что мы имеем «все необходимое и достаточное» для этого. Теперь попробуем сопоставить все, что говорится в этих цитатах. Итак, с одной стороны, говорится, что окончательная победа социализма в одной нашей стране невозможна, с другой—что мы можем организовать социалистическое производство и что мы имеем все необходимые условия для достижения полностью нового социалистического общественного строя. Как же примирить эти, повидимому, противоречивые утверждения? И есть ли здесь противоречие у самого Ленина? Не стоял ли он в одном случае на одной точке зрения, в другом—на другой? Или здесь скрывается нечто, чего как раз и не понимает наша оппозиция? Если посмотреть на все выступления товарищей из оппозиции, всюду увидишь стремление опереться на первый ряд цитат,—они якобы подтверждают «теорию» оппозиции. Но те же самые оппозиционеры скрывают, не подвергая анализу, другую серию цитат, которую выдвигают против них сторонники Центрального комитета. Где же найти ключ для разрешения всего этого? Этот ключ нужно искать у самого Ленина, и его можно найти чрезвычайно легко, если внимательно присмотреться к выска-

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 140.

[2]) Там же.

зываниям Ленина, особенно к высказываниям, содержащимся в последних работах Ленина. Нам думается, этот ключ для решения задачи можно найти в следующей цитате, взятой из той же статьи «О кооперации».

Ленин пишет здесь: «Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе» [1]).

Эта самая цитата и говорит о том, как нужно толковать ряд положений Ленина относительно того, что окончательная победа социализма в одной стране (в нашей стране.—*Н. Б.*) невозможна. Его мысль сводится к следующему. Если мы будем исходить из сочетания сил внутри нашей страны, то, несмотря на отсталость нашей страны, несмотря на огромные трудности, определяемые этой отсталостью, мы имеем все необходимое и все достаточное для построения социализма, мы можем строить и можем построить социалистическое общество. Эта ленинская позиция есть позиция, совершенно противоположная позиции социал-демократов; это есть позиция, совершенно отличная от позиции т. Троцкого; это есть позиция, в корне иная, чем позиция тех «оттенков», «течений» и «групп», которые считают, что (так как у нас огромное большинство населения составляет крестьянство) при таком сочетании общественных сил мы неизбежно осуждены на гибель или вырождение. Это есть отрицание такой позиции по всему фронту. Тезис Владимира Ильича относительно возможности построить полный социализм есть в то же время ответ на вопрос о характере русской революции. Это есть ответ на вопрос о том, можно ли, или нельзя, по внутренним причинам, строить и построить социализм, и ответ этот есть ответ положительный. Но этот ответ еще не весь ответ: рядом с этим Владимир Ильич говорит: но ведь мы не живем одни на белом свете; кроме внутреннего сочетания сил в нашей стране, есть еще международная обстановка; эта обстановка чревата разными опасностями; она грозит целым рядом этих опасностей: войн, интервенций, блокад и т. д.; она связана с международным нашим долгом развивать международную революцию дальше. У нас нет поэтому в кармане гарантии, что в действительности мы достроим без помощи западно-европейского про-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 144—145. Подчеркнуто нами.

летариата социализм, что мы доведём революцию до конца, т. е. дойдем до полного социалистического общества. Итак, когда Ленин говорит о том, что окончательная победа социализма невозможна в одной стране, он этим хочет сказать: не позабывайте, что у вас есть еще международное окружение; не скулите по поводу того, что не можете строить социализма благодаря нашей технико-экономической отсталости, ибо все же у нас есть все для построения социализма; но не позабывайте, что вы не живете одни на свете, не позабывайте, что вы находитесь в международном окружении, что с этой стороны против вас расположены огромные силы международного капитализма. Именно эта мысль и выражена в той цитате, которую мы привели, мысль, которую приводит бесконечное количество раз т. Зиновьев в разных вариантах. Если просмотреть все выдержки из Ленина (в том числе и приводимые тов. Зиновьевым в его «Ленинизме») против «окончательной победы социализма в одной стране», то можно без труда увидеть, что речь идет именно о внешних опасностях. Между тем тов. Зиновьев запутывает вопрос, смешивая в одну кучу внутренние и внешние опасности. В этом отношении чрезвычайно любопытно следующее. На стр. 278 своей работы тов. Зиновьев пишет:

«Никто, надеемся, не упрекнет в пессимизме такую книгу, как «Азбука коммунизма». Эта книга писалась тогда, когда революция наша шла триумфальным шагом от победы к победе. В ней мы читаем:

> «Коммунистическая революция может победить только как мировая революция... При таком положении, когда рабочие победили только в одной стране, очень затруднено экономическое (везде подчеркнутое—в подлиннике) строительство, организация хозяйства... Если для победы коммунизма необходима победа мировой революции и взаимная поддержка рабочими друг друга, то это значит, что необходимым условием победы является интернациональная (международная) солидарность рабочего класса».

Это не «пессимизм», это—просто—азбука коммунизма (без кавычек).

Таким образом, тов. Зиновьев в простоте душевной полагает, что он может прикрыться азбукой коммунизма. Увы! В дей-

ствительности эта азбука (равно как и «Азбука») говорят целиком против него.

Прежде всего посмотрим, где тов. Зиновьев поставил многоточие. Он его поставил два раза. Заглянем, что же стоит в «Азбуке» на этих местах? А вот что. Вслед за положением, что коммунистическая революция может победить лишь как мировая революция идет следующее выпущенное тов. Зиновьевым место:

> «Если бы получилось так, что в одной какой-нибудь стране рабочий класс стал у власти, а в других странах он был не за страх, а за совесть предан капиталу, то в конце концов эту страну крупные разбойничьи государства задушили бы. В 1917, 1918 и 1919 гг. все державы душили Советскую Россию; в 1919 году они задушили Советскую Венгрию. Но задушить Советскую Россию они не могли потому, что внутреннее положение у самих великих держав было такое, что приходилось думать, как бы не слететь самим под напором собственных рабочих, которые требовали вывода войск из России. Значит, вопервых, самое существование пролетарской диктатуры в одной стране поставлено под угрозу, если нет поддержки от рабочих других стран. Вовторых (далее следует приведенное Зиновьевым место о затруднительности—а не о возможности, т. Зиновьев!—экономического строительства).
>
> За сим второй пропуск у Зиновьева. Восстанавливаем и это место. Оно объясняет причину затруднений: «Такая страна,—читаем мы в «Азбуке»,—ничего или почти ничего не получает из-за границы: ее блокируют со всех сторон».

Недурно цитирует т. Зиновьев! Удачно ставит многоточия, как раз там, где это ему нужно, где это идет на потребу оппозиции! Дополним азбучные цитаты еще одной. В § 45 «Азбуки» идет речь о мелкобуржуазном характере страны, о собственнических инстинктах крестьянства, об остатках этих инстинктов даже у части рабочих. Какой вывод делает «Азбука»? 1) Дело строительства коммунизма в России «есть дело величайшей трудности»; 2) различные помехи внутреннего характера «затрудняют осуществление наших задач, отнюдь, однако, не делая невозможным такое осуществление». Это совсем, совсем не по Зиновьеву. Это—по Ленину.

Итак, т. Зиновьев превратно толкует Ленина, и уж совершенно зря ссылается на азбуку коммунизма. Напрасно т. Зиновьев запутывает вопрос. Было бы бессмысленным вести спор о том, есть ли у нас гарантии построения социализма при любом возможном международном положении, при наличии, скажем, интервенции со стороны капиталистических стран. Ясно, что единственной гарантией от внешних опасностей является международная революция.

По этому вопросу у нас нет никакого спора. Не об этом идет спор, не здесь пролегает та линия, которая отгораживает систему взглядов нашего Центрального комитета от той системы взглядов, которую защищает оппозиция. Спор идет о том, сможем ли мы строить социализм и построить его, если мы отвлекаемся от международных дел, т. е. спор идет о характере нашей революции. Можем ли мы сказать вместе с Лениным, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не наши международные обязанности и т. д.? Или наша отсталость обязательно должна потянуть нас на дно? Так стоит вопрос. Что дело обстоит именно так, об этом свидетельствует история расхождений с теперешней оппозицией. Впервые разногласия наметились у нас по этому вопросу на одном из заседаний политбюро, где т. Каменев, а отчасти и т. Зиновьев, сказали, что нам не одолеть задачи строительства социализма, потому, что у нас технико-экономическая база отсталая [1]). Об этом мы говорили и на XIV съезде. Следовательно, вопрос не стоит так просто, как это представляется с первого взгляда, и мы обязаны различать его правильную постановку от неправильной. Можно, конечно, спросить: почему необходимы такие тонкости, для чего нам нужно, с одной стороны, ставить вопрос относительно возможности борьбы с капиталистическим миром, с капиталистическими интервенциями, войнами и т. д., а с другой стороны, от этого вопроса отделять вопрос о внутреннем сочетании наших сил, когда в действительной жизни одно и другое марширует вместе и реально одно от

---

[1]) Теперь и тов. Смилга петушком бежит за т. Каменевым, считая за „центральный пункт марксизма и ленинизма“ положение, что в „одной технически отсталой стране социализм построить невозможно“. Тов. Смилга делает ударение именно на отсталости и из этой отсталости заключает о невозможности построения социализма. Речь идет не о трудности, а именно о невозможности. Воистину — „ленинизм“! (см. стеногр. отчеты о прениях в Комакадемии; см. также статью тов. Слепкова „Противоречия в экономической платформе оппозиции“. „Правда“, № 232).

другого неотделимо? В ответ на это следует привести ряд очень веских и очень убедительных аргументов. В самом деле, если нам предстоит пережить известную полосу мирного развития, скажем, втечение нескольких лет, то при такой постановке вопроса, которая говорит, что мы не можем построить социализм в нашей стране в силу нашей *технико-экономической отсталости*, в силу того, что у нас крестьянство слишком велико, мы неизбежно *должны двигаться весь этот мирный промежуток времени на оси перерождения*. Если ответить отрицательно на вопрос, который *положительно* решался Лениным, когда он анализировал *внутренние* силы нашего развития,—то тем самым нужно брать под сомнение все решительно: социалистический характер наших государственных предприятий, социалистический характер нашей диктатуры, социалистический характер динамики нашего экономического развития и социалистический характер динамики нашего государства. Ибо, если мы отрицательно отвечаем на вопрос о возможности построить социализм ввиду внутреннего сочетания классовых сил в нашей стране, то *развитие производительных сил в нашей стране обязательно будет совпадать с таким его развитием, которое, в большей или меньшей степени, дает перевес капиталистическим элементам*. Это будет «обеспечивать» такой характер развития, который наверняка будет перемещать центр тяжести в сторону крестьянства *против* рабочего класса. Это будет сопровождаться обязательно *такой* перегруппировкой людей в системе нашего государственного аппарата, при которой можно выйти на трибуну и сказать, что *сверху* мы превращаемся в бюрократию, отрывающуюся от рабочей массы, а *нижние* этажи нашего государственного аппарата затопляются кулацкими элементами. Т. е. вся «позиция оппозиции», которая намечается теперь, позиция, которая атакует партию по линии доказательства нашего перерождения, вытекает из того, что товарищи подвергают сомнению те места из Ленина, где он прямо говорит, что у нас есть *все необходимое и достаточное для построения социалистического общества*.

Из этого же расчленения вопроса вытекает и действительно революционно-марксистская, действительно интернациональная постановка вопроса.

Если люди говорят о международной революции при каждом удобном и неудобном случае, то не всегда это выражает макси-

мум революционности. Может быть такая постановка вопроса о международности революции, которая прямо противоречит революционной точке зрения. Вот, например, у того же Либера есть одно очень ехидное место, которое поясняет, чем отличается пролетарская революция от буржуазной. Перечисляя особые черты пролетарской революции, г. Либер пишет: «Наконец, еще одна характерная черта социалистической революции—это ее международный характер (подумайте только, «международный характер»!—*Н. Б.*). Социалистический строй приходит на смену капитализму. Отличительной чертой капиталистического строя является то, что он создает мировое хозяйство... Поэтому немыслимо представить себе осуществление социализма в одной какой-нибудь части этого хозяйства без того, чтобы все мировое хозяйство не было задето. Социалистическая революция мыслима лишь как революция международная, и, следовательно, она предполагает известное состояние не только в одной, двух, трех, четырех, пяти странах, в большинстве промышленно-развитых стран, ибо иначе произошло бы неизбежное столкновение между теми странами, которые не подготовлены к социализму, и теми, которые уже созрели для этого».

Ясно, какая здесь международность и как она здесь обосновывается. Вот она: «Не делай революции, не строй социализма, ибо придешь в столкновение с другими странами». Революция международная здесь представляется, как известный однократный акт; будто бы сразу пролетарии всех стран выходят на историческую арену и кричат: «Да здравствует революция!», и в два счета социализм подается им на блюде. Практически—политический смысл такого заклинания мировой революции заключается в морали: «Не иди вперед, не совершай революции в одной стране, потому что ты все равно не победишь», или, переводя на более современный язык: «Куда тебе одному в городе Глупове, на одной улице дерзать построить социализм. Зачем ты стоишь на такой национально-ограниченной точке зрения?» «Начнешь революцию в одной стране, перестанешь быть настоящим интернационалистом»,—поучает нас Либер.

Такой «интернационализм»—оборотная сторона социал-предательства.

Еще раз повторяем. Спор идет о внутренних силах, а не об опасностях, связанных с заграницей. Спор идет, следовательно, о характере нашей революции.

Когда мы говорили о построении социализма в одной стране, мы под этой «одной страной» имеем в виду именно нашу страну. Мы не можем сказать, что в любой стране может быть построен социализм. Если бы, скажем, перед нами была какая-нибудь совершенно отсталая страна, без того минимума материальных предпосылок строительства социализма, которые есть у нас, то мы наших выводов сделать бы не могли. Значит, речь идет относительно нашей страны, со всеми ее характерными особенностями, с ее техникой, экономикой, с ее социально-классовыми соотношениями, с ее пролетариатом, с ее крестьянством, с определенным соотношением между этим пролетариатом и крестьянством. Так нужно ставить вопрос, и в такой постановке вопрос о возможности построения социализма в нашей стране — это и есть вопрос о характере нашей революции. Раз наша революция предполагает все же такое соотношение, при котором строительство социализма возможно, раз мы имеем «все необходимое и достаточное» для построения социализма, то, стало быть, в самом процессе этого социалистического строительства нигде нет такого момента, начиная от которого это строительство стало бы невозможным. Если мы имеем внутри нашей страны такое сочетание сил, что по отношению к каждому прошлому году идем с перевесом социалистического сектора нашего хозяйства, и обобществленные секторы нашего хозяйства растут быстрее, чем частнокапиталистические, то в каждый будущий год мы выступаем с перевесом сил. Если рассчитывать «в среднем», отвлекаясь от целого ряда возможных зигзагов и всяких случайностей, которые взаимно уравновешиваются, то в общем мы будем иметь восходящую линию развития. Совершенно непонятно, откуда может изнутри страны вылезти такая сила, которая сделает невозможным дальнейшее социалистическое строительство. Но так как реально жизнь протекает не на одной территории Советского союза, так как пролетарская диктатура не находится на некоем изолированном острове, а занимает одну шестую часть света, находясь в окружении капиталистических пяти шестых, то возникает целый ряд опасностей международного характера. Если поставить вопрос, есть ли абсолютная гарантия против возможных интервенций, то должно сказать, что такой гарантии у нас нет. А так как в реальной жизни все находится во взаимной связи, одно влияет на другое, то, конечно, прав Ленин, когда он говорит, что окончательная победа социализма в одной нашей стране в условиях

капиталистического окружения невозможна. Но когда тов. Зиновьев, Каменев, Смилга и др. эту мысль «сводят» к тому, что невозможно дойти до полного социалистического общества из-за нашей технической отсталости, то это будет неправильно и против этого нужно изо всех сил бороться. Против такого толкования нужно бороться именно потому, что иначе нельзя защищать ту линию, которая была намечена у т. Ленина. Всякие смешки насчет социализма «на одной улице», «в Пошехонье», в «Глупове» должны претить настоящему революционеру. Люди думают, что эти гнилые шутки весьма остроумны. А не соображают, что они просто жалки, ибо повторяют остроты Каутского о «социализме в Туркестане», остроты Гильфердинга о «социализме бухарских мулл» и т. д. Это вздор, будто под этими социал-демократическими шутками скрывается революционный интернационализм. Здесь налицо простое дезертирство с поста в тот момент, когда трудно.

Сейчас на нас нахлынули новые трудности, связанные с нашей технико-экономической отсталостью, связанные с тем, что мы должны выискивать средства для наших капитальных затрат, связанные, наконец, с темпом развития, более медленным, чем тот темп, который был бы возможен при победоносной пролетарской революции в Европе. Конечно, эта победоносная революция радикально изменила бы положение вещей; темп индустриализации нашей страны через определенный промежуток времени чрезвычайно ускорился бы; мы должны были бы иначе реорганизовать наши производительные силы; мы получили бы другое соотношение между городом и деревней; мы гораздо быстрее смогли бы вовлекать в орбиту влияния индустрии наше отсталое земледелие. В общем, темп получился бы гораздо более быстрый. Сейчас мы идем гораздо более медленным темпом. Но этот сравнительно (сравнительно с темпом объединенного социалистического европейского хозяйства) медленный темп не есть отрицание возможности построить социализм в нашей стране. Этот темп выражает лишь относительно огромную трудность нашей строительной работы.

Так нужно решать вопрос относительно возможности построения социализма в одной стране. Для того чтобы привести этот вопрос в связь с некоторыми еще более общими вопросами, мы позволим себе напомнить вот о чем. Еще в полемике 1923 г. мы говорили: если тов. Троцкий прав, и наша страна без государственной помощи западно-европейского пролетариата не

в состоянии будет сохранить пролетарскую диктатуру, из-за столкновений с крестьянством, то это обязывает к очень большим выводам. Ведь если мы распространим пролетарскую революцию на весь мир, то мы получим, примерно, такое же соотношение между пролетариатом и крестьянством, какое мы имеем в Советском союзе. Ибо когда пролетариат возьмет власть в Англии, то ему придется иметь дело с Индией и другими бывшими английскими колониями. Если пролетариат возьмет власть во Франции, ему придется иметь дело с Африкой. Если пролетариат возьмет власть во всем мире, ему придется иметь дело со всеми другими крестьянскими странами. Мировому пролетариату придется решать проблему, как ужиться с мировым крестьянством. А если здесь имеется такое же, примерно, соотношение, как и в Советском союзе, то, сделав соответствующие выводы из теории неизбежной гибели без помощи извне, volens-nolens придешь к куновской постановке вопроса, которая гласит, что мир «не дозрел» до социалистического переворота. Имеется колоссальное количество крестьян, которые—по Троцкому—«неизбежно» придут в конфликт с пролетариатом. Так как в одном Китае их имеется 400 милл., то «неизбежно» революция обречена на гибель: ведь «государственной помощи» извне получить будет совершенно неоткуда. Вот куда ведет теория оппозиции. Если таких выводов не делают, то это происходит только потому, что не додумывают вопроса до конца, останавливаются на полдороге: когда говорят об Англии, то видят Лондон, Манчестер и забывают о других частях света, которые в настоящее время привязаны к Англии, с полупрезрением проходят мимо колоссального количества колониальных и полуколониальных народов, и этим проявляют свой рафинированный «европейский» «марксизм».

Таким же образом выясняется, что вопрос относительно характера нашей революции, ее движущих сил и пр. имеет глубочайшее практическое мировое значение.

Итоги всего сказанного могут быть формулированы следующим образом:

Идейными истоками оппозиции являются, несомненно, социал-демократические тенденции. Это, конечно, не следует понимать грубо и упрощенно. Вожди оппозиции, конечно, не меньшевики; но тенденции, которые растут в сторону меньшевизма, у них есть. Они подают «пальчик» меньшевистскому черту,—это не подлежит решительно никакому сомнению. Из их идейной установки вытекает какая-то неисправимая потребность проро-

чествовать о нашей гибели. Предрекала эту гибель, как известно, в октябрьские дни группа Каменева—Зиновьева—Шляпникова—составная часть оппозиционного блока. За это их позиция была названа Лениным «крикливым пессимизмом». Предрекали эту гибель весною 1921 года (особенно тов. Троцкий). Предрекали эту гибель осенью 1924 года (известная декларация «46-ти»). Предрекают эту гибель теперь, выступая сомкнутыми рядами против партии. Все эти «пророчества», которые последовательно терпят крах за крахом, упираются в неверную теорию, которая, по сути дела, есть теория, отрицающая объективно-социалистический характер нашей революции.

ПАРТИЯ И ОППОЗИЦИЯ НА ПОРОГЕ XV СЪЕЗДА ПАРТИИ.

Социально-классовые итоги к XV съезду партии [1]).

Объединенный пленум ЦК и ЦКК, который только что закончил свои работы, был последним пленумом перед очередным, XV съездом нашей партии. Совершенно естественно поэтому, что данный пленум ставил своей задачей известное подытоживание той политики, которую ЦК нашей партии вел за 2 года, прошедшие со времени XIV партсъезда. Учет опыта, который партия получила в этот период, проверка результатов той политической линии, которую наметил последний XIV партсъезд, должны были быть неизбежно первоочередными задачами работ только что закончившегося пленума. Это с одной стороны. С другой стороны, совершенно очевидно, что в результате этого учета опыта и в результате изменившегося положения в стране, изменившегося соотношения классов, пленум ЦК должен был наметить политическую линию на предстоящий период времени.

Главнейшим вопросом нашей политики, и особенно за последнее время, был вопрос, который в конечном счете упирается в проблему отношений между городом и деревней. Ясно также, что в будущем этот вопрос—о соотношении между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством—будет играть громаднейшую роль, потому что в нашей стране с ее отсталым экономическим укладом преобразовательная работа рабочего класса и его авангарда—Коммунистической партии—заключается в переделке двух десятков миллионов индивидуальных крестьянских дворов. Эта задача может быть решена только на протяжении значительного промежутка времени, она укладывается не в рамки отдельных лет, а в рамки нескольких десятилетий. Вопрос о соотношении города и деревни, об отношениях между рабочим классом и крестьянством, вопрос об отношении нашей партии к различным слоям крестьянства, стоял

---

[1]) Доклад т. Бухарина на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 г.

в центре дискуссии, непосредственно предшествовавшей XIV партсъезду, а также и в центре обсуждения на самом XIV партсъезде, наконец, в центре политического внимания всей нашей партии и в последующий период.

Своеобразие хозяйственных форм и соотношение классов к XIV партсъезду.

Нужно прежде всего вспомнить, какова была два года тому назад общая обстановка в нашей стране как по линии соотношений между различными хозяйственными формами, так и по линии соотношения между основными классами.

Мы подходили тогда только к концу восстановительного периода нашей промышленности. Ведущее начало общей экономики страны—наша социалистическая индустрия—и другие командные высоты подходили к довоенному уровню, но не подошли еще к нему целиком.

В области сельского хозяйства мы имели такое положение в стране, когда значительная часть земель была еще не обработана, когда величина посевной площади отставала от довоенной нормы, и у нас образовался фонд пустующих земель.

Нужно отметить, что среди середняцкой массы, основной массы нашего крестьянства, не было еще уверенности в том, что при советской власти можно твердым шагом итти в сторону улучшения своего индивидуального хозяйства; в то же время не было еще достаточного стимула, чтобы переходить на сторону хозяйства кооперированного. Это обстоятельство упиралось в остатки военно-коммунистических традиций в деревне, традиций времен продразверстки, оно упиралось в целый ряд затруднений, которые стояли на пути к тому, чтобы хозяйство крестьянина-середняка поднималось и шло, с точки зрения хозяйственной, вперед. У середняка-крестьянина не было уверенности в том, что его, поскольку он мало-мальски начнет подниматься кверху, не начнут «рассереднячивать» по примеру раскулачивания, и это сознание среди широких масс середняцкого крестьянства было одним из крупнейших тормозов хозяйственного подъема в области нашей сельскохозяйственной продукции.

С другой стороны, мы все отлично помним, что в то время у нас отсутствовали необходимая мера и необходимая степень революционной законности в деревне. Крестьянство должно было переходить, и переходило, к более ускоренному темпу в развитии своего производства, оно требовало более точ-

ных, твердых и упорядоченных форм революционной законности. А у нас оставались еще старые хвосты от предыдущего периода, когда налоговые ставки довольно произвольно менялись втечение года, когда не было твердой регламентации отношений, касающихся крестьянского хозяйства вообще, касающихся налоговых ставок в частности. Крестьянство, более чем когда бы то ни было, было заинтересовано в том, чтобы заранее знать, сколько с него возьмут, за что возьмут, какие объекты будут облагаться налогом, какие нет и т. д.

И, наконец, это было время, когда у нас остались «военно-коммунистические» хвосты по линии слишком большого нажима нашего административного аппарата, в деревне сильны были остатки методов принуждения, ставших, в известной мере, уже излишними на пороге нового хозяйственного периода.

Следовательно, первым фактом, характеризующим тогдашнее положение вещей, был подъем нашей индустрии, не дошедшей, однако, еще до уровня довоенной нормы.

Вторым крупнейшим фактом были те черты в области отношения к нашему крестьянству, в первую очередь к его середняцкой массе, как по хозяйственной линии, так и по линии политической,—черты, о которых я только что говорил.

И, наконец, в третьих, тогда у нас было такое положение. что с точки зрения наших материальных ресурсов и некоторых организационных предпосылок мы не в состоянии были оказывать сколько бы то ни было существенную помощь деревенской бедноте, по сравнению с потребностями, имевшимися уже тогда.

Центр всех вопросов—в смычке с середняком.

На фоне этой обстановки у нас складывалось такое положение, что среди основной середняцкой массы крестьянства мы могли с полной несомненностью констатировать довольно широкое недовольство, которое выражалось в целом ряде иногда довольно острых, политических фактов. Это была полоса убийств селькоров, отчасти и рабкоров, шедших в деревню,—целый ряд политических убийств членов виков и других работников деревни,—полоса, которая была характерна для того времени. Не подлежит никакому сомнению, что эти факты прямо и косвенно выражали собою то обстоятельство, что отдельные середняцкие слои шли за кулаком, политически шли за

кулаком, подчинялись различным инспирациям и внушениям со стороны кулацких слоев. Кулаки диктовали свою волю известным слоям середняцкого крестьянства, которые были недовольны или роптали по поводу сложившегося положения.

Итоги выборов в сельсоветы давали нам два года тому назад такую картину, которая точно так же указывала на известный кризис в отношениях между рабочим классом и середняцким крестьянством. Нередки были случаи, когда основная масса середняков в отдельных районах шла на поводу у кулака, когда даже известные слои деревенской бедноты не были достаточно противопоставлены кулацкому влиянию и шли иногда вместе с некоторыми середняцкими элементами на поводу у кулацких элементов деревни.

В то время среди середняцких слоев крестьянства в отдельных районах стала крепнуть идея самостоятельных «крестьянских союзов» в качестве политической партии крестьянства, противопоставлявшейся господствующей в нашей стране Коммунистической партии революционного рабочего класса. И, наконец, несколько ранее этого был целый ряд волнений среди крестьянства, наиболее характерным среди которых было так называемое восстание в Грузии. Все эти факты укладываются в одну формулу. Все эти факты в первую очередь выражали собою *колебания середняцких масс крестьянства*; они выражали собою известный кризис в отношениях между рабочим классом и крестьянством. Они знаменовали собой довольно значительную угрозу пролетарской диктатуре, ибо стало уже всеобщей и всеми разделяемой в нашей среде мыслью, что главное для нас, для партии рабочего класса, это—удержание блока, удержание союза между рабочим классом, идущим под руководством нашей партии, и середняцкой массой крестьянства, *опираясь в первую очередь на наиболее близкие, наиболее родственные рабочему классу слои полу-пролетарских бедняцких крестьянских масс.*

Итак, два года тому назад, ко времени XIV партийной конференции и XIV партийного съезда, центральным вопросом был вопрос *о необходимости укрепления союза с середняком.*

Вот почему вопрос об отношениях между рабочим классом и крестьянством не мог не стать в центре общепартийного внимания. Вот почему основной политической линией, основной политической установкой со стороны нашей партии не могла не

быть линия и установка на ряд мероприятий, которые помогли бы укрепить эти отношения. Вот почему наша партия не могла не решать и не ставить того вопроса, который, повторяю, был вопросом центральным,—вопроса о соотношении между рабочим классом и крестьянином-середняком.

Оппозиция поскользнулась на вопросе о союзе с середняком.

Оппозиция, представленная в первую очередь еще ранее, троцкистами, а потом так называемой «новой оппозицией», крупнейшим методом разрешения этого вопроса выставляла, с одной стороны, атаку на кулака, а, с другой стороны, так называемый метод «сверх-индустриализации»,—так он был назван впоследствии в наших партийных дискуссиях и в партийной литературе. Этот метод «сверх-индустриализации», по сути дела, покоится на следующем, довольно примитивном расчете: нужно достигнуть смычки с середняком; пожалуй, это и правда, но для того, чтобы достигнуть этой смычки, нужно сократить товарный голод; для того, чтобы сократить товарный голод, нужно гораздо более быстрым темпом расширять нашу индустрию, для этого нужно возможно больше взять с того же самого крестьянства. При таком положении вещей, когда соотношение между рабочим классом и крестьянством и без того было острым, лозунг—еще сильнее нажать на крестьянство—был в высокой степени непригодным. Поэтому партия отвергла этот метод решения вопроса (я не буду говорить о целом ряде вещей, которые из этого лозунга вытекали, потому что они были достаточно освещены в предыдущих наших дискуссиях перед XIV съездом),—партия отвергла этот метод решения вопроса и взяла другой курс. Этот курс был запечатлен с большой ясностью в резолюциях нашего XIV съезда. Он состоял в следующем: 1) генеральная линия—индустриализации страны, т. е. развертывание нашей индустрии при возможно большей независимости от мирового рынка, но с возможно большим использованием этого мирового рынка; 2) расширение нашей промышленной базы, но таким путем, чтобы это расширение исключало налоговое переобложение крестьянства, чтобы оно предполагало не высокие цены, как предлагали уже тогда троцкистские оппозиционеры, а, наоборот, вело бы к понижению цен; 3) наш партийный съезд взял решительную линию на

укрепление союза с середняком не только путем сравнительно более мягкой налоговой политики по отношению к середняцкой массе крестьянства и не только путем политики дешевых цен на продукты промышленного производства, но также путем ряда мер, направленных на развязывание товарности середняцкого хозяйства, целого ряда мер, направленных к тому, чтобы рассеять боязнь середняка вести свое хозяйство вперед. Мы взяли твердый курс на ликвидацию различных военно-коммунистических «хвостиков», курс на устранение причин, мешавших вовлечению в хозяйственный оборот пустующих земель, т. е. не в смысле возрождения купли и продажи земли,—у нас купли и продажи земель совсем не существует и не будет существовать,—а в том смысле, чтобы эти пустующие земли вошли в число земель обрабатываемых.

Из этого вытекал целый ряд мероприятий в области аренды, расширения сроков этой аренды и пр., установление ряда льгот, способствующих тому, чтобы крестьянство стало использовывать пустующие земельные государственные фонды и т. д. и т. д. Таковы были хозяйственные меры, намеченные XIV конференцией, подтвержденные XIV съездом.

В области политической наш партийный съезд шел по двум главным линиям: вопервых, по линии установления революционного законодательства, необходимость которого диктовалась всем прогрессом народного хозяйства вообще и крестьянского хозяйства, в частности, и по линии оживления Советов, что было необходимо с точки зрения укрепления политического влияния нашей партии и рабочего класса на середняка, с точки зрения организации в деревне слоев, враждебных кулачеству. Одновременно наш партийный съезд взял решительный курс на кооперацию. Вы все помните, какое огромное значение и какой огромный удельный вес среди других вопросов имел вопрос о кооперации в наших тогдашних партийных дискуссиях. Партийный съезд наметил ряд мер по организации деревенской бедноты, по созданию условий для того, чтобы в деревне у нас был гораздо более прочный, гораздо более могучий рычаг, более организованный бедняцкий оплот. Таковы были решения XIV партсъезда, диктовавшиеся тогдашним положением вещей. Теперь, через два года, мы должны, в первую очередь, подвести некоторые основные итоги взятой нами на XIV партсъезде политической линии.

Партия укрепила союз рабочего класса с середняком.

Нам неоднократно предрекали, что наша политическая линия провалится жалким и позорным образом. Нам предрекали, что при той политике, которую принял XIV партсъезд, хозяйство нашей страны будет в возрастающей степени регулироваться кулаком. Нам предрекали совершенно неслыханные хозяйственные затруднения, настолько интенсивные, настолько сильные, что они будут в состоянии чуть ли не опрокинуть диктатуру рабочего класса в нашей стране. И, если не ошибаюсь, в середине 1926 г., тов. Радек спрашивал, цитируя один из моих докладов, читанных как раз у вас в Ленинграде, спрашивал, что будет говорить Бухарин, когда через полгода вся партия увидит, куда политика Центрального комитета завела всю страну. Прошли эти полгода, а ровно ничего не случилось, прошло еще почти полтора года, и мы видим, что дело у нас стоит совсем не так, как предрекала оппозиция. И именно потому, что все идет не так, как предрекала оппозиция, именно поэтому она и обнаруживает такое истерическое бешенство по поводу неоправдавшихся своих собственных надежд.

Итак, мы должны попробовать подвести итоги нашей политике и той политической линии, которая была взята на XIV партсъезде. Мы видим, что никакого тупика не получилось. Мы должны поставить вопрос: решена или не решена в общем и целом центральная задача, которую поставил XIV партсъезд? Если мы спросим себя, решена ли в общем и целом основная проблема, проблема отношений между рабочим классом и середняцким крестьянством, улучшены ли отношения между рабочим классом и середняцкой группой крестьянства, смягчили ли мы ту остроту, которая была так характерна для времени, непосредственно предшествовавшего XIV партсъезду, добились ли мы чего-нибудь в этом отношении,—если мы поставим перед собой ряд этих вопросов, то мы можем и должны сказать, что в общем и целом этот вопрос мы решили удовлетворительно.

Совершенно естественно, что не может наша партия вместе с рабочим классом ту или другую проблему решить на все сто процентов. Такие случаи будут только совершенно исключительными. Но если мы сравним положение вещей в деревне, каким оно было два года тому назад, и то, что мы имеем теперь, то теперь мы не видим массовых случаев убийств, не увидим массового недовольства, серьезных попыток к тем или другим волынкам, что было

характерно для предыдущего времени. Мы видим теперь политическое успокоение в деревне, которое несомненно имеет под собой определенный хозяйственный и политический базис. Если сколько-нибудь добросовестный наблюдатель нашей общественной жизни, исходя не из злобных побочных соображений, а исходя из интересов дела, откинув все мелочное, второстепенное, откинув все фракционное, поставит перед собой этот вопрос, то разве хватит у него смелости отрицать тот факт, что мы имеем коренное изменение отношений между рабочим классом и крестьянством в лучшую сторону. Конечно, и сейчас в деревне есть целый ряд недовольств, и сейчас есть еще целый ряд шероховатостей, и сейчас есть еще целый ряд крупных недостатков, но в сравнении с тем, что было перед XIV партсъездом, можно с чистой партийной совестью сказать, что основная крестьянская масса успокоилась. Отношения между основной крестьянской массой и рабочим классом улучшились, а поэтому рабочая диктатура в нашей стране упрочилась, упрочилась на новой базе, на базе роста хозяйства, на базе хозяйственной смычки, которая еще имеет ряд прорех, где есть еще много трудных моментов. Но, в основном, задача, которая стояла так остро ко времени XIV съезда, потеряла сейчас свою остроту. Это есть основная проверка линии XIV съезда. Если бы мы в этом вопросе взяли другую линию, если бы мы не пошли на целый ряд уступок середняцким слоям крестьянства, если бы мы не провели целого ряда мероприятий в этом направлении, а взяли бы, как предлагала оппозиция, линию усиленного налогового обложения крестьянства, повели бы политику высоких цен, тогда мы таких результатов не достигли бы.

Нужно сказать, что эта задача—укрепления нашего союза с середняком, задача успокоения середняцких масс крестьянства, упрочения союза между рабочим классом и основной крестьянской массой—была решена не просто так, в безвоздушном пространстве, она была решена на базисе подъема производительных сил всего народного хозяйства, на базисе растущей индустриализации страны, на базисе повышения удельного веса социалистического сектора нашего хозяйства. Другими словами, задачу привлечения на нашу сторону середняцких слоев крестьянства мы решили не тем, что мы что-либо разбазарили, что мы в чем-либо основном уступили мелкобуржуазному индивидуальному товаропроизводителю, не тем, что мы поступились какими-нибудь основными интересами рабочего класса; мы ее решили в таких условиях, когда общее народное

хозяйство и его производительные силы поднялись на несколько ступенек выше, когда индустриализация нашей страны подвинулась за эти два года вперед, когда на базе роста сельского хозяйства и нашей промышленности удельный вес нашего социалистического сектора, удельный вес командных высот, находящихся в руках пролетариата и рабочего класса, чрезвычайно повысился.

Итак, основной вопрос для нас был, есть и будет вопросом о соотношении основных классов в нашей стране—рабочего класса крестьянства, частного капитала, т. е. буржуазии в городе и деревне, той буржуазной дроби, о которой говорил тов. Ленин. Совершенно естественно, что внутри этого вопроса основным с точки зрения классов, является вопрос об отношениях между рабочим классом и середняком-крестьянином, и именно здесь два года тому назад, на перевале к периоду быстрого хозяйственного востановления, у нас качнулось. Теперь кое-кто про это забыл, забыл о том, как обострились тогда отношения между рабочим классом и крестьянством, оппозиция об этом не желает вспоминать. А мы помним, какое паническое настроение было у теперешних оппозиционных «храбрецов», когда они непосредственно после грузинского восстания предлагали выпуск беспартийной газеты и т. д. Об этом нужно оппозиционерам сейчас напомнить. Именно здесь, в вопросе о середняке, на основе решений XIV съезда мы одержали победу, вопреки оппозиции, сломав ее политическую линию, дав собственную политическую линию. И эта политическая линия за два года выдержала экзамен, выдержала испытание, получила определенную хозяйственно-политическую проверку. Мы можем с полной уверенностью сказать, что ход истории в нашей стране, передвижка классов, которая произошла, полностью подтвердили правильность той политики, которую определил наш XIV партийный съезд.

Теперь относительно перспектив и относительно той стратегической классовой установки, которую наметил пленум ЦК и ЦКК.

Если задача, которую в основном ставил перед собою XIV партсъезд, нашей партией выполнена, то что это означает с точки зрения сочетания классов? Означает ли это, что сочетание классов в нашей стране осталось таким же, каким оно было два года тому назад, или нет? Конечно, оно стало другим. С точки зрения соотношения между крупнейшими общественными классами положение в нашей стране сейчас другое, чем было два года

тому назад. Почему другое? Другое как раз потому, что наша политика возымела положительные результаты, потому что мы получили успокоение середняцких слоев крестьянства и упрочение блока между рабочим классом и крестьянством на новой хозяйственной базе, на базе громадного усиления хозяйственных позиций пролетарской диктатуры. Отсюда необходимо сделать вывод: если мы имеем новое соотношение хозяйственных сил, если мы имеем сейчас новое соотношение хозяйственных форм, то само собой разумеется, что перед нашей партией на ближайший период стоят несколько иные задачи. Основные задачи остаются те же самые, но наша тактика, конкретные мероприятия на ближайшее время должны определяться существенными и основными особенностями именно этого текущего момента, а вовсе не тем, что было два года назад.

Укрепление социализма — базис для дальнейшего нажима на капиталистические элементы.

Какие основные факты имеются здесь налицо? Основные факты следующие: 1) укрепление наших командных экономических высот; 2) рост регулирующего планового воздействия наших государственных органов; 3) рост нашей кооперации. С социально-классовой точки зрения — укрепление союза рабочего класса с середняком на основе падения роли капиталистических элементов. Кулак абсолютно вырос, но теперь положение его в корне отличается от того положения, которое он занимал 2 года тому назад, тем, что нам удалось гораздо в большей степени изолировать этого кулака, отвоевав из-под его влияния основную середняцкую массу крестьянства. И это есть как раз основа, базис, достаточное основание для того, чтобы теперь, в другом сочетании сил, на основе укрепления нашего рабоче-крестьянского блока, мы имели гораздо больше возможностей ограничения эксплоататорских тенденций со стороны кулака. Вот почему, достигнув той цели, которую поставил себе XIV партийный съезд, — а его основная цель была успокоение среднего крестьянства и укрепление блока с ним, — достигнув этой цели, решив эту задачу, получив большое приращение хозяйственно-политических сил на стороне рабоче-крестьянского блока под руководством пролетариата, под

руководством нашей партии, мы можем сейчас с большим успехом на этой новой основе начинать наступление на капиталистические элементы города и деревни.

В противоположность тем товарищам, которые полагают, что сейчас, когда укреплены экономические командные высоты и консолидировался пролетариат,—мы имеем «термидор», а в 1918—19 г. мы имели, было, мол, идеальное состояние, никакого «термидора» не было, для того чтобы показать им меру наших успехов, я хотел бы прочесть одно место из знаменитой брошюры тов. Ленина, «О продналоге», место, которое бросает очень яркие лучи на наше теперешнее положение. Вот что писал, исходя из потребностей тогдашнего момента, Владимир Ильич. Он писал: «...— все должно быть пущено в ход для того, чтобы оживить оборот промышленности и земледелия во что бы то ни стало.

Кто достигнет в этой области наибольших результатов, хотя бы путем частно-хозяйственного капитализма, хотя бы даже без кооперации, без прямого превращения этого капитализма в государственный капитализм, тот больше пользы принесет делу всероссийского социалистического строительства, чем тот, кто будет «думать» о чистоте коммунизма, писать регламенты, правила, инструкции государственному капитализму и кооперации, но практически оборота не двигать.

Это может показаться парадоксом: частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализма? Но это не парадокс, а неоспоримый факт». XVIII т., ч. I, стр. 225 (курсив наш.—*Н. Б.*).

Что хотел этим сказать тов. Ленин в 1921 году? Он хотел сказать, что мы так обнищали, мы так разорены, мы в такой мере лишены всего элементарно-необходимого, что пусть хоть частно-капиталистический «чорт» развивает свою инициативу, пусть он способствует получению большего количества продуктов, мы на это должны итти. И директива хозяйственной политики, данная тов. Лениным, гласила: кто достигнет в этой области, т. е. в деле увеличения продукции наибольших результатов, хотя бы «путем частно-хозяйственного капитализма», хотя бы даже «без кооперации», а на базе частно-хозяйственного капитализма, тот сделает для всероссийского социалистического строительства гораздо больше, чем те, которые будут думать о чистоте коммунизма, а не способствовать росту товарооборота. Вот как обстояло дело тогда, в 1921 г.!

Разве можно сравнить то, что выражено в этих словах тов. Ленина, то, что было тогда, с тем, что есть сейчас, когда мы частно-капиталистические элементы загнали в некоторых хозяйственных отраслях «в лузу», когда наша кооперация, вместе с госторговлей, совершенно вытеснила в области товарооборота частный капитал из целого ряда отраслей, когда частный капитал бросился, спасая свою собственную шкуру, в кустарные промысла, в ремесло и домашнюю промышленность, и когда мы готовимся вытеснить его и из этих последних позиций, куда он бежал под давлением государственных и кооперативных организаций.

Так было дело тогда, при Владимире Ильиче, в 21-м году, в период перехода к новой экономической политике, когда у нас в социалистическом секторе, в нашей государственной индустрии почти ничего не было, были пустые заводы. В силу этого дана была главная директива: увеличить количество продуктов, не взирая на то, кто его увеличивает. Мы были вынуждены тогда итти на всемерное развязывание частного капитала: пускай хоть он помогает производить продукты,—разумеется, не на веки вечные, а на тот период, для того времени, когда мы обнищали до зарезу, когда у нас было мало организационных сил, когда нам нужно было во что бы то ни стало увеличить количество продуктов и усилить товарооборот, чтобы не умереть с голоду. Хотя бы немножечко подкормившись, можно было думать о наступлении на этого частника, которого мы сами призывали.

А разве таково было положение ко времени XIV съезда? Накануне XIV съезда положение было совсем другое. Мы подходили уже к концу восстановительного периода нашей промышленности. Мы уже не могли тогда говорить так, как правильно говорил тов. Ленин в 21-м году, мы уже не могли дать такого лозунга: все равно—кто, пускай хоть капиталисты, пускай хотя бы без кооперации, лишь бы производили новое добавочное количество продуктов! Такой общей директивы мы уже не могли дать. Почему? Потому, что мы стали гораздо сильнее. Тот, кто к XIV съезду стал бы давать такую общую директиву, которая была совершенно справедлива, в 21-м году, тот обнаружил бы, что он не ведет социалистической политики. Эта общая директива была тогда совершенно правильной с точки зрения ужасающей нищеты, ужасающей разрухи, которая была в нашей стране; но она перестала быть правильной, стала неправильной, анти-коммунистической, в условиях, когда у нас уже

были возросшие командные высоты, когда наша индустрия поднялась, стала на ноги. Тот, кто попугайски повторял бы эту старую формулу 21-го года во всей чистоте и неприкосновенности никаких заветов Ильича не выполнял бы, а оправдывал бы известное изречение тов. Ленина, резким образом клеймившего такие попугайские повторения тех же формул, без всякого анализа конкретной исторической, хозяйственной и политической действительности.

Так вот: к XIV партийному съезду у нас был уже конец восстановительного периода, наша индустрия, наша промышленность начала уже вести за собой народное хозяйство; частный капитал в промышленности стал играть совершенно второстепенную роль; но, с другой стороны, у нас был значительный процент пустующих земель в сельском хозяйстве, у нас были трения с середняком, у нас было кризисное состояние между рабочим классом и середняком, который является, по выражению Вл. Ильича, «центральной фигурой нашего земледелия».

Наши успехи — результат правильного маневрирования партии.

Таково было положение к XIV партийному съезду, а теперь? А теперешнее положение, через два года после XIV партийного съезда, характеризуется тем, что наша промышленность и наши командующие экономические высоты ведут за собой все народное хозяйство. Факт это или не факт? Это есть факт. В торговом обращении мы за эти два года сделали целый ряд чрезвычайно больших успехов. Например, в области хлебозаготовок кооперация и госторговля фактически стали монопольными торговцами. Хлебная монополия была отменена с введением нэпа. А теперь, на базе роста наших хозяйственных организаций, на основе соревнования их с частником, мы вытеснили частный капитал из области хлебозаготовок, мы, так сказать, с другого конца, на новой базе подошли к государственной монополии в области хлебозаготовок. Госторговля и кооперация теперь почти монопольны в этой области, и в ряде других отраслей нашего товарооборота. По целому ряду важнейших и крупнейших отраслей нашего товарооборота госторговля и кооперация представляют собой почти монопольную величину на рынке, настолько выросли и укрепились наши позиции в области товарооборота.

И, наконец, с точки зрения социально-классовой—мы укрепили союз с середняком.

Следовательно, у нас по сравнению с временем XIV партийного съезда есть три главных характерных особенности: 1) экономически-командующая, решающая и ведущая роль нашей социалистической индустрии стала фактом неоспоримым; этого никто оспорить не может, потому что он расшибет себе лоб, хотя бы этот лоб был чрезвычайно медным (*смех*)—о стальную гряду фактов, которые говорят, что наша индустрия ведет все народное хозяйство; 2) в области товарооборота мы достигли решающего влияния, а в некоторых местах—монопольного положения и 3) с точки зрения социально-классовой, в общем и целом, середняк сейчас идет с пролетариатом. Эти три основных фактора, связанных друг с другом и изменяющих положение по сравнению с тем, что мы имели ко времени XIV партийного съезда, очень значительно изменяют общее положение вещей в стране. А раз изменяется положение вещей в стране, и изменяется в нашу пользу, то было бы просто глупо, если бы мы сейчас говорили то же самое, точь в точь и «тик в тик» то, что мы говорили на XIV партийном съезде. Некоторые из оппозиционеров говорят сейчас: «Да, но вы теперь говорите не совсем то, что вы говорили на XIV съезде,—и думают, что это «убийственный» аргумент, и думают, что как раз в этом и заключается то, что мы ведем «неправильную», «зигзагообразную» политику. Это неправильно с их точки зрения, а с точки зрения анализа конкретных фактов и конкретного экономического и политического положения в стране иначе и быть не может: сделав очень крупные завоевания при помощи мероприятий, намеченных на XIV партийном съезде, мы теперь марширует вперед на основе этих завоеваний, а если бы у нас их не было, то мы тогда провалились бы в пропасть, из которой нас нужно было бы вытаскивать за уши.

Глупо всегда и на каждом повороте говорить одно и то же. Кто сейчас повторил бы ленинскую формулу в качестве практической директивы нашей партии, кто сейчас сказал бы, что наша задача—всемерное увеличение продуктов, несмотря на то, кто их увеличивает, хотя бы без кооперации, хотя бы на основе частного капитала, кто бы решился повторить такую штуку? Никто не решился бы на это. Пожалуй, нашлись бы отдельные «умники», которые заявили бы—да это ведь отступление от ленинизма—Ленин писал не так! (*Смех*.) Но ведь на то они и «ум-

ники». У Ленина нет готовых рецептов на всякий случай жизни. И всякий, кто хочет рассматривать учение Ленина, как собрание готовых рецептов, тот подходит к ленинизму с точки зрения плохо образованного аптекаря. Правильное применение ленинского учения состоит в точном и конкретном анализе существующей действительности. Пользуясь ленинизмом, как политическим инструментом, пользуясь обще-марксистской теорией, мы должны в каждый данный момент вникать и обнаруживать сочетание общественных сил, конкретных для каждого данного периода, особо характерных для него, и на этом строить уже свою линию, исходя из нашей общей линии, линии на укрепление пролетарской диктатуры, на развитие социализма, на рост социальных элементов нашего хозяйства, на коммунизм.

Таким образом, анализ конкретной обстановки нам необходим. Этот анализ показывает, что ко времени XIV партсъезда все упиралось в вопрос о смычке с середняком, как в главную задачу, разрешение которой, разумеется, не противопоставляется, а прямо предполагает укрепление нашей опоры на бедноту. Этот анализ показывает нам, что в итоге двух истекших годов на основе решений XIV партсъезда основные задачи, поставленные съездом, решены. Этот анализ показывает, что именно на основании того, что эти задачи в общем и целом были решены, у нас в настоящее время имеется другое сочетание общественных сил, другие классовые соотношения, что гораздо более могучие хозяйственно-политические позиции находятся в руках пролетарской диктатуры. И, наконец, этот анализ приводит нас к тому, что на основании этого нового положения мы должны теперь, получив приращение сил, укрепив свой союз с середняком, взяв этого середняка под-руку, мы должны, мы можем, мы имеем полную возможность сомкнутым фронтом, вместе с середняком, успешно начать более солидный нажим на нашего основного противника в деревне—на кулака. Вот эта новая расстановка сил позволяет нам, вменяет нам в обязанность, в целях переделки крестьянского хозяйства и вытеснения капиталистических элементов, начать то, что я в своем докладе, на съезде московских профсоюзов назвал форсированным наступлением на капиталистические элементы, на кулацкие элементы в деревне, в первую очередь.

Вот та стратегическая установка, которая покоится на изменившемся соотношении сил.

Троцкизм никогда не умел учитывать своеобразия политической обстановки.

В заключение я хотел бы отвести одно возражение, которое пущено в ход нашими оппозиционными «друзьями» *(смех)*. Они, например, берут намеченное нами освобождение добавочных 10% крестьян от сельхозналога или намеченное нами усиленное наступление на кулака и говорят:—но вы ведь по сути-то дела «стибрили» нашу платформу *(смех)*. Хотя и недостаточно, не на все 100%, но вы все-таки подвинулись, мол, к тому, что «мы говорили» ко времени XIV съезда нашей партии. Значит (делают они вывод), ваша политическая линия «потерпела жалкое банкротство». Значит, мы, оппозиционеры, были правы. Вы нас «обворовали», а потому уступите ваше «место» другому партийному руководству (они все рассматривают с точки зрения «дальнего прицела»). (*Смех.*) Такого рода ход аргументов чрезвычайно характерен для всей троцкистской оппозиции. Так троцкизм рассуждает по отношению и ко всему ленинизму вообще. Ведь Троцкий так ставил вопрос,—кто первый сказал «б» о пролетарской революции в России? Я, Троцкий, сказал это раньше, чем Ленин! Кто первый сказал—без царя, а правительство рабочее? Я, Троцкий! Значит, в 1917 г. ленинизм «перевооружился», как он изволил выражаться, Ленин пришел к Троцкому, а не наоборот.

Это старая аргументация. В политике дело заключается в том, чтобы кроме азбуки, кроме общей генеральной линии, общего курса, который ясен вам, который необходимо взять, нужно знать, когда сказать «а», а когда «б». Нужно сказать «а» тогда, когда это нужно. А вот, если это переставить и сказать «а» тогда, когда нужно сказать «б», или сказать «б» тогда, когда нужно сказать «а», то никакого ленинизма из этого не получится. Вот если бы то, что мы говорим сейчас, мы сказали, не решив предварительно вопроса об успокоении середняцких масс, то это значило бы сказать «б» тогда, когда нужно сказать «а». Или если бы, например, сказать сейчас то, что говорил о частнике Ленин (см. выше) в 1921 г., значит, сказать «а» тогда, когда теперь уже нужно говорить «б», а может быть, и «в» и «г». В этом вся «соль». В этом основная ошибка троцкизма, которая повторялась у него уже неоднократно и которая заключается в том, что Троцкий не во-время давал лозунги. И когда нам сейчас говорят о том, что наконец-то вы увидели кулака, мы говорим:

уважаемые дяденьки, в том-то и дело, в том-то и ваша смертная беда, что вы не понимаете, когда что нужно говорить, вы не видите о с н о в н о г о з в е н а, за которое надо ухватиться. Основным звеном два года тому назад, ко времени XIV съезда, был вопрос об успокоении середняка. Не сделай мы того, что сделали мы на XIV партийном съезде, нам бы, как своих ушей, не видать того, что мы теперь имеем. Мы должны были предварительно решить основную, громадной важности, задачу, без чего мы провалились бы «в тартарары». Приняв политику, которая предлагалась тогда троцкизмом и так называемым «нопом», мы может быть, от нэпа перешли к нео-нэпу.

Теперь я более конкретно перейду к тем двум важнейшим вопросам, которые стояли на пленуме. Сперва я изложу те положительные решения, которые приняты пленумом, не касаясь нашей оппозиции, а под конец, на «третье блюдо» (*смех*), разрешите мне поставить эти вопросы в связи с оппозицией.

О ДИРЕКТИВАХ К 5-ЛЕТНЕМУ ПЛАНУ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Я уже указывал, что анализ теперешнего хозяйственного и политического соотношения и классовых сил нашей страны указывает на наш рост.

Наш рост находит свое выражение в самой постановке вопроса о выработке пятилетнего плана нашего народного хозяйства. В самом деле, если бы у нас дело шло вниз, если бы не росли материально предпосылки нашего планового хозяйства—а рост материальных предпосылок есть не что иное как рост социалистически обобществленных элементов нашей страны,—то естественно, что ни одному из нас и вообще ни одному из не сошедших с ума людей не взбрело бы в голову приступить к решению таких проблем, как составление народно-хозяйственного плана на 5 лет вперед. Самая постановка вопроса о пятилетнем плане нашего народного хозяйства выражает собою наш рост, факт этого роста. Если бы мы с этой точки зрения посмотрели на то, что мы имели раньше, посмотрели бы на то, как мы осторожно подбирались к годовым планам, подползали «на четвереньках» к тому, чтобы представить хотя бы примерную, хотя бы ориентировочную линию для нашего годового плана, а не пятилетнего плана, то нужно признать, что мы сделали огромный шаг вперед в области нашего планового хозяйства.

На последнем пленуме ЦК нашей партии и на Политбюро, обсуждавшем этот вопрос, до внесения на пленум ЦК тезисов о пятилетнем плане, мы с полной откровенностью и ясностью поставили вопрос, что мы можем пока дать только директивы к пятилетнему плану, а не самый пятилетний план. С известной точки зрения нужно признать, что это недостаток: конечно, было бы гораздо лучше, если бы вместо директив к пятилетнему плану мы могли бы дать съезду более или менее точный пятилетний план нашего народного хозяйства. Но тут был ряд особых трудностей, дополнительных трудностей, которые заставили сперва Политбюро, а потом пленум ЦК отказаться от

того, чтобы представлять на партийный съезд точное цифровое выражение нашего народно-хозяйственного плана на 5 лет вперед. Этим мы, кроме обыкновенных соображений о необходимости более осторожного обращения с цифрами, имели в виду два обстоятельства: одно очень крупное, другое—тоже довольно значительное, хотя и не такого размаха.

Военная опасность, возможность неурожая и наше планирование.

Первое обстоятельство—наше международное положение. Сейчас в кругах всей партийной массы, в массе рабочего класса стало всеобщим достоянием сознание крайней остроты нашего международного положения. На предыдущем пленуме ЦК по этому поводу была вынесена соответствующая резолюция.

Мы все глубоко убеждены, что стоим перед крупными событиями в области международной жизни, хотя и не знаем сроков, в пределах которых эти события могут разыграться. Но 5 лет это срок довольно достаточный. Втечение пяти лет всякие осложнения международного положения очень вероятны. Если война против нас и интервенция в пределах нашей страны, на протяжении пятилетнего срока, очень вероятны, то совершенно естественно, что такого рода события неизбежно и очень здорово видоизменили бы весь наш хозяйственный план. Нам обязательно нужно будет в той или иной мере перенести центр тяжести в нашу военную промышленность; нам необходимо будет исходить из гораздо более крупных бюджетных ассигнований отраслям нашего хозяйства—и не только хозяйства,—способствующим делу повышения обороноспособности нашей страны. Нам необходимо предпринимать целый ряд мер по образованию всевозможных резервов: натуральных, товарных, валютных, которые обеспечили бы нам, на случай военных событий, возможность хозяйственно-политического маневрирования. Поэтому совершенно понятно, что пятилетний план, который мы теперь должны принимать в обстановке, насыщенной грозой, что этот пятилетний план, если бы мы его цифровым образом закрепили, и если бы мы закрепили каждую цифру решением партийного съезда, то мы заранее связали бы себе руки в обстановке, в условиях, когда мы должны держать свои руки гораздо более развязанными в этом отношении.

Второе обстоятельство, это—известное опасение за состояние наших урожаев в ближайшие годы. Дело в том, что у нас не-

сколько лет подряд были урожайные годы. Предсказание урожайности и неурожайности у нас еще не настолько развито, вернее, совсем не развито, чтобы мы могли хотя бы с какой-нибудь, хотя бы с чрезвычайной приблизительной точностью заранее предсказать высоту или степень урожая. Опыт предшествующих лет за несколько десятилетий показывает, что через некоторое, сравнительно незначительное, количество урожайных лет следуют неурожайные годы. Есть вероятность, что за рядом урожайных лет, которые мы уже имели, могут наступить в ближайшие годы неурожайные годы. Может быть, этого не будет, никакой прочной закономерности здесь нет. Но нам нужна известная страховка, как вы легко поймете, нам нужна известная страховка на случай повторения неурожаев, недородов и пр. Вот почему, и с этой точки зрения, нам необходимо иметь в виду приблизительность нашего пятилетнего плана. Нам необходимо иметь в виду те поправки, которые могут быть внесены жизнью, поправки в худшую сторону, о которых я сейчас только что говорил. И поэтому Центральный комитет партии решил остановиться на том, чтобы «предложить XV партийному съезду лишь некоторые общие директивы по составлению пятилетнего плана нашего народного хозяйства, а не самый этот план, т. е. изложить те основные линии, те основные мысли, те основные директивы, по которым должен быть построен пятилетний план нашего народного хозяйства. Работы по составлению этого пятилетнего плана еще не закончены. Они идут в соответствующих органах, в первую очередь, в Госплане.

Одна пятилетка была выработана, она теперь исправляется, в согласии с теми директивами, которые приняты. Ко времени партийного съезда мы, вероятно, будем иметь, параллельно тем директивам, которые ЦК принял, соответствующий подобранный цифровой материал, который, однако, не связывает Центральный комитет и не будет связывать партийный съезд, но который позволит каждому из членов партийного съезда и всей партии примерно ориентироваться в тех основных итогах и основных предположениях, которые имеются у соответствующих хозяйственных органов.

Вот под углом зрения такой осторожности в составлении пятилетнего плана составлялись и те директивы, которые приняты пленумом ЦК как тезисы для партийного съезда. Все они построены под углом зрения *преодоления некоторых основных трудностей нашего хозяйства*, тех трудностей,

которые уже имеются, и тех, которые еще будут. Причем здесь нельзя было обойти и ряда таких вопросов крупнейшего принципиального значения в области хозяйственной политики, которые разделяют огромное большинство партии от оппозиционных внутрипартийных противников.

Мировое хозяйство и советская экономика.

Прежде всего нужна была определенная установка в вопросе о соотношении между нашим хозяйством и хозяйством мировым. Этот вопрос, вы знаете, ставился у нас иногда под самыми различными углами зрения. Ну, например, когда оппозиционные товарищи упрекали нас в «национальной ограниченности», они разумели не только политику Коминтерна, но и нашу хозяйственную политику. Они видели и видят до сей поры нашу «национальную ограниченность» в том, что мы выдвигаем лозунг: возможно больше хозяйственной самостоятельности по отношению к капиталистическому миру. В этом они тоже видят признак нашей «национальной ограниченности». Между тем, сами они выставляют лозунг: наиболее широкие связи с заграницей. Тут нужно было уже выбирать, какую директиву должны мы дать нашим хозяйственным органам в этом вопросе при составлении пятилетнего плана. Что здесь нужно считать правильным? Этот вопрос мы решали в связи с той линией, которую занимаем все время. В самом деле, можем мы принять лозунг, в особенности ортодоксального крыла нашей оппозиции троцкистов, лозунг максимальных связей с заграницей, и больше ничего? Мы считаем, что принять его нельзя, мы считаем, что такой лозунг пагубен, и по очень простой причине. По той же причине, по какой мы не можем внутри нашей страны дать голого лозунга развития производительных сил и больше ничего, а должны говорить: развитие производительных сил, но такое, которое усиливало бы рост нашего социалистического сектора. Представьте себе, например, что мы сняли все решительно загородки и барьеры по отношению к загранице, представьте, что мы получили огромные капиталистические займы на парочку десятков миллиардов, продав наше пролетарское первородство, сдав, скажем, крупному американскому капиталу в кабалу наши фабрики и заводы и прочее. Быть может, в ближайшие два-три года они начали бы развивать производительные силы быстрее нас, это не исключено. Но мы так смотреть не можем, мы не для того проделали

революцию. Мы стоим за такое развитие производительных сил в нашей стране, которое все время усиливало бы социалистический сектор нашего хозяйства и било бы хозяйство противника.

Так мы говорим по отношению к хозяйству внутри нашей страны. А по отношению к загранице? Разве мы можем сказать, как говорят оппозиционные товарищи—«максимум широких хозяйственных связей»? Если считать воплощением «интернационализма» максимум широких хозяйственных связей с заграницей, а некоторую узду в этом отношении считать «национальной ограниченностью», то получается следующее: если кто желает «максимум хозяйственных связей с заграницей», тот должен в первую очередь уничтожить монополию внешней торговли,—это же ясно, «как апельсин»! Монополия внешней торговли есть барьер. Смысл этого барьера—ограждать нас от слишком широких связей с заграницей, потому что если бы мы сняли этот барьер, на нас хлынули бы более дешевые американские товары. Это были бы «более широкие связи с заграницей»... А нашей социалистической промышленности от этого поздоровилось бы? Нет, потому что ее стукнула бы более высокая американская промышленность, с которой нам пока еще нельзя состязаться в открытую. Мы должны сохранять монополию внешней торговли. Мы растим и строим свою промышленность, которая пока еще не стоит на базе самой высокой техники в мире. В одном своем докладе я говорил, что если бы мы победили в Америке, то нам и монополия внешней торговли не была бы, по всей вероятности, нужна, потому что мы производили бы дешевле всех. В СССР монополия внешней торговли нужна как защита от врагов, для того чтобы,—хотя мы еще более нищи, чем наши капиталистические противники—мы могли бы, как муравьи, со всех сторон собирать и строить. Монополия внешней торговли это есть наша защита, и все решительно, кроме некоторых белых ворон, стоят за то, чтобы она существовала. Монополия внешней торговли целиком опрокидывает эту концепцию, этот лозунг—«наиболее широкие связи с заграницей». Вздор! Так нельзя формулировать, и это вовсе не есть «национальная ограниченность» с нашей стороны, когда мы говорим, что мы хотим строить, не впадая в излишние крайности, не выставляя лозунга «самые широкие связи с заграницей». Нам говорят, что это «национальная ограниченность». Вот если бы вокруг нас было не капиталистическое окружение, а социалистическое, тогда, разумеется, мы бы никакой монополии внешней

торговли по отношению к социалистическому окружению не имели бы, мы сломали бы государственные границы ко всем чертям и объединились бы вместе с иностранными пролетарскими странами.

Следовательно, по вопросу относительно наших хозяйственных связей с заграницей мы не можем стоять на точке зрения голого лозунга—расширения хозяйственных связей—и больше ничего. Мы можем стоять на такой точке зрения: расширяй хозяйственные связи в тех пределах, в тех рамках, в такой мере, в какой ты на основе такой политики можешь становиться *все более хозяйственно, политически и военно независимым от иностранных капиталистических стран.*

Если бы у нас было социалистическое окружение, то на кой шут нам была бы эта независимость, она нам совсем не нужна была бы. Но, извините, если у нас капиталистическое окружение, то нам независимость нужна, потому что мы находимся в противоречии с империалистическими государствами, потому что должны все больше на свои ноги становиться. Вздор, что это есть национальная ограниченность, так как такая линия необходима только потому, что в других странах нет еще социализма, а у нас он уже растет, поэтому он ограничен. Ограниченность наша вытекает из того, что сейчас еще ограничена победа рабочего класса, вот, что такое—пресловутая наша «хозяйственная ограниченность». Совершенно понятно, что было бы вздором проповедывать другую крайность, то есть говорить, что мы не должны ничего за границей покупать. Это было бы глупостью. Но когда и кто это проповедывал? Конечно, мы должны маневрировать, сноситься с нашими врагами, должны покупать за границей. А граница этого? Граница этого в том, чтобы не подрывать нашего хозяйства. Словом, мы должны сделать все, чтобы расти, становиться более крепко на свои ноги. Так мы решили вопрос относительно нашей связи с заграницей.

Вопрос о противоречиях между городом и деревней.

К вопросу о противоречии между городом и деревней, то есть по главнейшему вопросу о нашей хозяйственной политики, я хочу отметить следующее. Каждая цифра в пятилетнем плане предполагает определенное распределение ресурсов; и вопрос о ценах и об ассигнованиях на те или другие отрасли, и финансирование сельского хозяйства, и финансирование промышленности, и рас-

пределение вложений между тяжелой и легкой индустрией,—все это определяется некоторой общей установкой нашей хозяйственной политики. И здесь мы должны были дать целый ряд директив, исходя из тех трудностей, величайших трудностей, которые имеют своей базой противоречия между городом и деревней (ножницы, диспропорция между промышленной промышленностью и сельскохозяйственной и т. д.). В этой области мы должны были дать совершенно определенные директивы, связанные с общими нашими хазяйственно-политическими взглядами. Мы должны были отвергнуть политику высоких цен, мы должны были отвергнуть политику переобложения середняцкой части крестьянства, мы должны были принять такого рода директивы к плану, которые исходили бы из нашего основного метода решения хозяйственных вопросов. Прежде всего мы наметили линию на дальнейшее снижение себестоимости, на рационализацию нашей индустрии, на привлечение мелких сбережений, путем всевозможных займов, путем сберегательных касс и пр. Рационализация, реорганизация нашей промышленности, более дешевые цены, это и есть тот путь, который даст нам возможность в ближайшие пять лет несколько ослабить противоречия между городом и деревней.

Крупнейшим и мучительнейшим вопросом у нас является вопрос о *безработице*. Но и вопрос о безработице нужно точно так же решать не односторонне, как к этому имеется тенденция среди некоторых наших партийных кругов: расширение промышленности, и больше ничего. То расширение промышленности, которое нужно и возможно, не может удовлетворить той массы безработных, которая у нас есть и которая будет. Мы эту проблему должны решать с двух концов. Это точно так же должно лежать, в качестве краеугольного камня, в директивах по построению пятилетки: с одной стороны, расширение промышленности, с другой—рационализация этой промышленности на основании укороченного рабочего дня (с чем товарищи из оппозиции не согласились) и увеличения количества смен, а с третьей стороны—линия, которую мы определяем, как линию на рост трудоемких хозяйств в деревне, линию на индустриализацию самого сельского хозяйства. У нас еще чрезвычайно варварская, примитивная обработка земли, у нас имеется целый ряд районов, которые не могут итти под зерновое хозяйство и которые по самой своей природе не могут воспользоваться

такими вещами, как трактор и другие крупные сложные сельскохозяйственные машины. У нас есть целый ряд отраслей сельского хозяйства, которые имеют тенденцию развиваться в более трудоемкие и интенсивные хозяйства: садоводство, огородничество, животноводство и т. д. Здесь у нас есть еще целое море работы. Путем поощрения этих трудоемких хозяйств, мы можем способствовать тому, что так называемое аграрное перенаселение, которое есть в деревне и в результате которого у нас в городах увеличивается безработица, уменьшится.

Тяжелая и легкая индустрия.

Целый ряд вопросов и по другим отраслям, как, например, вопрос о распределении вложений между тяжелой индустрией и легкой промышленностью, также поразному решается нами и сторонниками оппозиции. Мы считаем, что та формула, которая говорит—максимум вложений в тяжелую индустрию,—является не совсем правильной или, вернее, совсем неправильной. Если мы должны иметь центр тяжести в развитии тяжелой индустрии, то мы должны это развитие тяжелой индустрии сочетать все-таки и с соответствующим развертыванием легкой индустрии, более быстро оборачиваемой, более быстро реализируемой, возвращающей скорее те суммы, которые на нее были затрачены. Мы должны, повторяю, делать так, чтобы получить наиболее благоприятное сочетание.

То же самое относительно нового строительства. Мы должны были признать, опыт уже говорит об этом, что мы, пожалуй, сделали ошибку в деле капитальных затрат. Мы пошли очень разбросанным фронтом, стали сразу давать на многочисленные пункты нового строительства громадные суммы, которые только через долгий промежуток времени дадут более или менее солидные результаты, т. е. когда новые фабрики заработают и продукция будет реализоваться и т. д. Было бы лучше на меньшем фронте сосредоточить те же самые суммы денег для того, чтобы в более короткий срок начать получать результаты, реализовать продукцию и т. д. Повторяю, здесь масса сложнейших задач и вопросов. Мы должны исходить из соображений целесообразности, учитывая все факторы. Нельзя давать голую формулу—только на тяжелую индустрию, или—максимум вложений в тяжелую индустрию, а надо умело сочетать все моменты, определяющие реальный поступательный ход нашего хозяйства.

Проблема социалистической рационализации и переход на 7-часовой рабочий день.

И в области индустрии, отчасти в области сельского хозяйства, мы должны со всей энергией выдвинуть сейчас проблему рационализации. Мы полагаем, что всякие послабления хвостистским настроениям среди рабочих—такого типа, что мы, мол, как-нибудь «постаринке» проживем, что у нас масса трудностей на новом пути,—абсолютно недопустимы.

Несомненно, что рационализация несет с собою громаднейшие трудности решительно по всем линиям, но, не переходя к более высокой технике, к большему применению научных сил, к более правильному разделению труда, к применению более квалифицированной силы, т. е. к большей культуре самого рабочего класса, нам нельзя догнать и перегнать капиталистические страны. Поэтому совершенно ясно, что переход на рационализаторскую систему, переход к более улучшенным методам нашей индустрии—я скажу в открытую—он предполагает более интенсивный труд. Чепуху разводят некоторые оппозиционные товарищи, говоря: да, высокая техника хороша, но этого нельзя сопровождать требованием более интенсивного труда, нужна только большая производительность труда. Так никогда не бывает и не может быть. Конечно, производительность труда—это не то, что интенсивность труда. Интенсивность труда означает большую затрату энергии в единицу времени; скажем, если рабочий в один час тратит энергии в полтора раза больше, чем прежде, то это означает увеличение интенсивности труда. Если же он в один и тот же час тратит столько же энергии, но производит больше продуктов, т. е. напряженность труда такая же, но вследствие технических улучшений (новых машин и т. д.), то это означает увеличение производительности труда. Но бывает ли в жизни так, что одно от другого отделимо? Нет. Всякая новая система требует большего внимания. Конвейер требует большего внимания и большей интенсивности. Реально всегда бывает так, что с развитием техники труд становится более интенсивным. Но новая техника создает еще один момент, который не нужно забывать, который облегчает дело, а именно, сама рабочая сила поднимается на высшую ступень, ей легче производить более напряженный труд. Это отлично знает всякий рабочий по своему опыту, при переходе завода на новую систему труда, знает он и, напри-

мер, когда начинал впервые заниматься общественной работой. Каждый знает, как от непривычной работы, от необходимости думать быстро, рабочие от станка, переходящие на общественную работу, быстро устают. А потом они привыкают, приучаются к этой новой работе. Следовательно, труд на этом поприще становится более активным, рабочие к нему привыкают и развивают в себе большую выдержку, перерабатывают сами себя. Рабочая сила становится другой. Если вы попробуете рабочего нашей страны заставить работать на американском заводе, то вначале он не в состоянии работать так, как работает американец. Почему? Потому что ему нужно привыкнуть, потому что у рабочего в Америке трудовая культура другая. Этот большой процесс—перевоспитание рабочей чилы, поднятие ее на высшую ступень, это и есть то, что я называю: трудовая культура. Трудовая культура повышается, изменяется рабочая сила, изменяется человек.

Я приведу вам такой пример из совсем другой области: кто-нибудь учится играть на каком-нибудь инструменте, скажем, на рояле; он сначала должен смотреть, куда, в какую клавишу тычется палец, он должен косить глаза на ноты и на пальцы, чтобы разобрать, как различные значки должны отражаться на движении его пальцев. Это стоит большого труда, а когда он научится играть, то ставит пальцы уже механически. Или возьмем такой пример: когда человек учится читать, он читает б+а=ба, з+а=за,—база, или б+у=бу, з+а=за,—буза *(смех)*. Когда дети учатся читать, они тратят много сил, от них требуется большое напряжение, чтобы сложить букву с буквой, разобрать, складывать, а потом они могут читать без того, чтобы тратить на это много труда. Это вошло уже в привычку. А если особенно ловко «насобачиться» на чтении—это я знаю по самому себе,—то получается такая вещь, которая в науке имеет особое название «партитурное чтение». Видишь целую страницу, целую страницу не читаешь, бегло просматриваешь и улавливаешь смысл; можно прочитать книгу, только перелистывая ее, и все-таки схватываешь самую суть вещей. Это значит, что человек так натренировался на этом деле, что развил уже способность к партитурному чтению. Я привожу такие примеры потому, что они мне более знакомы, но теоретически так же происходит и в непосредственном материальном трудовом процессе, т. е. происходит перевоспитание рабочей силы, переход ее на более высокую ступень. И в этом должен быть большой толчок рационализации промышленности.

Другой тип рабочего, другой темп труда, другая интенсивность труда, но в то же время другая способность рабочей силы развивать большую интенсивность труда. И совершенно естественно, что это есть очень крупная проблема, которую мы обязательно решим. Но мы не можем разрешать ее капиталистическим методом. Центральный комитет выставил положение о необходимости **постепенно переходить на 7-часовой рабочий день**. Тут не только имеет место то соображение, что мы сможем благодаря этому ввести большее количество смен, но и соображение большего производственного размаха. Если мы хотим двигать дело рационализации нашей промышленности вперед, мы должны компенсировать рабочий класс, раз он переходит в высшую ступень,—компенсировать более коротким рабочим днем. Мы из 7-часового рабочего дня, поскольку он будет реализован, сделаем мощный рычаг, чтобы поставить себя на более высокую ступень развития. Мы не можем перегнать в хозяйственном отношении капиталистические страны, если мы весь темп нашего производства не переведем на несколько классов вперед.

Я не буду останавливаться на целом ряде других проблем,— они изложены в опубликованных решениях.

Перехожу к изложению конкретных мер, принятых по вопросу о деревне.

Дальнейший нажим на кулака — продолжение нашей политической линии.

С классовой точки зрения мы к вопросу нашей деревенской политики подходим точно так же, как к вопросу о построении пятилетнего плана нашего хозяйства. Наша основная задача—социалистическое продвижение вперед. Как я уже сказал, на основе наших достижений мы должны повести более организованное наступление на капиталистические слои деревни, на основе укрепления и упрочения союза с середняком. Тезисы, которые предложены вниманию членов партии, отмечают и общую установку, о которой я говорил, и ошибки и извращения нашей политики. В тезисах отмечены крупнейшие ошибки и крупнейшие извращения нашей политики в деревне, которые мы имели и можем иметь. Главное в тезисах заключается в тех практических мероприятиях, которые Центральный комитет считал нужным наметить на ближайшее наше будущее, для реализации намеченной тактической линии.

В чем будет выражаться линия более форсированного наступления на кулака?

Вопервых, уточнение и улучшение постановки прогрессивно-подоходного обложения в смысле уловления всех доходов кулака, в смысле перехода на этот тип обложения в волости.

Вовторых, борьба с куплей и продажей, дарением и завещанием земель, случаи чего бывают в некоторых местах.

Втретьих, сокращение сроков аренды—сокращение прав для тех, кто не возделывает сам землю, сдавать ее в аренду, от трех до шести лет.

Вчетвертых, прекращение выделов на отруба, если этот переход на отруба идет на пользу кулака и сопровождается ростом отрубного хозяйства кулацкого типа.

Впятых, строгое соблюдение кодекса законов о труде в деревенском капиталистическом, т. е. в кулацком, хозяйстве и так называемых временных правил в хозяйствах среднезажиточного типа, на которые эти правила распространяются.

Большее внимание и усиление кооперативных форм хозяйства с таким уклоном, чтобы от сбытовой кооперации, от кооперации по сбыту и снабжению сейчас в возрастающей степени развивать производственное кооперирование. Наши хозорганы уже сейчас зачастую дают прямые заказы крестьянству, указывают, как лучше производить, иногда дают ему сырье и, таким образом, связываются договорными отношениями с кооперированным крестьянством, ведя фактически это хозяйство по определенному производственному плану.

В области политических мероприятий важнейшее ограничение, намеченное в тезисах, это лишение по сути дела кулака права голоса в земельных обществах. Это—крупнейшая реформа. Дело в том, что в деревнях очень часто земельные дела решает земельное общество и, кроме того, совет, т. е. имеется как бы зародыш некоторого «двоевластия». Если кулак лишен избирательных прав в совет, а в земельном обществе, при решении земельных дел, имеет право голоса, он там голосует и может так или иначе манипулировать. Поэтому намечено лишение права голоса в земельном обществе для тех, кто лишен избирательных прав в совет. Это необходимо и с точки зрения общей линии нашей политики, чтобы совет не оторвался от производственной базы, т. е. от дел земельного общества.

Вот главные из тех мероприятий, которые идут по деревенской линии. Я не останавливаюсь на других мероприятиях, более

обычного типа, ну, скажем, всемерной помощи ирригационным работам, на вопросе о землеустройстве, без разрешения которого невозможно дальнейшее развитие крестьянского хозяйства вперед, невозможно ограничение вожделений кулака, который при землеустроительной неурядице перехватывает иногда лучшую землю, и т. д.

Во всех этих мероприятиях отражается та общая политическая классовая линия, которую мы наметили на основе завоеваний, полученных в результате решений XIV съезда в новой обстановке. Эта линия находит свое конкретное, практическое выражение в решениях пленума, которые должны будут с максимальной настойчивостью проводиться членами партии после того, как, мы надеемся, партийный съезд эти решения утвердит.

У нас было два главных пункта в порядке дня нашего пленума Центрального комитета—если не считать вопроса об оппозиции—это именно: вопрос о пятилетнем плане и вопрос относительно работы в деревне.

Я коснулся здесь только наиболее важного по той причине, что эти темы настолько обширны, что, даже отвлекаясь от международного положения, о чем у нас обычно всегда принято говорить, тут подняты сложные, труднейшие вопросы нашей борьбы и работы.

Мне хотелось бы с полнейшей отчетливостью и ясностью подчеркнуть одну мысль, которую я хотел провести в этой части доклада, а именно:

вопервых, что мы сейчас, в теперешних условиях должны усилить нажим на капиталистические элементы;

вовторых, что эта наша политика не случайна, а вытекает и связана с предыдущей нашей политикой;

втретьих, что эта увязка заключается в том, что мы не могли перейти к форсированному наступлению на капиталистические элементы деревни, не имея вместе с собою крестьянина-середняка, и,

вчетвертых, что мы не могли приобрести на свою сторону крестьянина-середняка, не проведя тех мероприятий, которые решил XIV партийный съезд.

Теперешняя наша политика, намеченная последним очередным пленумом Центрального комитета, это не есть пуля, случайно выпущенная, выстрел из револьвера, как пытается это представить оппозиция, а это есть продолжение той политической линии, которую мы имели раньше, на основе

учета нового классового сочетания общественных сил, на основе того нового, что мы получили в результате двух лет.

Еще и еще раз повторяю,—не ленинец тот, кто говорит при каждом удобном и неудобном случае буквально то же самое. Такому виду животного имеется правильное название «попугая». Задача ленинца—анализировать конкретное соотношение сил, конкретное положение, и соответственно этому действовать. Мы перешли теперь в новую обстановку на основе нашей предыдущей политики. Новая обстановка требует от нас и некоторого нового слова. Это новое слово и намечено решениями последнего пленума.

ПАРТИЯ и ТРОЦКИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ.

Перехожу теперь к вопросам, связанным с нашими разногласиями, с разногласиями между оппозицией и партией. Этот раздел своего доклада я начну со следующего. Нередко приходится слышать со стороны оппозиционных товарищей, что мы, якобы, пошли им навстречу, или «стибрили» часть того, что у них написано в их платформах, заявлениях и пр. На этот вопрос я, по существу, ответил в первой части своего доклада, а здесь я хочу поставить другой вопрос. Хорошо, предположим, что мы «стибрили» их платформу, почему же тогда они не складывают оружия, почему же они тогда не скажут: ну, ладно, были разногласия насчет кулака, теперь партия пришла к нашим взглядам, разногласия изжиты, давайте жить в мире; были разногласия по ряду других вопросов, но теперь, благодаря тому, как Троцкий говорил на одном совещании, что Бухарин поворачивает «теоретическую кобылу» то хвостом, то мордою, в зависимости от настроения, теперь, когда ЦК, по мнению оппозиции, повернул эту самую кобылу не хвостом, а мордою, почему же вы не складываете оружия, милостивые друзья? Это совершенно естественный вопрос.

В самом деле. Предположим, что мы втечение двух лет ошибались, предположим, что со времени XIV партсъезда мы несли величайшую ахинею, предположим, что именно благодаря этому оппозиция имела морально-политическое право встать на дыбы и обрушивать на партию решительно все, что у нее было в ее арсенале, начиная от твердых мортирных снарядов и кончая довольно зловонными веществами. Для чего же нужно сейчас так трещать? Почему же сейчас всем не сплотиться, раз партия, по убеждению оппозиции, изменяет свою точку зрения? Такой вопрос нужно задать. На это оппозиция отвечает: видите, вы нас явно «обокрали», но мы не верим, что руководящие партийные кадры будут в состоянии провести ту программу, которую мы указываем; вы все здесь жульничаете, пошли налево, сделали

зигзаг, повернули под влиянием критики оппозиции, но партия не в состоянии провести то, что сама признала.

Ладно, предположим, что и это так; предположим, что у нас такое положение вещей, что вся партия говорила величайшую ахинею два года, предположим даже, что теперь, встав на правильную точку зрения, партийное руководство само не в состоянии будет провести эту политику. Но скажите, пожалуйста, если бы все это было так, и если бы в этих двух вопросах оппозиция была права, разве тогда не должна была оппозиция сказать: ну, теперь руководство партии обнаружило свое политическое банкротство, партия, однако, этому руководству верит; мы, оппозиция, должны еще доказать всей рядовой партийной массе, что это руководство по тем векселям, которые оно дало, платить не будет. Подождемте еще годок, и все увидят, что это партийное руководство по векселям, выданным им, платить не будет, политическую линию, которая теперь намечена, осуществить не сможет, тогда всякий дурак поймет, что этакое руководство надо сбрасывать, сшибать. Так тогда должна была бы рассуждать оппозиция.

А что мы видим вместо этого? Вместо этого мы видим, что как раз перемена тактической ориентировки партии в связи с новым положением сопровождается со стороны оппозиции не только криками о том, что нас де «обокрали», но и неслыханным обострением внутрипартийной борьбы. Это почему? Если вы уверены, что теперешнее партийное руководство своими собственными силами не сможет провести намеченную политику, если дело обстоит так, то разве не долгом каждого оппозиционера являлось бы выждать еще известное количество времени, а не подвергать партию неслыханной опасности раскола, подвергать пролетарскую диктатуру в нашей стране различным колебаниям, идя на путь нелегальщины, переходя решительно все рамки внутрипартийных норм и даже норм общесоветского права.

Оппозиция отошла от партии не только в вопросах тактики, но и в вопросах программы.

Из-за чего такой шум? Из-за чего такая ожесточенная атака? Из-за чего такая политика, которая по сути дела означает выбрасывание всех организационных принципов партии в корзину? Почему такое бешенство? Почему такая анти-

партийная и даже, повторяю, отчасти **антисоветская** работа? **Почему?** Если все так, как говорит оппозиция, то на этот вопрос нельзя найти никакого ответа, если... если не обратить внимания на другую сторону дела, если не обратить внимания на то, что сейчас, по сути вещей, оппозиционные товарищи отходят от партии не только тактически, **но и программно**. И если дело будет итти так и дальше, то ничего хорошего для оппозиции получиться не может.

Я возьму некоторые пункты, наиболее важные с моей точки зрения и, думаю, с точки зрения всех нас, и постараюсь показать, **насколько далеко в основных, элементарных, кардинальных и существенных вопросах разошлись партия, с одной стороны, и оппозиция, с другой стороны**. Я возьму вопрос о пресловутом «термидоре», который всем вам изрядно надоел, но о котором я все же здесь должен сказать несколько слов. Вопрос о «термидоре» есть по сути дела вопрос о том, **что собою в конце концов представляет сейчас наша страна**. Есть ли у нас революционное строительство, или у нас контрреволюция, победа других классов и т. д.? Повторяю,—это вопрос о том, что сейчас представляет собою наша страна. Это не маленький вопрос! Этим вопросом определяется все. Троцкий в своей брошюре «Новый курс», нападая на политику партийного большинства, в кругу которого находились Зиновьев, Каменев и др., и в то же самое время отгораживая себя от других критиков нашей партии, именно—от критиков меньшевистского и либерального лагеря, критиков, которые считали, что они первые заговорили о термидоре, которые еще в 1921 году видели в Ленине главного «термидорианца», которые в новой экономической политике видели основное грехопадение большевиков, которые еще в 21 г. в новой экономической политике видели провозвестника грядущего бонапартизма и грядущей контрреволюции,—боролся на два фронта: с одной стороны—против партийного большинства, а с другой стороны—против меньшевиков и сменовеховцев. Вот что он писал: «**Исторические аналогии с Великой французской революцией** (**крушение якобинцев!**), **которыми питаются и утешаются либерализм и меньшевизм, поверхностны и несостоятельны**». («Новый курс», стр. 33. Курсив наш.—*Н. Б.*)

Что это за аналогия с Великой французской революцией? Эта аналогия с Великой французской революцией, это есть ана-

логия с термидором, бонапартизмом и прочими «металлами и жупелами». Троцкий еще в 1923 году писал, что игра с этими вещами, игра с аналогией и сама аналогия поверхностны, т. е. недопустимы, несостоятельны, т. е. не годятся, а рассматривая с точки зрения социально-классовой этих говорунов о «термидорах», назвал их либералами и меньшевиками и писал: пусть питаются и утешаются либерализм и меньшевизм этими аналогиями.

Прошло несколько лет—с 23-го по 27-й год. Кто теперь питается и утешается этой аналогией с Великой французской революцией? Утешается ею и питается меньшевизм? Да. Либерализм? Да. Но только ли они, или еще кто-то, кто тоже питается теоретически, идейно этой аналогией? К сожалению, мы должны констатировать тот несомненный факт, что сейчас к двойке—к либерализму и меньшевизму—присоединилась еще оппозиция в нашей партии, во главе с Троцким. А как нужно оценить с этой точки зрения наши разногласия? С этой точки зрения наши разногласия нельзя иначе оценить, как так, что по коренному вопросу, от которого зависит ответ на целый ряд других тактических, общеполитических, хозяйственных и прочих вопросов, оценка положения в стране, которая дается сейчас нашей оппозицией, есть оценка, которая привела нашу оппозицию в один лагерь с либералами и меньшевиками. Это, к сожалению, несомненный факт.

Оппозиция скатилась к меньшевизму в вопросе об оценке диктатуры пролетариата.

Я беру второй вопрос, связанный с этим вопросом,—вопрос о характере нашей государственной власти. Вопрос о характере нашей государственной власти—вопрос не маленький; вопрос о характере государственной власти есть существенный вопрос для оценки положения вещей в той или другой стране. Что мы по этому поводу имели и имеем?

Все мы знаем, что сравнительно недавно, какие-нибудь полтора года тому назад, Троцкий впервые выпустил крылатое словечко о «далеко не пролетарском характере нашего государства», Когда обратили его просвещенное внимание на это «далеко не пролетарское государство», то Троцкий неоднократно позволял себе обвинять тех, кто критиковал это положение, чуть ли не в

клевете. А теперь, что мы видим, и что теперь говорят оппозиционеры про наш строй, про государственную власть? Ни для кого не секрет документ оппозиции, в котором черным по белому написано, что с помощью руководящей группы, теперешней группы нашего Центрального комитета, наша страна пришла к такому положению вещей, когда мы переживаем период Керенского. Это написано черным по белому. Это циркулирует в различного рода документах наших оппозиционных товарищей. Но что это означает, если мы переживаем «эпоху Керенского», а наша оппозиция стоит на точке зрения большевиков 1917 года, июля месяца?— Это означает, что мы являемся контрреволюционным государством, и это означает, что настоящий революционер должен не только не заниматься защитой этого государства, а должен свергать это государство. Мы можем констатировать, что в вопросе об отношении к государственной власти теперь, пройдя через различные этапы, через положение о «далеко не пролетарском государстве», оппозиция имеет решительную тенденцию переходить к вещам, которые влекут за собой выводы, политически абсолютно несовместимые и абсолютно нетерпимые (мягко выражаясь) в рядах партии революционного рабочего класса.

Оппозиция предпочитает буржуазную „демократию" пролетарской диктатуре.

Я должен процитировать здесь один документ, который был оглашен на последнем пленуме и остался без опровержения со стороны представителей оппозиции. Поэтому я его процитирую здесь. Это есть заявление одного из ленинградских товарищей, Косько, который был «на приеме» у Троцкого, Зиновьева и пр. во время их последнего пребывания в Ленинграде в период сессии Центрального исполнительного комитета советов. «На приеме» тт. Зиновьеву, Троцкому и пр. задавались различного рода вопросы, и в том числе был задан вопрос о том, каким образом союзники теперешней нашей оппозиции германские ультра-левые в своем органе «Фане-дес-Коммунизмус» («Знамя коммунизма»), издаваемом всем вам известным Масловым, выдали нашего товарища Ломинадзе полиции. Тов. Ломинадзе работал там нелегально, а они взяли и написали, что он находится в Германии и пишет такие-то статьи. И вот этот т. Косько описывает, что ответил на это т. Зиновьев. Я цитирую дословно заявление этого ленинградского товарища.

«Зиновьев (отвечает). Мы в этом, конечно, повинны. Но ничего страшного тут нет. У тов. Ломинадзе ни один волос не упал с головы. Конечно, плохо, что так вышло. Да, правду сказать, как это ни странно, в гинденбурговской Германии свободнее, чем у нас. Я смело могу сказать, что сейчас там нет ни одного коммуниста в тюрьме. Можешь писать и говорить, что хочешь. А у нас—сегодня скажешь на партсобрании про секретаря или против какой-нибудь ошибки аппарата, а завтра тебя исключат из партии». (Курсив наш.—*Н. Б.*) (*Голоса:* «Позор!»)

Я позволил себе процитировать этот документ, повторяю, потому, что он был зачитан на пленуме Центрального комитета и не удостоился опровержения со стороны оппозиции. Но установка, данная в документе, удивительно вяжется со всем прочим—и с «термидором», и со сравнением с керенщиной. В самом деле, если у нас есть не только термидор, но и такая победа контрреволюции, которая роднит наше государство с государством российской империалистической буржуазии времен Керенского, после июльских дней, т. е. после временного разгрома и подавления революционного рабочего класса, то, пожалуй, по сравнению с таким государством гинденбурговская Германия не отличается особенно большими недостатками. Но, товарищи, тогда нам нужно с оппозицией договориться: кому гинденбурговская буржуазная республика более люба, чем Советская республика рабочего класса, тому—скатертью дорога, мы не мешаем... (*Возгласы:* «Правильно!» *Бурные аплодисменты.*)

Оппозиция отрицает социалистический характер наших командных высот.

Беру другой вопрос, который точно так же должен быть поставлен, когда мы говорим относительно кардинальных вопросов, стоящих перед каждым из нас, перед каждым сознательным членом рабочего класса и каждым членом нашей партии. Это есть вопрос о роли командных экономических высот. Во время XIV партийного съезда по этому вопросу, по вопросу об оценке роли командных экономических высот, у нас были разногласия с новой оппозицией, причем эти разногласия были тогда еще очень трудно уловимы. Оппозиция не давала точной формулировки, она только атаковала наши опре-

деления промышленности как промышленности «последовательно-социалистического типа», по выражению Ленина, или как «социалистической индустрии». Оппозиция давала разные формулировки, очень «эластичные», совершенно неточные, но которые все клонились к тому, чтобы подорвать социалистическое значение нашей промышленности, хотя бы слегка подорвать. А в одном из последних «произведений» нашей оппозиции, а именно — в оппозиционной «платформе», где речь идет о промышленности, сказано, между прочим, что теперешнее положение на фабриках имеет тенденцию восстановления отношений дореволюционного периода. Прямо там сказано об отношениях между мастерами и рабочими, но в таком контексте, который совершенно ясно говорит об общей тенденции на фабриках восстанавливать отношения между людьми, которые были свойственны дореволюционному периоду. А так как социальная характеристика, т. е. классовое существо того или иного строя, той или иной промышленности, определяется именно этими отношениями между людьми, то сказать, что в области нашей промышленности имеется сильная тенденция к восстановлению отношений дореволюционного периода, это значит начать отрицать какой бы то ни было социалистический характер государственной промышленности. Это разногласие не есть тактическое, это есть разногласие программное, потому что, если бы на наших фабриках были отношения дореволюционного периода, то мы не имели бы никакого ни морального, ни политического, ни революционного права призывать рабочий класс поддерживать такую промышленность, а, наоборот, должны были бы призывать эту промышленность разрушать.

На XIV партийном съезде разногласия по этим вопросам при всей своей величине играли сравнительно второстепенную роль, хотя эти разногласия крупные и большие. Но то, что мы имеем сейчас, обозначает огромнейшее раздвижение идеологических ножниц за последние два года, раздвижение, которое точно так же идеологически выводит оппозицию за пределы хотя бы элементарного ленинского понимания вещей.

Тов. Смилга в своей критике тезисов тов. Молотова о работе в деревне, которые Политбюро представило вниманию пленума, между прочим, заявил относительно этих тезисов следующее (я цитирую буквально по стенографической записи прений, бывших на пленуме ЦК): «Вместо ленинской установки мы имеем бухаринскую, которая заключается в том, что при капита-

лизме—так, а у нас все принципиально иначе». (Курсив наш.—*Н. Б.*) В тезисах доказывается, что у нас диференциация крестьянства идет не совсем так, как она идет в капиталистических странах, у нас цифры и статистические данные показывают, что при росте кулацких хозяйств и при пролетаризации части бедняцких хозяйств, благодаря тому, что известная, довольно значительная часть бедняцких хозяйств переходит в середняцкие, середняк у нас не вымывается, как в условиях капиталистического строя, а середняк есть и остается центральной фигурой нашего земледелия, и что причина этому пролетарская диктатура, вся система отношений при пролетарской диктатуре, направление наших командных высот, т. е. принципиально иные пути развития возможны у нас потому, что у нас принципиально иная структура государственной власти.

Тов. Смилге захотелось назвать эту установку «бухаринской», в противоположность «ленинской», и он развил целый каскад соответствующих тирад насчет ревизионизма, отрицания диференциации и всяких других «металлов и жупелов».

Троцкизм против ленинского кооперативного плана.

Но главное положение, которое он здесь выставил, гласит, как я вам читал: «вместо ленинской установки мы имеем бухаринскую, которая заключается в том, что при капитализме—так, а у нас все принципиально иначе». Что все принципиально иначе, этого я никогда не говорил, и тезисы тов. Молотова этого не говорят. Но что у нас основное развитие принципиально иначе поставлено, это до сих пор считалось элементарной истиной для каждого члена партии, и вы знаете это. Если бы было не так, то, позвольте вас спросить,—каким же образом мог бы найти себе место в политике партии кооперативный план Вл. Ильича? Если у нас середняк обречен, как в капиталистическом обществе, на обязательное и необходимое вымывание, если процесс диференциации у нас идет точно так же, как в капиталистическом обществе, где нет никакой пролетарской диктатуры, если развитие сельского хозяйства идет точь в точь как в капиталистическом обществе, если здесь нет принципиального поворота, то каким же образом Ленин мог ориентироваться на кооперацию, которая во всех капиталистических странах всегда врастала в совокупный механизм капиталистического хо-

зяйственного аппарата, подчинялась и вырождалась в капиталистическую кооперацию,—каким же образом Ленин мог ориентироваться на кооперацию как на метод развития социализма? Такими вещами тов. Смилга целиком зачеркивает весь ленинский план, уже не говоря о вздорности утверждения, что пролетарская диктатура не меняет коренным образом всех условий развития и всего темпа развития и его направления. Против такого рода аргументации мы находим классическое возражение, которое мне, по чести говоря, стыдно приводить, настолько оно известно каждому нашему партийцу. Это возражение сделал не кто иной как сам тов. Ленин в той же самой статье о кооперации, ибо он писал: «В мечтании старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплоататоров». (XVIII т., ч. 2-я, стр. 139. Курсив наш.—*Н. Б.*) И дальше он пишет в конце этой статьи: «Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение». (Там же, стр. 144, Курсив наш.—*Н. Б.*) Он поясняет свою мысль, в чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна: «В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплоататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошную фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый «гражданский мир»). «Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплоататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплоататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса»; «Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения

нашей на социализм». (Там же.) А у Смилги где коренная перемена? Ее нет, она исчезла.

А почему? Ларчик открывается просто. Потому, что Смилга исходит из молчаливой предпосылки, что нет у нас пролетарской диктатуры, а поэтому естественно, что раз нет этого коренного рычага, то все идет не так; возникают предпосылки о термидоре, о государстве периода Керенского, о промышленности, в которой восстанавливаются довоенные отношения, о капиталистических путях развития сельского хозяйства и т. д., причем все эти вопросы завязаны в один узел, и этот узел упирается целиком в один кардинальный вопрос—о природе государства в нашей стране: есть ли пролетарская диктатура у нас, или ее нет? Ибо вы видите, как решительно по всем направлениям так называемая оппозиционная мысль бьется под знаком отрицания пролетарской диктатуры в нашей стране. Это уже не тактическое разногласие, это есть коренное программное разногласие, и здесь лучше разойтись, чем жить вместе под одной крышей, если существует такая установка у оппозиции. *(Аплодисменты.)*

Оппозиция выступает против социалистического строительства.

Совершенно понятно, что при таких, совершенно неслыханных, идейных установках,—я в этом споре, который имеет совсем невеселое значение, отметаю все личное, все второстепенное и все наносное и беру только коренные вопросы,—так вот, при таких идейных установках, которые есть не что иное как переход нашей оппозиции в тот лагерь, который Троцкий в 1923 году называл лагерем меньшевиков-либералов, определяется практически политическая установка оппозиции, развитие ее платформы. Что в этой платформе сказано о рационализации нашей промышленности? Там сказано только плохое: об извращениях, о недостатках и т. д. Это плохое у нас есть. А посмотрите, что сказано положительного о рационализации нашей промышленности? По вопросу, который с точки зрения строительства социализма имеет поистине кардинальное и чуть ли не решающее значение... сказано всего две с половиной строчки, как «кот наплакал». Почему? Да потому, что чего же говорить о рационализации промышленности, в которой восстанавливаются «довоенные отношения». Далее, куда делся у Смилги кооперативный план? Его нет, потому что выпала предпосылка о пролетар-

ской диктатуре в нашей стране. А вся установка в городе и в деревне? О деревне говорится только в смысле защиты интересов бедняка, это верно. Но этого еще недостаточно, такие же пункты есть и у меньшевиков, но у оппозиции нет положительной задачи строительства социализма в деревне. Где она? Она улетела, она испарилась! Все это сейчас понятно: ведь если у нас процесс диференциации крестьянства идет точно так же, как в капиталистическом обществе, а все остальное есть «ревизионизм», то как же на этом строить социализм, расскажите вы мне, пожалуйста? Где же вы здесь осуществите ленинский кооперативный план? Его нельзя осуществить, а поэтому совершенно естественно, что речь об этом может итти так же, как и у меньшевиков. Меньшевики считают, что у нас имеется своеобразный капитализм, а поэтому можно позаботиться о том, чтобы рабочие стачкой нажали на то, чтобы им лишний рубль выплатили, или еще что, но... поддержать нашу промышленность—упаси, боже! Вот поддержка промышленности в гинденбурговской Германии, где, якобы, «ни один коммунист не сидит в тюрьме» (!?), это другое дело, а в нашей стране, где имеется тенденция к восстановлению довоенного царского уровня,—ни под каким видом! «Пущай» дураки из большинства этим занимаются! Вот ведь какая у них установочка. А в деревне? В деревне можно защищать батраков, а поставить задачу положительной работы, задачу строительства социализма—нет, это не наше дело; этого сделать нельзя, потому что «нет пролетарской диктатуры», а есть «термидор» и т. п. Ведь вот что получается.

Оппозиция ломает советскую легальность.

Теперь посмотрите, да разве вместе с этим не важно то, что делается в области организационно-тактической. Все то, что позволила себе оппозиция, эта пока что внутрипартийная оппозиция, является величайшей трагедией для нее самой, ибо она перешла рамки не только партийной легальности, но и советской легальности.

Она поступает не только нелойяльно по отношению к партии, т. е. не подчиняется партийному большинству, не подчиняется решениям партийного съезда, плюет на решения Коминтерна и т. д., но она идет еще и дальше, когда берет обложку покойного пролетарского писателя Фурманова и под этой обложкой, обманным путем, печатает свою платформу на казенные

деньги, обманывая наши хозяйственные органы. Вопервых, Фурманов не давал мандата использовать его, покойника, для оппозиционных делишек. Это просто не особенно порядочно по отношению к умершему товарищу. С другой стороны, разве это не есть нарушение советских законов? Это есть нарушение советских законов. А что такое советский закон? Советский закон, если у нас есть пролетарская диктатура, это есть закон пролетарской диктатуры. Что такое нарушение законов пролетарской диктатуры? Нарушение законов пролетарской диктатуры есть ломка пролетарской диктатуры. Одно из двух— или пусть оппозиционные товарищи выйдут и открыто скажут: мы не верим, чтобы у вас была сейчас пролетарская диктатура в стране! Тогда пусть они на нас не гневаются, если мы им скажем, что тогда гнусным лицемерием является заявление о том, что они желают защищать такую страну от внешнего врага. Если у нас нет пролетарской диктатуры, тогда рабочему-революционеру не для чего защищать такое государство, тогда его надо свергать, пользуясь вторжением внешнего врага. Если вы говорите, что вы желаете защищать наше государство, что у нас есть пролетарская диктатура, тогда вы должны нам объяснить, каким образом человек, стоящий на точке зрения, что у нас есть пролетарская диктатура, осмеливается ломать законы пролетарской диктатуры? Вот как обстоит дело. Понятно, что, исходя из отрицания пролетарской диктатуры в нашей стране, ломая законы пролетарской диктатуры, можно точно так же выставлять положение: главный враг—это режим, потому что если нет пролетарской диктатуры, если у нас сейчас государство, аналогичное государству буржуазии времен Керенского после июльских дней, тогда совершенно ясно, что это и есть та мишень, в которую должен целить пулей каждый честный революционер. Тогда опять—выйдите и скажите нам, что де нашей установкой является борьба против режима, который у нас сейчас есть, тогда не играйте в двойную бухгалтерию, тогда не говорите, что вы это государство, связанное с этим режимом, хотите защищать против внешнего врага, если у Гинденбурга лучше, чем у нас! Почему вы будете защищать наше государство, если «лучшее», гинденбурговское государство поведет свои полки против нашей красной страны? Это надо продумать. Нельзя бросаться так словами и, как фокусник, вытаскивать то одно, то другое, ни за что не отвечая. Нет, извольте ответ держать перед партией за каждое слово.

Совершенно естественно, что в связи с этим стоит вопрос об отношении к партии. Если наше государство все к чорту прогнило, если режим у нас такой, что у Гинденбурга «лучше», ясно, что виновницей всего этого зла является наша партия, тогда понятно, почему можно нелегальщину устраивать, типографии заводить, ничего не чураться, тайные собрания созывать, другую партию строить и т. д. Тогда выйдите и скажите нам: пока что мы находимся в вашей партии—так же, как, скажем, одно время вы находились в Гоминдане для того, чтобы вас потом взорвать, околпачить и т. д. Тогда скажите по чести. Нельзя же вести двойную игру, нельзя говорить—единство партии и т. д., а потом на все это плевать. Политика оппозиции в этом вопросе понятна в том случае, если предполагать элементарную логику в их головах, т. е., если они смотрят на нашу партию не как на пролетарскую, а как на Гоминдан, и сидят в этой партии только для того, чтобы уловить еще остатки рабочего класса, который находится в нашей партии, а потом увести вместе с собой. Тогда это понятно.

Но тогда пусть скажут это открыто, пусть скажут нам, что наша партия, которая считается партией рабочего класса,—что она не есть партия рабочего класса, пусть скажут нам тогда это открыто, пусть они осмелятся это сказать перед рабочей массой, которая входит в состав нашей партии.

Я наперед скажу, что, получив жесточайший отпор в наших партийных ячейках, они выдумают новую теорию: они скажут, что пролетариат устал, что он расчленен, что он развращен, что нужно выждать десять лет, и тогда видно будет, что они все-таки были правы,—они найдут себе утешение; всякая старуха находит себе утешение—или в иконе, или в боге, или в болонке,—они найдут себе утешение в новой «теории».

Оппозиция стала знаменем „третьей силы".

Кстати, они говорят, что за ними «миллионы». Они сказали на пленуме, что ленинградский пролетариат от партии отвернулся, что он голосовал на демонстрации за оппозицию. *(Смех.)* По этой причине они, что ли, голосовали против манифеста ЦИКа. Так вот только из такой установки по отношению к партии они могут сделать вывод, который они делают, и только из такой установки понятно, что они делают в рамках Коммунистического

интернационала. Предположим, что мы переродились,—я готов признать сегодня самые неприемлемые вещи,—предположим, что в советской стране мы переродились и вместо красной страны, вместо пролетарской диктатуры и пр. лежит куча навоза (непонятно только, почему рабочие всех стран приезжают смотреть на эту кучу!). *(Смех.)* Вот что интересно—почему оппозиция борется в таком случае против всех партий Коминтерна. Я должен сказать, что у них можно видеть такую цепочку—все зло идет от ЦК ВКП(б), что это зло проникает во все страны и что через нашу партию идет разложение всего западноевропейского пролетариата. Непонятно—какими чудодейственными средствами должна обладать эта цекистская группа, которая оказывает на весь мир такое влияние. Но они так рассуждают. Они идут против огромного большинства партии. Троцкий на протяжении ряда лет до революции собирал всякую веревочку, всякую дрянь до тех пор, пока все не развалилось, не расползлось, лишь бы насолить большевикам. Так и сейчас делается по отношению к нашей партии, ровно так же. Если мы вспомним августовский блок, то Троцкий делает теперь в международном масштабе то, что он делал в нашей партии или вне нашей партии против нее. Оппозиция говорит, что она опирается на левое крыло Коминтерна. Сейчас я приведу сводку того, на кого опирается, кого собирает вокруг себя троцкистская оппозиция. Я говорю о троцкистской оппозиции, потому что всем ясно, что Зиновьев и Каменев отнюдь не играют роль гегемона в данном случае.

Вот что мы имеем по странам: в Германии у оппозиции есть масловская группа, центральный орган которой выдал Ломинадзе. За последнее время есть документ,—пусть попробует опровергнуть это кто угодно,—что Маслов вступил в связь с группой Корша, а про Корша Зиновьев писал, что это явный контрреволюционер.

Это тот самый Корш, который требует сейчас амнистии русским меньшевикам, который решительно высказывается против того, чтобы защищать нашу страну в случае империалистической войны, так как, по его словам, защита нашей страны это все равно, что защита любой империалистической страны, и та группировка, которая защищает нашу страну, совершает такое же падение, какое совершила германская социал-демократия в августе 1914 г. Оппозиция называла Корша контрреволюционером, теперь они понемногу подползли к этому самому Коршу.

А кто у них есть в Италии? Парижская группа итальянских политэмигрантов, а потом из более или менее порядочных людей у них есть Бордига. Возьмите любой конгресс Коминтерна, на котором председательствовал тов. Зиновьев, и возьмите любую его речь по поводу Бордига; он всегда оценивал его как человека, у которого нет ни капли марксизма и ленинизма.

Но я беру еще другие вещи, которые еще более интересны, а именно: оппозиция имеет сторонников в Бельгии. Правда, не из членов Коммунистической партии, но из группы Либерса. Это социал-демократическая группа, которая сейчас борется против Профинтерна, которая бешено борется против бельгийской коммунистической партии и которая на последнем собрании своих сторонников решительным образом боролась против посылки делегации в СССР. Этот лидер объявляет себя сторонником оппозиции, издает ее документы и аргументирует оппозиционной платформой для того, чтобы повернуть стремление рабочего класса своей страны ехать в нашу страну. И понятно, почему же не ехать смотреть на гинденбурговскую Германию, когда там «лучше», «свободнее» и режим там совсем не такой «кровавый», как у нас.

У них есть теперь сторонники в Австрии. Их сторонники в Австрии—это небольшая кучка людей, во главе с Фреем, который не так давно был исключен из австрийской Коммунистчиеской партии. За что он был исключен? Он был исключен за то, что предлагал коммунистам во время последних парламентских выборов итти вместе с социал-демократами без всяких условий. Он это не только предлагал, а издавал свою газету против партии, создал свою фракцию и т. д. А теперь он проповедует, что Коминтерн держался неправильной линии в венских событиях, выставив лозунг Советов, что это есть якобы анархо-коммунизм, что надо итти вместе с социал-демократами. И этот человек, который с резко правого фланга критиковал нашу линию, теперь является сторонником оппозиции.

Рут Фишер, оппозиционная дама, «приятная во всех отношениях», заявляла недавно, что она скорее пойдет с КАП (маленькая анархо-синдикалистская группа в Германии, исключенная при Ленине из Коминтерна, резко враждебная уже много лет по отношению к СССР, пропагандирующая самым решительным образом против посылки делегаций в СССР). Вот эта оппозиционная дама Рут Фишер заявляет, что она скорее пойдет с КАП, чем с нами.

Сфера влияния оппозиции проникла и в Грецию. Там есть некий Пулиопулос, который был изгнан из Коммунистической партии. Теперь он является сторонником оппозиции и издает произведения оппозиции. А исключен из партии он был за то, что проповедывал, что в Греции надо вообще закрыть Коммунистическую партию.

Каждый из этих фактов вы можете проверить. Но вот букет получается недурной, букет получается очень «революционный!»

Упомяну еще одного, лично очень честного товарища, голландского товарища Генриэтту Роланд-Гольст. Она женщина пожилая, с мистическим настроением. Не так давно она устремлялась в одно религиозно-философское общество, но под нашим нажимом ушла. Она сперва апеллировала к нам все время на предмет того, чтобы мы как-нибудь утихомирили свои страсти и как-нибудь помирились с оппозицией. Так вот эта самая товарищ Роланд-Гольст объявила себя решительной сторонницей оппозиции, но в то же время не так давно написала письмо Броквею, руководителю независимой английской рабочей партии, в котором заявила, что она стоит за объединение II и III Интернационалов... (*Смех.*)

Я называю простые факты. Есть еще много других фактов, вроде того, что, например, в Голландии оппозиционеры зачисляют по своему «ведомству» профессиональную организацию, во главе которой стоит Снамфлит, исключенный давно из Коммунистического интернационала, он—большой оппортунист. Я не говорю уже о Суварине, на которого оппозиция опирается во Франции,—тоже оппортунист, исключенный за резко-правые ошибки, и т. д., и т. п. Ведь это же международный «августовский блок»! Здесь «всякой твари по паре». Здесь единая платформа для людей, которые обязуются ругать ВКП и начинают ругать СССР. Вот какова эта платформа. Это—международный «августовский блок». Деятельность оппозиции такого типа можно понять и объяснить себе только при определенном условии: если считать, что нет худшего врага, чем современная советская власть в СССР,—как говорил когда-то Каутский: «Муссолини, Хорти и русские большевики—на одной доске». До этого еще не дошло,—хорошо, если бы и никогда не дошло,—но несомненно одно, что люди идут по такому пути, что могут договориться, что главный враг—наш режим и что поэтому его можно подтачивать и подрывать всеми средствами, какие только существуют. Этакие вещи ничем нельзя оправдать.

Борьба оппозиции против партии — рецидив октябрьского дезертирства.

Если спрашиваешь себя: где же истоки этих элементарных заблуждений, где логические, разумные корни, где их найти, как это понять, то, уверяю вас, я сам иногда отказываюсь понимать, что творится в головах оппозиции. Если хладнокровно вдуматься и понять всю платформу оппозиции, как-нибудь осмыслить ее, то можно притти только к одному заключению—что в первую очередь здесь речь идет о «неслучайной октябрьской ошибке». Я это говорю не для того, чтобы сделать против кого-либо выпад,—достаточно про эти ошибки говорилось, и повторять это не к чему,—но как понять, что на десятом году революции, когда мы не сегодня—завтра будем праздновать 10-летний юбилей Октября, люди приходят к такого рода заключениям. Я лично не могу объяснить себе иначе, как тем, что это есть рецидив, громадный, глубокий, нутряной рецидив той установки, которая была во время октябрьских дней у Зиновьева и Каменева.

Какие соображения тогда играли у них роль? Соображения, что наша страна экономически, хозяйственно и технически страшно отсталая, что мы не удержим власти, а если и удержим, то будем перерождаться. Эта тема развивалась неоднократно, и я не буду ее здесь развивать. Троцкий думал, что вывезет кривая международной революции, что вывезет государственная помощь международного пролетариата, а если помощи международного пролетариата не будет, то ничего из этого не выйдет. У него была такая позиция. И если сейчас этой помощи нет, то вполне понятно, почему он спустился к тем взглядам, которые отстаивали Каменев и Зиновьев.

Нам невредно вспомнить, как они вообще смотрели в октябрьские дни на политическое положение страны. Я прочту выдержку из документа ушедших наркомов, писанного с благословения Каменева и Зиновьева. Что они писали? «Мы считаем, что только образование такого демократически-социалистического (т. е. меньшевистско-эсеровско-большевистского.—*Н. Б.*) правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто-большевистского правительства средства-

ми политического террора. На этот путь вступил Совет народных комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать». (Слушайте, дальше особенно замечательно)—«Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны». («Архив революции» 1917 г., под ред. Рожкова, стр. 408. Курсив наш.—*Н. Б.*)

Вот как они оценивали политическое положение. Они считали, что в отсталой стране, как наша, не только социализма не построить, но с политической точки зрения возникает безответственный диктаторский режим. И когда они сейчас пробуют расшатать режим, когда они сейчас становятся рупором мелкобуржуазной демократии, когда они сигнализируют, что гинденбурговская «демократия» лучше пролетарской диктатуры, они повторяют слово в слово то, что они писали и при своем уходе от октябрьских постов десять лет тому назад. Эта нутряная установка выявляется сейчас, эта нутряная установка дает себя знать в их бешеной борьбе против партийного руководства и теперешнего режима вообще.

Из старой брошюры тов. Троцкого «Наши политические задачи» я рекомендую вниманию товарищей одно чрезвычайно интересное место, которое я, к сожалению, сейчас не могу точно процитировать, но содержание которого я могу устно передать так, что общий смысл этого места будет ясен.

Тов. Троцкий писал еще в 1904 году насчет пролетарской диктатуры и говорил при этом, что переходный период поставит такие сложные задачи перед рабочим классом, что одна какая-нибудь партия, одно течение, не сможет этих задач ухватить во всей сложности, что нужны разные группы, разные течения, из которых одна подходит с одной стороны, другая подходит с другой стороны, третья—с третьей. Скажем, одна давит на кулака, а другой больше люб середняк, третьей—торф, четвертой—уголь и т. д., и только из синтеза, т. е. из объединения всех этих различных течений, направлений и партий складывается возможность решения сложнейших задач пролетарской социалистической диктатуры. Ну, а все вышло немножко наоборот.

Что касается партии, то до сих пор все большевики проповедывали, и громче всех об этом кричал тов. Зиновьев, а наряду

с ним и тов. Каменев, что у нас ни в коем случае невозможна система двух партий, что такая система означала бы сползание в рамки буржуазной демократии, что две партии в нашей стране означают два правительства, две армии, два ГПУ, два любых административных органа и т. д., потому что раскол в нашей партии будет означать раскол всего, всего нашего механизма, ибо наша партия правит и руководит, ее пальцы воткнуты в любой хозяйственный, политический, военный и пр. аппараты, и раскол нашей партии будет означать трещину во всей системе государственной власти в нашей стране. А почему же, спрашивается, они теперь об этом позабывают, почему они теперь идут к системе двух партий, почему они теперь не гнушаются ничем?

Это можно опять-таки объяснить только в том случае, если отрицать наличие диктатуры пролетариата в нашей стране, потому что, если у нас нет диктатуры пролетариата, то какое мне дело—раскалываю я или не раскалываю ГПУ, это же есть «охранка», раскалываю я или не раскалываю армию, ведь это есть армия «преторианцев», раскалываю я или не раскалываю государственный аппарат,—наплевать мне на этот аппарат, если это есть враждебная по отношению ко мне сила, т. е. при таких предпосылках можно позабыть все речи, которые еще полтора каких-нибудь года тому назад с таким воодушевлением произносились тт. Зиновьевым, Каменевым и иже с ними, которые теперь маршируют во главе с исконным антиленинцем, тов. Троцким.

А если в результате всего этого мы зададим вопрос—и пусть нам объяснят,—чем отличается эта точка зрения по отношению к СССР от точки зрения социал-демократической? Согласны здесь социал-демократы с нашей оппозицией? Согласны на сто процентов. Они только *раньше* это сказали. Относительно природы нашей государственной власти согласны социал-демократы с нашей оппозицией в том, что она переродилась? Согласны.

А о наших госпредприятиях—согласны ли они, что там возрождаются довоенные отношения? С этим также согласны. А о развертывании кооперативного плана, что якобы оно ведет не к социализму, а к капитализму? Все это говорит и социал-демократия. И в вопросах о положении рабочего класса, в том, что нечего рационализировать нашу промышленность, а что рабочему нужно вырывать то, что можно, и в разговорах о режиме,—во всем сейчас *оппозиционеров не отличишь от меньшевиков*. Мы не можем найти никакой принципиальной разницы между вами, товарищи из оппозиции, и социал-демократа-

ми. То, что вы говорите, это есть неоменьшевизм, новый меньшевизм, на новых дрожжах растущий.

А в пунктах обвинения, которые выставляют в своей платформе оппозиционеры, в пунктах обвинения, где нет ни слова правды, разве там они не повторяют социал-демократов? Главные обвинения против нашей партии, заключающиеся в платформе оппозиции,—это пункт о том, что якобы мы хотим ликвидировать монополию внешней торговли, заплатить довоенные долги, расширить политические права кулака и уйти из Китая. Ведь составители платформы великолепно знают и не смогут отрицать того, что все эти пункты лживы от начала до конца, на все сто процентов. Они же знают, что мы целиком на стороне китайской революции. Заявляя так, они на нас клевещут. Они говорят, что мы хотим ликвидировать монополию внешней торговли, но они прекрасно знают, что это неправда. Они говорят о привилегиях, которые мы предоставляем кулакам, прекрасно зная, что кулаки не имеют ни одной привилегии, а что мы лишили их права голоса в земельных обществах. Они знают, что это ложь на все сто процентов. Всю эту ложь оппозиция поет с голоса либерального и меньшевистского лагеря, как совершенно справедливо заявил в 1923 г. Л. Б. Троцкий в связи с вопросом о «термидоре», и т. д.

Социальный базис оппозиции не имеет ничего общего с пролетариатом.

Мы можем и должны выяснить социальный базис оппозиции, что она собою представляет, что она собою выражает. Я различаю непосредственный базис оппозиции и служебную роль оппозиции, что представляет собою совершенно другое. Может быть, такая группа, базисом которой являются интересы мелкой буржуазии, а служебная роль ее такова, что она помогает крупной буржуазии. Словом, ее служебная роль не совпадает с социальным базисом.

Прежде всего—о социальном базисе оппозиции. У нас в стране не все еще утряслось. Мы шагнули далеко вперед, но развитие у нас противоречивое. Характерным для городов является безработица служащих, слоев, которые стоят между интеллигенцией и городской беднотой. Мы сейчас ставим перед собою задачу борьбы с бюрократизмом, и одна из мер этой борьбы—сокращение нашего государственного советского аппарата. Один раз мы

сокращали его, теперь сокращаем его еще на 20 проц. Анализируйте состав безработных. Вы увидите, что служащие там играют громадную роль, а мы сейчас не только не собираемся расширять наш государственный аппарат, но, наоборот, режем его. Что же вы думаете, что это даром проходит? Это огромный слой, который выталкивается сейчас в результате сжатия нашего аппарата, слой не чисто-пролетарский, служивый, чиновничий и т. д., но он тоже есть хочет. Конечно, эти безработные не особенно довольны, когда все время идет чистка и сжатие аппарата, когда их рассчитывают и выбрасывают на улицу. Все же мы с вами прекрасно понимаем, что с точки зрения интересов нашего пролетарского государства в целом нам нужно упрощать наш аппарат, а это, повторяю, влечет за собой выбрасывание людей на улицу. Это не особенно приятная операция, и многим не становится легче от того, что это делается из высоких государственных соображений. Эта масса сплошь и рядом связана родственными корнями со служилой интеллигенцией, она связана другими концами с массой городской бедноты. Вот мы много говорили о спекуляции. А вы ведь знаете, что выясняется такая картина: масса городской бедноты у нас по Москве спекулирует, нанимается к крупным скупщикам, стоит в очередях, иногда снабжает их кооперативными книжками, выстаивает целые дни, чтобы получить товар. По существу они являются агентурой частника, который стоит за их спиной. Вы думаете, они чрезвычайно довольны нашим режимом? Они тоже связаны с различными группами населения, более того, они связаны некоторыми своими концами с отдельными, правда, незначительными слоями рабочих и крестьян, находящимися в городах. Можем ли мы сейчас наш государственный аппарат не сокращать? Не можем. Можем ли всю нашу интеллигенцию и полуинтеллигенцию сейчас ублаготворить? Нет, не можем. Эти слои проявляют некоторое недовольство этим положением. Это есть главная база оппозиции. Когда мы сравниваем рабочие ячейки и вузовские ячейки в нашей партии, то процент оппозиционеров в вузовских ячейках выше, чем в рабочих ячейках. Почему? Потому что этот состав вузовских ячеек связан со слоями, о которых я говорил. Оппозиция идеологически выбрасывает левый флаг, а выражает напор всех этих слоев: тут есть часть наиболее отсталых безработных рабочих, не понимающих, в каком положении мы находимся, которым, конечно, трудно терпеть это положение. Но решающую роль играют и главное ядро составляют эта самая городская мелкая буржуа-

зия и служащие, полуинтеллигентские слои, которые обладают большою настойчивостью, в особенности молодежь, которые обладают большой силой сопротивления, которые связаны с другими кругами безработных. Вот, мне кажется, социальная база нашей оппозиции, но, повторяю, сейчас не только важно знать социальную форму оппозиции, ее базу, но нужно понимать ее служебную роль.

Оппозиция служит знаменем всех контрреволюционных сил.

Мы с сожалением должны констатировать, что оппозиция, ломая рамки советской легальности, *начинает служить прямо нашим противникам*. Оппозиционные товарищи выступают против нас с такими обвинениями: вы, как настоящие термидорианцы, хотите еще запугать нас в ЦК, нас, настоящих революционеров, вы хотите смешать, как во времена термидора, с разной швалью, с контрреволюционерами, хотите создать месиво, «амальгаму», которую сам чорт не разберет, и хотите подвести нас фуксом под разряд контрреволюционеров. Амальгама—амальгамой, а факты—фактами. На пленуме ЦК я приводил ряд мест из такого «амальгамиста», как т. Ленин. Я не буду приводить много мест, я приведу некоторые цитаты из известной резолюции X партсъезда об единстве партии, и приведу не те цитаты, которые обыкновенно приводятся, а несколько другие места. Вот что писал в резолюции X съезда Владимир Ильич:

«Использование врагами пролетариата всяких уклонений от строго выдержанной коммунистической линии с наибольшей наглядностью показало себя на примере кронштадтского мятежа, когда буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выявили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России, когда эсеры и вообще буржуазная контрреволюция использовала в Кронштадте лозунги восстания якобы во имя советской власти против советского правительства в России. Такие факты доказывают вполне, что белогвардейцы стремятся и умеют перекраситься в коммунистов и даже «левее» их, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции в России. Меньшевистские листки в Петрограде накануне кронштадтского мятежа показывают, равным образом, как меньшевики использовали разногласия внутри РКП, чтобы фактически подталкивать и поддерживать кронштадтских мятежников, эсеров и бело-

гвардейцев, выставляя себя на словах противниками мятежей и сторонниками советской власти лишь с небольшими будто бы поправками».

В § 3 говорится: «Пропаганда по данному вопросу должна состоять, с одной стороны, в обстоятельном объяснении вреда и опасности фракционности и с точки зрения единства партии и осуществления единства воли авангарда пролетариата, как основного условия успеха диктатуры пролетариата, с другой стороны— в объяснении своеобразия новейших тактических приемов врагов советской власти. Эти враги, убедившись в безнадежности контрреволюции под открыто белогвардейским флагом, напрягают теперь все усилия, чтобы, используя разногласия внутри РКП, двинуть контрреволюцию так или иначе путем передачи власти политическим группировкам, наиболее близким по внешности к признанию советской власти.

Пропаганда должна выяснить также опыт предшествующих революций, когда контрреволюция поддерживала наиболее близкие к крайней революционной партии мелко-буржуазные группировки, чтобы поколебать и свергнуть революционную диктатуру, открывая тем дорогу для дальнейшей полной победы контрреволюции, капиталистов и помещиков».

Троцкисты расчищают дорогу „третьей силе".

Тов. Ленин неоднократно выставлял эту проблему третьей силы. Если в партии обнаружилась щель? Третья сила сторожит. Великое преступление, кто прямо или косвенно поддержит эту третью силу. У нас в стране есть недовольные. Мы много пишем и говорим относительно того, что у нас будет война. И вот вы легко поймете, что среди этих группировок сейчас идет бешеная спекуляция на войне: может быть, война будет, тут мы и встанем,—думают они,—тут мы и покажем. И вот, готовясь к этому, они готовы использовать каждую щель.

Как дожила оппозиция до жизни такой, что она нарушает не только устав партии, но и законы пролетарской диктатуры, т. е. ломает некоторые балки пролетарской диктатуры, так что получается щель, в которую противники наши полезут с превеликим удовольствием? Это надо понять. Конечно, если оппозиция считает, что у нас нет пролетарской диктатуры, тогда разговор другой, тогда надо сказать оппозиции: уходите, образуйте вторую партию и оставьте нас в покое; будем честно драться, но

не вертитесь тогда так, что ничего понять нельзя, потому что, с одной стороны, вы говорите о диктатуре пролетариата, а с другой—о термидоре. Какой «термидор», когда диктатура пролетариата, и какая диктатура, когда термидор? Ведь это у вас шутовская линия, а не честное выявление своих взглядов. Давайте разойдемся, как честные враги. Для чего же ломать такую бешеную комедию? Когда вы нарушаете советскую легальность, вы поощряете всякую сволочь.

Теперь о так называемом военном заговоре. Я должен сказать об этом военном заговоре, потому что оппозиция напечатала об этом в органе Маслова, назвав всякие фамилии, спугнув тем самым тех, кого мы еще не арестовали, но должны арестовать: предупредила их. У нас до сих пор бывали дела, что если какая-нибудь контрреволюционная вещь раскрывается, то об этом члены Центрального комитета и вообще члены партии, честные, а не жулики, не такие, которые готовы выдать Ломинадзе полицейским шпионам гинденбурговской республики, а настоящие, честные революционеры, до сих пор считали своим долгом молчать до поры, до времени. А вот можете себе представить, что показания и другие материалы еще не законченного следствия недавно раскрытой контрреволюционной группы с разными ироническими замечаниями напечатаны в органе Маслова. Нам известно, кто был знаком с этими показаниями. Это были члены Центрального комитета ВКП(б).

Я буду рассказывать в тех пределах, которые стали известны благодаря оппозиции. Дело обстояло таким образом. В связи с раскрытием нелегальной оппозиционной типографии было установлено, что некоторые из работников этой типографии через ряд звеньев были связаны с военными группировками, помышлявшими о военном перевороте у нас, на манер переворота Пилсудского. В их числе есть старые полковники Колчака, есть один коммунист-оппозиционер, который сейчас арестован, и есть еще разные другие лица. Эта самая военная братия резко антисемитски настроена. Они прямо говорят своим контр-агентам, что решать в конце концов будете не вы, «чумазые», а мы, но мы вас используем пока что. Они доказывают самыми сложными соображениями, что в настоящее время необходимо спасать страну «от гибели» путем переворота, аналогичного перевороту Пилсудского, тем более что последний удался без шума, без иностранной интервенции. Для осуществления этого переворота им нужны решительные люди, и нужно использовать разногласия внутри

партии. Нас ругают амальгамщиками, но я считаю, и если товарищи будут читать протоколы пленума ЦК, то они увидят, что в этом вопросе т. Троцкий явно попался... Я его спрашивал: есть ли в числе арестованных один беспартийный, выпуска которого оппозиция требовала? Требуют ли они все еще его освобождения? Троцкий кричит с места: «Требуем, если он судится по делу о типографии». Я спрашиваю: «А если по делу о военном заговоре?»—«Делайте с ним тогда что угодно».—«А если он и по тому и по другому делу?» Он смешался и говорит: «Вы это добыли путем подставных лиц и пр.». Я говорю: все равно, каким путем, но, если существует такое положение, что одно и то же лицо работало у вас в типографии и в то же время связано с военными заговорщиками, то вы признаете, что с ним можно делать, что угодно, т. е. тем самым вы признали, что в жизни возможна «амальгама» и что вы, следовательно,—хвост, к которому примазываются люди, обслуживающие, с одной стороны, вашу типографию, а с другой стороны—идущие за колчаковскими офицерами. Так оно на самом деле и есть.

Нужно иметь в виду, что никто из нас никогда не думал обвинять оппозицию в том, что они—контрреволюционные заговорщики,—пока до этого дело не дошло. Они обвиняются с нашей стороны в том, что своей бесшабашной борьбой против партийной и советской легальности, бесшабашной ломкой законов пролетарской диктатуры притягивают всякий сброд, окрыляют его. Этот сброд цепляется за фалды оппозиции, стремится пролезть с ними в щель и объявить себя их союзниками. В ответ на это с величайшим негодованием говорят: это не наши, мы сами готовы их расстрелять, берите их к себе, делайте что угодно. Мы знаем, что это должно быть так: оппозиционеры будут отталкивать этот сброд, а он будет к ним опять прилипать, будет к ним итти по всяким каналам. Почему? Потому что противники нашей власти в нашей стране отлично понимают, что, ломая рамки диктатуры своей внутрипартийной борьбой, рамки, установленные партийным режимом, они открывают щель, куда идут все остальные.

Вот почему совершенно прав по отношению к теперешнему времени был т. Каменев, который еще в январе 1925 года говорил, что «оппозиция Троцкого стала символом всех антикоммунистических сил».

Нас ругают «бонапартистами», «узурпаторами» и пр., но что скрывается за всеми этими криками? Вообще говоря, как пони-

мался до сих пор бонапартизм? До сих пор бонапартизмом или бонапартистами именовали какую-нибудь сильную личность или группу таких людей, которые, насилуя волю крупного коллектива и апеллируя к улице, делают свое дело. У нас есть партия, миллионы человек, у этой партии есть коллективная воля, вырабатываемая и воплощаемая на съездах, и есть, с другой стороны, несколько человек, которые на Ярославском вокзале апеллируют к молочницам. И вот эти одиночки, которые идут против огромного коллектива, говорят этому огромному коллективу: «это бонапартисты, а мы воплощение воли партии». (*Смех.*)

Это как-то странно выходит. Они говорят: «вы нарушаете волю партии», т. е. огромное партийное большинство и съезд нарушают волю партии,—а они, кучка, герои Ярославского вокзала, являются воплощением партийной воли—«вокзальные» герои. Они говорят: мы демократы, а вы узурпаторы. Но, очевидно, «демократизм» заключается в том, чтобы не выполнять ни одного решения большинства и нарушать самым неделикатным образом свои собственные обещания. Это есть демократизм, а противоположное—это «узурпаторство», «бонапартизм» и пр. Тут не только все стоит на голове, а и ходит на голове (*смех*), и это называется оппозиционной установкой.

А смотрите, как расценивают дело наши враги. Не так давно в газетах появилась оценка Ллойд-Джорджа, очень умного человека. Этому человеку В. И. Ленин хотел посвятить свою брошюру «Детская болезнь левизны в коммунизме» с ироническим подзаголовком. Я видел эту рукопись, когда Ленин мне ее прислал, с посвящением «господину Ллойд-Джорджу, за его почти марксистские речи там-то и там-то». Иронически Ленин хотел сказать: вот хитрая бестия Ллойд-Джордж, как он ловко видит опасное для себя сложение общественных сил и почти помарксистски анализирует его. Так вот этот Ллойд-Джордж написал о Троцком, что его левые фразы—это чепуха, но если говорить о сильных личностях с намеком на бонапартизм, то они могут выйти только отсюда. Ну, конечно, этому не бывать.

Оппозиционная идеология — идеология неоменьшевизма.

Но я должен, в связи с этим, сообщить вам одно интересное произведение. Правда, этого произведения у меня, к сожалению, нет текстуально, а есть в форме изложения доклада одного

лица относительно взглядов его по поводу 10-летия Октябрьской революции. Это лицо пишет следующее,—я буду читать только наиболее важные места: «В СССР чувствуется всеобщее разочарование в пролетарской революции». В крестьянстве происходит процесс бонапартизации. Крестьянство ищет сильного человека или, на первых порах, коллегию людей, который или которая могли бы закрепить завоевания крестьянской революции. В крестьянстве пробуждается жажда накоплений, жажда пожить вволю, и оно начинает уже открыто враждебно относиться к рабочему классу. «Более честные и добросовестные из большевиков сами признают эти опасности. Так, Каменев в 1925 г. предостерегал свою партию, указывая на быстрый рост кулачества, которое, по подсчетам Каменева, уже тогда, в 1925 г., составляло около 12 проц. всего крестьянства и выбрасывало на рынок 60 проц. всей крестьянской продукции». Наряду с ростом кулака растет и сельскохозяйственный пролетариат, увеличивая собой армию безработных. Нижние этажи советского государственного здания, как сказал один из честных большевиков, затопляются крестьянской стихией».

«Нужно было семь лет практического опыта, чтобы добросовестные большевики, т. е. коммунистическая оппозиция, признали этот факт в 1927 году. Она, эта оппозиция, устами Троцкого заявила в августе на пленуме ЦК: «Пролетариат все более и более свертывается, уступая место другим классам, которые все более и более развертываются». Этим самым оппозиция Коммунистической партии признала то, о чем Мартов и вся российская с.-д. партия постоянно твердила: социалистическая революция в СССР невозможна, и, если она будет начата, то потерпит крах ввиду низкого уровня хозяйственного и культурного развития России». Совершенно прав был покойный Мартов, декларировавший, что только решительный отказ от диктатуры и переход к политической демократии спасет русскую революцию. «Этот взгляд снова и снова,—подчеркивает докладчик,—усвоили теперь и честные большевики».

«Наш путь,—заканчивает он,—спасения революции и ликвидации большевистской диктатуры, как наивысшего препятствия к осуществлению социализма, заключается в неустанной антибольшевистской пропаганде и в соответствующем давлении на рабочий класс СССР. И надо сказать, что, несмотря на наше

нелегальное положение в СССР, нам удалось и удается направить часть рабочего класса и даже часть членов Коммунистической партии и без того, чтобы эти коммунисты отдавали себе в этом отчет, на тот путь, который нужен, на путь ликвидации большевизма».

Я это цитировал из доклада члена ЦК РСДРП Рафаила Абрамовича.

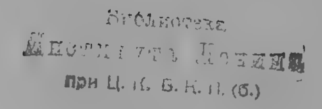
Не подлежит сомнению глубочайшее родство всей идейной установки новой оппозиции, во главе с Троцким, с меньшевиками. Оппозиция, несмотря на прикрытие левыми жестами и пр., по существу дела в коренных вопросах нашей революции переходит в лагерь, как Троцкий сказал в 1923 г., меньшевиков и либералов. Само собою разумеется, что со всей этой установкой трудно вести энергичную пропаганду защиты СССР. И нечего тут кокетничать и очень обижаться, когда мы говорим товарищам из оппозиции, что они условные оборонцы по отношению к нашей республике. Ведь нельзя же вдохнуть энтузиазм в рабочих, говоря им: защищайте СССР, потому что там термидорианцы. Нельзя же говорить рабочему классу других стран: направь оружие в защиту СССР, хотя в СССР хуже и меньше свободы, чем в Германии. Ведь это же позиция абсолютного лицемерия. Из этой позиции выход единственный: или стать открыто на меньшевистские рельсы, открыто сблокироваться с меньшевиками, или открыто признать свои ошибки и преступления перед партией. Третьего пути не дано. Мы призываем оппозицию выбрать либо одно, либо другое; открыто стать с меньшевиками или открыто стать с нами, признав свои преступления.

Мы будем итти вперед, пока мы живы!

Одна из наших задач—это систематическая борьба убеждением, борьба за каждого честного оппозиционного рабочего, ибо мы не должны не дорожить честными и действительно революционными рабочими. Одна из задач нашей дискуссии заключается в том, чтобы переубедить честных, хотя бы и немногих, но все-таки имеющихся сторонников оппозиции. Тогда оппозиционные вожди, адмиралы швейцарского флота, оставшись без армии, или бросят свою губительную борьбу, признав свои ошибки, или открыто перейдут в лагерь меньшевиков.

Последнее будет чрезвычайно плохо с точки зрения индивидуальной судьбы этих вождей. Мы всей душой не хотим этого, но мы не можем из жалости к тому или другому лицу, хотя бы и имевшему крупнейшие заслуги в нашем рабочем движении, на основании этого прошлого жертвовать настоящими, действительными общими интересами нашего рабочего класса. И мы заявляем, что будем бороться со всей решительностью со всеми теми, кто попытается тащить или тащат своих товарищей в меньшевистское болото.

Не для того мы брали власть в свои руки, не для того проделывали Октябрьский переворот, чтобы задним ходом притти к позиции октябрьских дезертиров. Мы брали знамя Октябрьской революции для того, чтобы итти вперед, и будем итти вперед, пока мы живы! (*Бурные продолжительные аплодисменты.*)

СОДЕРЖАНИЕ.

75 коп.

